

По святым местам Русского Севера

(фрагменты из записных книжек)

Жизнь человека – словно причудливая и загадочная книга. Листая её страницы, не перестаёшь удивляться хитросплетениям великого и обыденного, мудрого и неразумного, милосердного и жестокого, что отпечатано в душах, умах и судьбах каждого из нас.

*Куда ведёте вы, пути-дорожкины,
Для нас диковинны,
но кем-то хожены,
Своими далями необозримые,
Людскими судьбами
непостижимые?*

Необъяснимая, на первый взгляд, логика событий уже в который раз увлекала нас в путь. В дорожной пыли, в утренних туманах, грозových всполохах и осеннем звездопаде растворялись обрывки сновидений, неосознанные влечения, внутренние импульсы, неожиданные звонки... Внезапные, часто именно они звали нас в дорогу к неведомой, но столь желанной цели.

Хроника нашей жизни напоминает скорее воплощение некоего потайного замысла незримого режиссёра, – настолько всё в нём захватывающе, гибко, логично и мудро. Как в жизненной драме здесь нашлось место и время всему: потерям, расставаниям, обретениям, страстям и смирению.

Наш Валаам

Когда-то, давным-давно, нас «позвал» неведомый нам дотоле Валаам. Позвал мягко, но неодолимо. Как-то вдруг сами по себе появились добрые люди, сложились удачные обстоятельства. И вот мы – уже на дивном острове, в святой обители: переполненная мансарда Летней гостиницы в пик паломнического сезона, оглушительные раскаты гро-

ма в ночи и рыжий валаамский кот, пометивший нас, спящих, как свою собственность... А утром – свежий простор Ладоги и колокольный звон, хвойный дурман над мшистым покровом леса, древние скалы, пронзающие озёрную бездну.

Удивительно было для нас видеть, как переплелись здесь первозданная природа и рукотворный мир, чудесно дополняя друг друга. Всё это – деяние многих и мно-

Валаамский Спасо-Преображенский собор времён игумена Дамаскина

№ 5 (135), 2021

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная
Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Иван КОРОТКОВ

Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Подписано в печать 20 октября
2021 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 897

СОДЕРЖАНИЕ

Связующая нить

Николай и Наталья МИНИНЫ

По святым местам Русского Севера.....1

Тайны Кремля

Вячеслав ОГРЫЗКО

Никому не нужные эвенки.....9

Красное колесо

Александр ПЕТРУШИН

Реабилитация.....14

Документ эпохи

Иван КОРОТКОВ

Чудак-человек.....25

Документ эпохи

Борис БОРИСОВ

Дневник БАМовца26

Рассказ

Марат ВАЛЕЕВ

Я копаю бормышей.....43

Забывтое танго

Борис САВЧЕНКО

Вадим Козин – загадки биографии.....47

Мы – один мир

Ника БОГАЧЁВА

Шаман с открытой детской душой.....54

гих поколений монахов, веками трудившихся во славу Божию под руководством своих игуменов.

Среди десятков и сотен имён валаамских насельников, некогда удалившихся на эти скалистые берега для поиска пути ко спасению, невольно выделили мы для себя имя старца-игумена Дамаскина (1795-1881), тщанием которого на горах Валаама щедро расцвели сады; возникла разветвлённая сеть превосходных дорог, каналов, мостов; отстроено множество скитов, часовен; ископаны и выдолблены в скалах колодцы со святой водой, а сам дивный остров Валаам и его обитель со строгим Саровским Уставом и аскетичной монашеской жизнью, были названы Северным Афоном.

...Медленно брели мы тогда по лиственной аллее на Игуменское кладбище, где отец Дамаскин нашёл своё последнее упокоение. Долго сидели в тени лип у гранитного креста, молчали, слушая тишину. И было в ней нечто глубинное, важное, что невозможно постичь ни чувствами, ни рассудком. И могли ли мы тогда подумать, что уже вскоре по благословию нынешнего Валаамского игумена Панкратия мы сами начнём готовить материалы для книги об игумене Дамаскине, для чего перероем Валаамский, Тверской, Московский и Петербургский архивы, изучим обширную переписку игумена Дамаскина с его духовными чадами, благотворителями, духовенством и чиновниками, – и особенно ценное эпистолярное наследие – переписку о. Дамаскина с его духовным наставником – святителем Игнатием Брянчаниновым. (См: «Валаамский избранник», – М., 2007 год).

А сколько было тогда незабываемых встреч и событий! Вспоминается весенняя Ладога, ноздреватый снег, чёрные промоины, сырой туман... И сквозь всю эту пугающую зыбь несёт нас стрелой крошечное судно на воздушной подушке. Кажется, что монах о. Сергей ведёт свой «корабль» вслепую, если бы не маленький «юркий» компас. Та поездка 2006 года была особенно важна для нас: мы спешили поделиться с валаамской братией радостными известиями о том, что на родине особо почитаемого ими игумена в Старицком районе Тверской обл., вместе с его немногочисленными земляками, на старом приходском кладбище деревни Мичково (ранее село с ныне утраченным приходским Борисоглебским храмом) нам удалось восстановить могилку его родителей: матери, Матроны Ивановой (+1812 г.) и отца, Конона Евдокимова (+1822 г.); установить памятный поклонный крест на храмовых руинах, начать расчистку нынешней приходской Флоровской

церкви в соседней деревне Степурино (80 лет пребывавшей в запустении и поругании), зарегистрировать сам приход, заняться поисками приходского священника... А это значит, – восстановить незримую тонкую духовную связь между малой родиной старца-игумена Дамаскина и Валаамской святой обителью, трагически прерванную в тяжёлые времена богоборчества XX века.

Увенчалась же вся эта наша тогдашняя многолетняя валаамская эпопея приездом степенуринских школьников на святой Валаам в конце сентября 2008 года. И дело было так!

...Небольшой монастырский теплоход «Святитель Николай» был загружен по самую ватерлинию. Седой капитан, окинув оценивающим взглядом толпу ожидавших на причале трудников, паломников и гостей обители, проворчал: «Всех взять не смогу! Перегруз будет!» Мы заволновались: столько сот вёрст добирались сюда, в Приозёрск, из тверской глубинки и на тебе! Но первыми, кто по шаткой сходне взошёл на спасительную палубу, были сельские школьники и учителя – посланцы с родины игумена Дамаскина. Именно этот факт стал решающим аргументом «за» в сознании «старого морского волка». Вскоре наш потрёпанный крепкими штормами водоход, взяв курс на Валаам, весело пенил винтами кипящую Ладогу.

Валаамский игумен Дамаскин (Кононов)

...На Валааме – золотая осень! Природа ещё свежа, но уже шуршат сухими чешуйками-листочками желтеющие берёзы, и в зелёных кущах кое-где начинают вспыхивать огоньки кленового багрянца.

Следующий день после нашего прибытия на Валаам, субботний, выдался тёплым, безмятежно тихим. Северное небо, ранее подёрнутое лёгкой дымкой, светлело и прояснялось с каждым часом. Валаам словно готовился к светлому Празднику Рождества Пресвятой Богородицы (21 сентября) и к встрече с Патриархом, тогда – Алексием II.

Осень Патриарха

...Встреча с такой выдающейся личностью, коей являлся приснопоминаемый Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II – великое счастье для каждого из нас. Степуриным детям повезло: они в первый (и в последний) раз воочию смогли лицезреть Его Святейшество. Это была последняя Божественная литургия Патриарха Алексия II в главном Спасо-Преображенском соборе на Валааме. Пятого декабря, двумя месяцами позже, его не стало.

Его Святейшество не раз признавался, что «благодарит Бога за каждую поездку на Валаам и с упованием молится о том, чтобы Господь позволил ему вновь ступить на эту благословенную землю». В 1938-39 гг. де-

вяти-десятилетним мальчиком он приезжал сюда с родителями. Дивные колокольные звоны, природные краски и звуки, строгие валаамские распевы, молитвы старцев и горячее сострадание монастырской братии к людям слились для юного Алёши в мощный поток духовности и неувядаемые воспоминания детства, повлиявшие на всю его дальнейшую жизнь. А потом – богоборчество советского режима, разрушение святынь и пятидесятилетний перерыв монашеского служения на Валааме. И теперь каждая новая встреча с возрождённой под его патронажем святой обителью воспринималась Патриархом Алексием II, по его собственному признанию, как «великий дар Божий».

...Как же радостно на душе! Нам посчастливилось отстоять Всенощное бдение, совершённое Святейшим патриархом уже в день его прилёта на Валаам, в субботу, 20 сентября. Накануне праздника Рождества Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии в верхнем храме валаамского Спасо-Преображенского собора было полно народу. Строгим валаамским распевом пел мужской монастырский хор. Ярко горели свечи. Люди молились, внимая голосу патриаршего архиерея, и общая молитва в волнах обильно курящегося фимиама возносилась под купол светлого и величественного Дома Божия.

...Весь облик храма во имя Преображения Господня возвышает душу и ум молящихся. На многочисленных фресках – события из

Святейший Патриарх Алексий II и епископ Панкратий на Всенощном бдении 20.09.2008

жизни Господа Иисуса Христа, Божией Матери, а также святителей, преподобных и ангелов. «Есть среди них и наши земляки, Тверские святые», – заметили юные паломники, прибывшие на Валаам с родины игумена Дамаскина.

В конце богослужения, помазывая богомольцев елеем, Патриарх Алексий II раздавал всем иконки с изображением святого равноапостольного князя Владимира Киевского и надписью: «Благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в память возведения Свято-Владимирского скита на о. Валаам», который и был освящён Предстоятелем Русской Церкви днём позже.

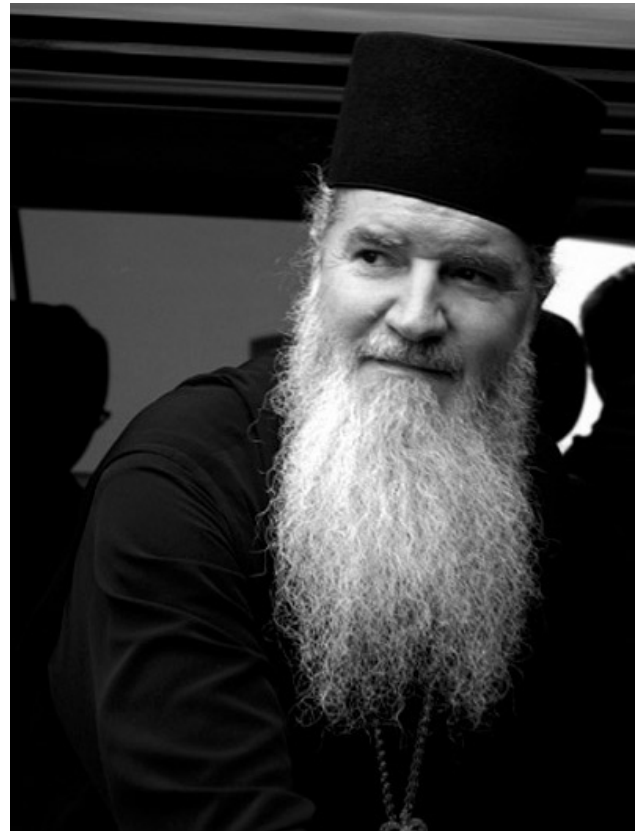
Святейший Патриарх молитвенно пожелал нам, «чтобы благодатное предстательство Царицы Небесной давало каждому духовное укрепление и поддержку на жизненном пути».

Его Святейшество спокойно, торжественно и тихо покинул храм, будучи облачённым в белый куколь и чёрную мантию. При этом первый символизировал его принадлежность к первоверховной власти, второй – глубокое христианское смирение. Лик Предстоятеля был светел и ясен, взор – пронизателен, чист. Таким он и остался в нашей памяти на всю жизнь. Воистину сказано: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение» (Лк. 2: 14).

Нынешний игумен Валаамского монастыря епископ Троицкий Панкратий вспоминал, как в конце 90-х годов в день памяти преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев – основателей обители, после очередного визита Святейшего Патриарха Алексия II «началось обильное мироточение иконы над ракой преподобных». Потом свидетельствует владыка, миро выступало на иконах Пресвятой Богородицы Тихвинской, преподобного Германа Аляскинского и под стеклом «у ножек Распятого Спасителя на Голгофе». Монашествующие сочли это «небесным утешением братьев в их малых трудах, для укрепления в несении скорбей, креста иноческого». По их мнению, это был знак Божией милости и молитвенной поддержки Валаамской святой обители преподобными отцами.

Хранить невидимую связь

...Благодарение Господу, после многих лет разлуки мы вновь устремляемся на Валаам. По благословию нашего духовного отца, архимандрита Мефодия (+2021 г.) – руководителя духовно-просветительского Центра «Свет Валаама», помощника игумена Валаамского

монастыря епископа Панкратия по приёму гостей, в чьих глазах всегда светились любовь, ум и всепрощение, мы ступаем на валаамскую твердь. Но не одни, а с милостью Божией недавно назначенным на служение настоятелем степуринского храма Флора и Лавра отцом Николаем Куш. С первых же дней своего пребывания на старицкой земле – родине Валаамского игумена Дамаскина, он также приложил немалые усилия для восстановления молитвенного единения между родными местами старца-игумена и святой Валаамской обителью, которой отец Дамаскин верой и правдой служил более полувека. В своих молитвах неизменно поминает отец Николай и самого отца Дамаскина, и его родителей – рабов Божиих Конона и Матрону, что упокоены на старом приходском мичковском кладбище, и чья могилка с новым крестом и надгробными плитами красного и чёрного гранита (дар валаамской братии к 50-летию служения о. Дамаскина в обители на скалах Валаама), оберегается и почитается нынешними местными жителями.

Долгих 13 лет мы со степуринскими прихожанами ждали назначения отца-настоятеля, обращаясь во все инстанции: от Тверской епархии до духовных семинарий и академии. И это понятно, ведь служение сельских священников – дело крайне нелёгкое и в высшей степени ответственное, заставляющее нас уяснить себе твёрдо, что пастырям добрым

На родине игумена Дамаскина. Могила родителей на старом Мичковском кладбище

нужно всегда помогать. Но даже живя рядом с храмом, современному человеку, не приученному к молитвенной жизни с детства, трудно прилежно посещать службы, становясь для батюшек верными сомолитвенниками; постоянно, как и они, заботиться о своём храме и трудничать в них во славу Божию. А ведь только тогда любая, даже полуразрушенная, сельская церквушка вдруг откроется для нас как место святое и испокон веков намоленное,

где в покаянии облегчаются наши души, и во Святом Причащении сердца устремляются горе.

...И вот мы в пути! Мелькают за окном знакомые нам названия: Бологое – Малая Вишера – Волховстрой – Свирь – Эссойла – Суоярви – ...Сортавала, откуда до Валаама по Ладоге, при невысокой волне, – рукой подать. А уж при штиле, каков был

Отец Николай Куц и Николай Минин у могилы родителей игумена Дамаскина

Николай и Наталья Минины на Валааме.

на этот раз, и вовсе летишь «аки птица», благо, что наш метеор «Преподобный Назарий» – теплоход на подводных крыльях! Мы спешили, пока непредсказуемое море-озеро ещё дышало влажной летней свежестью.

Обитель приняла нас с любовью и хлебо-сольно, как своих блудных кающихся детей. Мы ежеминутно чувствовали трогательную заботу о нас, недостойных и многогрешных, чадолюбивого батюшки Мефодия: были обласканы, окружены красотой и повышенным вниманием. Слова: «а вот – батюшка с родины игумена Дамаскина», которого и здесь столь долгое время ждали, оказывали на окружающих прямо-таки магическое воздействие.

Наш отец Николай вызывал повышенный интерес и даже благоговение со стороны многих и вовсе не знакомых нам людей. Для посланцев с родины игумена Дамаскина открывались двери старинных скитов, храмов и часовен. Летящие по водам монастырские катера переносили нас на погруженные в молитвенную тишину и природное величие скитские острова. А чудесные экскурсоводы – сотрудницы местного музея – Татьяна Бердяева и Ольга Ипатова щедро делились с нами своими обширнейшими познаниями, поражая неистощимой энергией и удивительной преданностью этим святым местам.

Такое отношение к нашему статусу – проявление глубочайшего почитания и любви благодарных современников к самому отцу Дамаскину. Монастырь до сих пор помнит своего великого игумена-строителя, тот мощный духовный и созидательный взлёт,

поднявший Валаамскую обитель на небывалую высоту мировой известности. Не случайно время правления этого «игумена с железным посохом» было метко названо его современниками «Золотым веком Валаама».

Будучи официально ещё не прославленным, этот мудрый духоносный старец почитается в монастыре как местночтимый валаамский святой. К месту его упокоения на Игуменском кладбище стекаются монашествующие и люди светские, порою слёзно прося его помощи, ходатайства и заступления. И не обманываются в своих ожиданиях, ибо в жизни каждого происходят скорые заметные перемены, в чём они сами не раз признавались нам: «будто кто-то раздвигает глыбы ранее неразрешимых проблем».

...После долгого пути в уже заметно сгустившихся сумерках мы пришли молитвенно поблагодарить отца Дамаскина за этот тёплый приём и доброе к нам участие. На ступеньке у его могилки с неугасимой лампадой и живыми цветами на ней в глубокой задумчивости сидел монах-черноризец. Казалось, он был весь погружён в молитвенное созерцание, ведя только ему понятную безмолвную беседу с отцом-игуменом и испрашивая его совета, помощи или благословения. Но не столько увидев, сколь почувствовав наше присутствие, инок стремительно поднялся и тихо растворился в вечерней мгле, предоставив и нам возможность излить свои чувства.

Но надо спешить в храм. С чувством внутренней благодарности и духовного

трепета готовился наш отец Николай к каждому богослужению, к каждой встрече; часами стоял, терпеливо выслушивая желающих исповедоваться, нередко поражаясь драматизму историй, глубине и искренности раскаяния монашествующих и мирян.

Разнообразными и богатыми на духовные впечатления были наши валаамские дни осени 2019 года. Словно на Святой Земле древнего Иерусалима побывали мы – столько здесь можно встретить топографических и топонимических аналогий! Гора Фавор, на которой вознёсся сам монастырь с его величественным Спасо-Преображенским собором. Гефсиманский скит с деревянной часовней и иконой «Моление о Чаше», расположенный у подножия Елеонской горы. Полон символики и скит Воскресенский с его верхним воздушным и сияющим храмом во имя Воскресения Христова и нижним, таинственным, – Святого апостола Андрея Первозванного, с находящейся здесь своей Кувуклией – часовней Гроба Господня. Тут же и свой камень помазания, символически обозначающий камень, на котором Праведный Иосиф и Никодим помазывали Пречистое Тело Спасителя. А вот и Притвор Ангела... Погружённый в эту таинственную тишину, ты всей душой ощущаешь, будто лишаешься телесной оболочки, чтобы воспарить духом уже там – в верхнем светлом и торжественном храме Воскресения Христова.

Эта созидательная деятельность монахов-предшественников подхвачена и нынешними монахами, благотворителями, мастерами, трудниками и волонтерами, продолжающими поддерживать, отстраивать и благоукрашать святую Валаамскую обитель. Плодами этих колоссальных творческих трудов наших талантливых современников мы также восхитились на Валааме в полной мере.

Сейчас и впоследствии, не раз наблюдая колленнопреклоненного отца Николая пред валаамскими святынями, мы не могли не ощущать его благоговейно-сдержанного восторга. «Дивны дела Твои, Господи!», – словно говорил глубокий задумчивый взгляд степуринского батюшки.

Не без приятного удивления наблюдали мы, с какой глубокой заинтересованностью окупился наш отец Николай (сам родом из сельской местности) в монастырское хозяйство: рассматривал устройство монастырской фермы, оборудованной по последнему слову техники; вникал в сложные процессы изготовления и хранения монастырских сыров, вопросы разведения сияющей американской форели на местном рыбозаводном заводе; присматривался к тонкостям производимых здесь реставрационных работ, к своей радости так и не обнаружив следов применения пластиковых евроокон.

Коптильня, пекарня, курятник, коровник, конюшенно-каретный двор и даже склад ГСМ – ничто не ускользнуло от опытного и заинтересованного взгляда хозяйственного отца-настоятеля. И нам подумалось тогда: такого священника на селе нужно беречь и охранять всем миром. Недаром, уже прощаясь с нами, пронизательный и многомудрый архимандрит Мефодий, словно угадывая наши мысли, с улыбкой заповедал нам: «Берегите своего батюшку!», указав заискрившимися глазами на отца Николая.

С благодарностью и светлой грустью покидали мы скалистые валаамские берега. Колокольня-маяк провожала нас своим отдалённым стихающим звоном. За кормою – седой Валаам, место монашеских подвигов и трудов игумена Дамаскина с вверенной ему братией, мощно поддержанное нашими современниками. А впереди у нас свои планы, трудности и заботы...

Слава Богу за всё! И да не прервётся в веках эта тонкая живительная связующая нить, что прядут во славу Божию для всех нас незримые ангелы!

Николай и Наталья МИНИНЫ

НИКОМУ НЕ НУЖНЫЕ ЭВЕНКИ

В 1971 году судьбой эвенков озаботился главный партийный идеолог Михаил Суслов. Но даже он не смог прошибить стену равнодушия

В январе 1971 года журнал «Наш современник» напечатал статью 33-летнего иркутского автора Вячеслава Шугаева «Тунгусский берег». Материал рассказывал о непростом положении, в котором оказались эвенки.

Что было тогда известно о Шугаеве? Впервые о нём заговорили после прошедшего в 1965 году в Чите семинара молодых писателей. Заезжим москвичам очень понравились его повести «Любовь в середине лета» и «Бегу и возвращаюсь». К слову: вторую вещь Шугаева тут же опубликовала «Юность» с предисловием популярного тогда у молодёжи прозаика Василия Аксёнова.

Когда Шугаев в начале 60-х годов попал после Уральского университета в Сибирь, он сразу сошёлся с другим молодым талантливым журналистом Юрием Скопом. Они вместе без оглядки на авторитеты поднимали в иркутской прессе очень трудные вопросы обустройства молодых строителей Братской ГЭС. А сколько месяцев два приятеля провели на трассе строившегося нефтепровода Туймазы–Ангарск! Было у них и совместное плавание от истоков до устья реки Лены.

Со Скопом Шугаев бок о бок проработал несколько лет. Потом он сдружился с Вампиловым. Есть у него и вещи, написан-

ные в соавторстве с молодым Валентином Распутиным.

Шугаев умел и проблемы выпукло обозначить, и вырисовывать людей. Поэтому его и читали.

Теперь два слова о теме очерка, появившегося в начале 1971 года в журнале «Наш современник». Вопросы выживания эвенков в условиях наступления европейской цивилизации были для Шугаева не новы. За десять лет он много где успел побывать. Какое-то время молодой писатель жил среди катангских эвенков. Бывал он и у эвенков Забайкалья. И везде он сталкивался с одними и теми же проблемами: эвенки угасали, а местные власти ничем им помочь не могли.

Номер журнала «Наш современник» с материалом Шугаева заметил главный партийный идеолог Михаил Суслов. 12 февраля 1971 года он после рассмотрения на Секретариате ЦК КПСС всех вопросов по повестке дня коснулся публикации молодого писателя.

«В последнем номере журнала «Наш современник», – заметил Суслов, – опубликована хорошая статья о северных народностях нашей страны. В статье говорится, что на Севере быстро развивается хозяйство, в частности, оленеводство, пушной промысел и т.п., но очень мало проявляется заботы со

сторонны соответствующих организаций о создании материально-технической базы. В своё время были приняты решения по вопросам развития северных районов: одно в 1948 году, другое – в 1968 году. Эти постановления в основном выполнены. После этих решений вопросами северных районов не занимались. Поэтому я бы считал целесообразным, в порядке проверки выполнения принятых ранее решений, подготовить предложения.

Может быть, следовало бы поручить тт. Капитонову, Кулакову, Соломенцеву подготовить проект постановления по данному вопросу. Указать в нём, в каком направлении следует нам вести подготовку этого вопроса.

Следовало бы принять меры по оказанию помощи северным районам.

Предложение принято» (РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 7, лл. 66–67).

Сразу после состоявшегося заседания Секретариата ЦК Иван Капитонов, отвечав-

ший в ЦК за кадровую политику, попросил, чтобы ему подготовили справку о поднятых в материале Шугаева вопросах. Функционеру доложили:

«События, описываемые в очерке, происходят в районе Ербогачён, расположенном на р.Тунгуске, примерно в 1100 километрах к северу от Иркутска. Главное занятие жителей района, как и других районов Крайнего Севера, – охота, рыболовство, пушное звероводство, оленеводство.

В очерке проводится главная мысль о том, что материально-техническая база хозяйства очень слаба, район характеризуется большой неустроенностью как в материально-бытовом, так и в культурном отношении, количество людей всё время уменьшается.

Энтузиасты Севера в лице секретаря райкома партии Масягина многое делают для развития Севера, но перед ними возникают непреодолимые препятствия. Масягин говорит: «Мы тут третий год трактор выпрашиваем, выпросить не можем, третий год кран на Подволошенский причал поставить не можем, не дают». В районе ощущается большой недостаток таких средств, как аэросани, тракторы, не говоря уже о вертолётах. Нет устроенных зимовок для охотников, даже количество лошадей для охотников уменьшилось в несколько раз. Добыча пушнины по этим причинам падает. Директор коопзверопромхоза Колесников говорит: «Мы ни копейки не хотим в неё (в тайгу) вкладывать, а получить хотим многое».

Кадры здесь не закрепляются, людей становится всё меньше и меньше. Уезжают из этих районов не только те, кто по тем или иным причинам приехал сюда, но и «вчерашние школьники поголовно уезжают учиться и отнюдь не на охотоведческие факультеты. Очень редко возвращаются на Родину демобилизованные катангчане».

Главная причина ухода людей, особенно молодёжи, из этих районов выражается одним словом «скука». Немаловажное значение имеют и материальные условия. Коэффициент надбавки здесь применяется 0,3, а не 0,7, как установлено. Поэтому назрели вопросы улучшения материальных и культурных условий, вплоть до телевидения через системы «Орбита...» (РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 840, лл. 9–10).

Партаппарат подтвердил, что, действительно, Москва не раз рассматривала вопросы Севера и принимала соответствующие постановления. Больше того, в 1957 году ЦК КПСС и советское правительство утвердили программный документ «О мерах по

дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». Но они во многих своих частях оказались невыполненными. Почему? Партфункционеры полагали:

«Основной причиной слабого выполнения директив партии и правительства по районам Крайнего Севера является, видимо, отсутствие центра, координирующего работу министерств и ведомств, связанного с решением проблем по северным районам.

Непосредственное отношение к развитию районов Крайнего Севера имеют следующие союзные министерства и ведомства: Министерство сельского хозяйства, Министерство рыбного хозяйства, Министерство здравоохранения, Министерство культуры, Министерство торговли, Центросоюз, 14 министерств и ведомств РСФСР.

Работу этих министерств и ведомств никто не объединяет, не осуществляет нужного контроля. Сейчас в Совете Министров РСФСР в составе управления делами на положении отдела имеется группа народностей Севера. В Министерстве сельского хозяйства РСФСР, Роспотребсоюзе, Министерстве торговли имеются главные управления или управления, которые работают разобщенно, а потому и малоэффективно. Проблемы районов Крайнего Севера должны решаться комплексно» (РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 840, лл. 10–11).

Капитонов дал указание срочно готовить материалы по Северу на ближайшее заседание Секретариата ЦК. К выполнению его поручения были привлечены зам. завотделом оргпартработы ЦК Евгений Разумов (он впервые занялся вопросами Севера ещё в 1962 году, когда ему тогда ещё как инспектору ЦК Кремль приказал разобраться с выездом в Якутск с наследием основоположников якутской письменной литературы), зам. председателя Совета Министров России В. Демченко, шесть министров РСФСР (сельского хозяйства, рыбного хозяйства, торговли, речного флота, культуры и здравоохранения), а также председатель Роспотребсоюза М. Денисов и начальник Главка охотничьего хозяйства и заповедников Н. Елисеев.

Эта группа через неделю более подробно проинформировала трёх секретарей ЦК — И. Капитонова, Ф. Кулакова и М. Соломенцева о развитии экономики и культуры народов Севера. Она доложила:

«В районах Крайнего Севера проживают 26 народностей: эвенки, долгане, ненцы, ханты,

- 12 -

ВОПРОСЫ, РАССМОТРЕННЫЕ ЗА ПОВЕСТКОЙ ДНЯ

1. О мерах по усилению борьбы с сенизмом

СУСЛОВ. На прошлом заседании мы обсуждали этот вопрос. Было поручено доработать проект постановления с учетом высказанных замечаний. Сейчас этот проект подготовлен, можно было бы его принять.

Постановление принято.

2. О награждении газеты "Сельская жизнь" орденом Ленина

Предложение принято.

3. О награждении т.Фролова А.М. орденом Октябрьской Революции в связи с 60-летием со дня рождения

Предложение принято.

4. О статье в журнале "Наш современник"

СУСЛОВ. В последнем номере журнала "Наш современник" опубликована хорошая статья о северных народностях нашей страны. В статье говорится, что на Севере быстро развивается хозяйство, в частности, оленеводство, пушной промысел и т.п., но очень мало проявляется заботы со стороны соответствующих организаций о создании материально-технической базы. В свое время были приняты решения по вопросам развития северных районов: одно в 1948 году, другое — в 1968 году. Эти постановления в основном выполнены. После этих решений вопросами северных районов не занимались. Поэтому я бы считал целесообразным,

12/2-21 < агм

- 13 -

в порядке проверки выполнения принятых ранее решений, подготовить предложения.

Может быть, следовало бы поручить т.т. Капитонову, Кулакову, Соломенцеву подготовить проект постановления по данному вопросу. Указать в нем, в каком направлении следует нам вести подготовку этого вопроса.

Следовало бы принять меры по оказанию помощи северным районам.

Предложение принято.

2-аг

И. Капитонов

СПРАВКА

о развитии экономики и культуры малых народностей Севера

В районах Крайнего Севера проживают 26 народностей: эвенки, долганы, ненцы, ханты, манси, эвены, энцы, коряки, чукчи, нивхи, ительмены, кеты, селькупы, алеуты, нанайцы, нганасаны, негидальцы, тофалары, удэгейцы, ульчи, чуванцы, эскимосы, юкагиры, саами, ороки и орочи. За последние 11 лет население малых народностей Севера увеличилось на 16 процентов и ныне составляет 150,8 тысячи человек. Эти народности проживают в 16 областях, краях и автономных республиках РСФСР.

Выполняя постановления партии и правительства, местные партийные, советские и хозяйственные органы, министерства и ведомства проделали определенную работу по развитию экономики и культуры малых народностей Севера. В национальных округах и многих районах Севера за минувшие пять лет производство сельскохозяйственной продукции увеличилось на 23 процента. За это время основная отрасль сельского хозяйства — оленеводство продолжала развиваться. поголовье оленей выросло с 2,36 до 2,47 млн. голов. Производство оленьего мяса за четыре года пятилетки увеличилось на 20,6 процента, стоимость оленьего мяса в 1969 году составила 59 млн. рублей. Колхозы и совхозы получили только от оленеводства 31,2 млн. рублей прибыли.

В истекшей пятилетке поголовье зверей клеточного содержания выросло со 158,4 тыс. до 185,7 тыс. голов, а заготовка пушнины доведена с 24,7 млн. рублей до 26,9 млн. рублей. С ростом производства увеличилась доходность колхозов и совхозов. Среднегодовой заработок колхозника сейчас составляет 1435 рублей и рабочего совхоза — 1956 рублей.

За эти годы на базе национальных колхозов было создано более 120 совхозов. Это дало возможность коренному населению получать более высокую заработную плату, северные надбавки, отпуска, пенсии по старости.

Проведена значительная работа по переводу кочевого населения на оседлый образ жизни. С 1957 по 1969 год свыше 17 тыс. семей кочевого населения получили жилую площадь. На эти цели только за счет

манси, эвены, энцы, коряки, чукчи, нивхи, ительмены, кеты, селькупы, алеуты, нанайцы, нганасаны, негидальцы, тофалары, удэгейцы, ульчи, чуванцы, эскимосы, юкагиры, саами, ороки и орочи. За последние 11 лет население малых народностей Севера увеличилось на 16 процентов и ныне составляет 150,8 тысячи человек. Эти народности проживают в 16 областях, краях и автономных республиках РСФСР.

Выполняя постановление партии и правительства, местные партийные, советские и хозяйственные органы, министерства и ведомства проделали определенную работу по развитию экономики и культуры малых народностей Севера. В национальных округах и многих районах Севера за минувшие пять лет производство сельскохозяйственной продукции увеличилось на 23 процента. За это время основная отрасль сельского хозяйства — оленеводство продолжала развиваться. поголовье оленей выросло с 2,36 до 2,47 млн. голов. Производство оленьего мяса за четыре года пятилетки увеличилось на 20,6 процента, стоимость оленьего мяса в 1969 году составила 59 млн. рублей. Колхозы и совхозы получили только от оленеводства 31,2 млн. рублей прибыли.

В истекшей пятилетке поголовье зверей клеточного содержания выросло со 158,4 тыс. до 185,7 тыс. голов, а заготовка пушнины

доведена с 24,7 млн. рублей до 26,9 млн. рублей. С ростом производства увеличились доходы колхозов и совхозов. Среднегодовой заработок колхозника сейчас составляет 1435 рублей и рабочего совхоза — 1956 рублей.

За эти годы на базе национальных колхозов было создано более 120 совхозов. Это дало возможность коренному населению получать более высокую заработную плату, северные надбавки, отпуска, пенсии по старости.

Проведена значительная работа по переводу кочевого населения на оседлый образ жизни. С 1957 по 1969 год свыше 17 тыс. семей кочевого населения получили жилую площадь. На эти цели только за счет кредита государства израсходовано 45 млн. рублей. Полностью завершён перевод кочевого населения на оседлый образ жизни в Амурской, Иркутской, Камчатской, Мурманской, Сахалинской, Читинской областях, в Бурятской и Коми АССР.

Вместе с этим в развитии экономики и культуры народностей Севера имеются существенные недостатки. Далеко не полностью удовлетворяются потребности колхозов, совхозов и населения в механизированном транспорте, средствах радиосвязи, промышленном снаряжении и товарах первой необходимости. Слабо решаются вопросы завершения перевода всего населения на оседлый образ жизни. В настоящее время в районах Севера все еще кочат свыше 5 тысяч семей, значительная часть которых не связана с общественным оленеводством. В ряде районов не хватает детских дошкольных учреждений, школ-интернатов, ощущается большой недостаток учителей, врачей, работников культуры и других специалистов. Например, в Ямало-Ненецком национальном округе Тюменской области детскими дошкольными учреждениями охвачено только 15 процентов детей коренного национального населения, а в школах-интернатах большинство воспитанников спят вдвоем на одной кровати.

Вопросами развития экономики и культуры народностей Севера занимаются: в аппарате Совета Министров РСФСР группа по народностям Севера в составе шести ответственных работников (заведующий т. Дроздов Б.Т.), в Магаданском, Тюменском облисполкомах, в Красноярском крайисполкоме и в Совете Министров Якутской АССР — отделы по народностям Севера, а в Архангельском, Камчатском облисполкомах и Хабаровском крайисполкоме выполнение этой работы поручено группам работников организационно-инструкторских отделов.

Вопросами развития сельского и промышленного хозяйства районов Крайнего Севера занимается Управление Севера Министерства сельского хозяйства РСФСР, состоящее из 10 специалистов. В министерствах просвещения, здравоохранения, культуры, торговли РСФСР и в Госпотребсоюзе вопросы культурно-бытового обслуживания населения национальных районов Севера поручены постоянным исполнителям. В Госплане РСФСР вопросами народностей Севера занимается один специалист. В Госплане СССР создана на общественных началах Межведомственная комиссия по проблемам Севера (председатель проф. т. Славин С.В.)

Вопросами развития экономики и культуры народностей Севера занимаются: в аппарате Совета Министров РСФСР группа по народностям Севера в составе шести ответственных работников (заведующий т. Дроздов Б.Т.), в Магаданском, Тюменском облисполкомах, в Красноярском крайисполкоме и в Совете Министров Якутской АССР — отделы по народностям Севера, а в Архангельском, Камчатском облисполкомах и Хабаровском крайисполкоме выполнение этой работы поручено группам работников организационно-инструкторских отделов.

Вопросами развития сельского и промышленного хозяйства районов Крайнего Севера занимается Управление Севера Министерства сельского хозяйства РСФСР, состоящее из 10 специалистов. В министерствах просвещения, здравоохранения, культуры, торговли РСФСР и в Госпотребсоюзе вопросы культурно-бытового обслуживания населения национальных районов Севера поручены постоянным исполнителям. В Госплане РСФСР вопросами народностей Севера занимается один специалист. В Госплане СССР создана на общественных началах Межведомственная комиссия по проблемам Севера (председатель проф. т. Славин С.В.)

25/КС-ВВ
Зл.

снаряжении и товарах первой необходимости. Слабо решаются вопросы завершения перевода всего населения на оседлый образ жизни. В настоящее время в районах Севера всё ещё кочуют свыше 5 тысяч семей, значительная часть которых не связана с общественным оленеводством. В ряде районов не хватает детских дошкольных учреждений, школ-интернатов, ощущается большой недостаток учителей, врачей, работников культуры и других специалистов. Например, в Ямало-Ненецком национальном округе Тюменской области детскими дошкольными учреждениями охвачено только 15 процентов детей коренного национального населения, а в школах-интернатах большинство воспитанников спят вдвоём на одной кровати.

Вопросами развития экономики и культуры народностей Севера занимаются: в аппарате Совета Министров РСФСР группа по народностям Севера в составе шести ответственных работников (заведующий т. Дроздов Б.Т.), в Магаданском, Тюменском облисполкомах, в Красноярском крайисполкоме и в Совете Министров Якутской АССР – отделы по народностям Севера, а в Архангельском, Камчатском облисполкомах и Хабаровском крайисполкоме выполнение этой работы поручено группам работников организационно-инструкторских отделов.

Вопросами развития сельского и промышленного хозяйства районов Крайнего Севера занимается Управление Севера Министерства сельского хозяйства РСФСР, состоящее из 10 специалистов. В министерствах просвещения, здравоохранения, культуры, торговли РСФСР и в Роспотребсоюзе вопросы культурно-бытового обслуживания населения национальных районов Севера поручены постоянным исполнителям. В Госплане РСФСР вопросами народностей Севера занимается один специалист. В Госплане СССР создана на общественных началах Межведомственная комиссия по проблемам Севера (председатель проф.Т. Славин С.В.)» (РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 840, лл. 5–6).

Заседание Секретариата ЦК по вопросам Севера было назначено на 23 февраля 1971 года. Но всё ограничилось тем, что партначальство поручило Совету Министров РСФСР и Госплану СССР «изучить назревшие проблемы дальнейшего всестороннего развития экономики районов Крайнего Севера» (РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 840, лл. 1).

А что было эти проблемы изучать? Их следовало немедленно решать! Но как? А этого власть, похоже, и сама не знала.

Уже летом 1971 года председатель Госплана

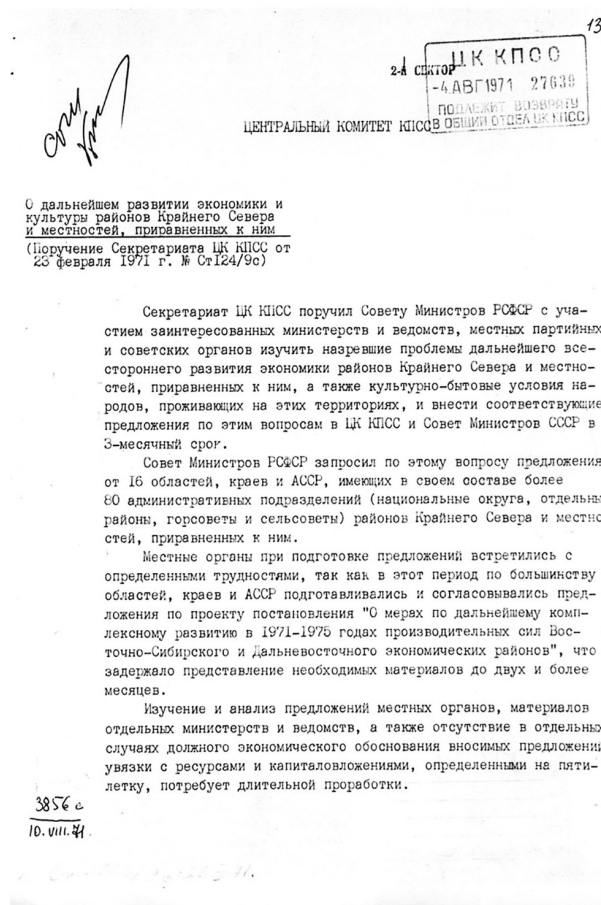
России К. Герасимов, докладывая в Кремль о ходе выполнения поручения Секретариата ЦК, признал, что местные власти столкнулись со множеством трудностей и не смогли оперативно разработать программу по развитию районов проживания народов Севера. Он сообщил:

«Изучение и анализ предложений местных органов, материалов отдельных министерств и ведомств, а также отсутствие в отдельных случаях должного экономического обоснования вносимых предложений, увязки с ресурсами и капиталовложениями, определёнными на пятилетку, потребует длительной проработки» (РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 840, лл. 13).

Кроме того, Герасимов отметил, что разрабатываемую программу потребуется согласовать с 48 министерствами и ведомствами, что не так-то просто.

Каков же итог? Всё в конечном счёте потонуло в увязках и согласованиях. А жизнь эвенков к лучшему так и не изменилась.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Реабилитация

18 октября 1991 года, тридцать лет назад, был принят закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий»

Амнистия

Избранные 4 марта 1990 года народные депутаты РСФСР не представляли тогда масштаба политических репрессий, начавшихся 7 ноября 1917 года, и процесса пересмотра архивно-следственных дел в отношении граждан, осуждённых по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР (14 составов преступлений), а также учётных дел выселенцев и спецпоселенцев.

Процесс реабилитации до октября 1991 года имел свои взлёты и падения. Первый его этап начался с 1953 года, сразу после смерти Сталина. Уже 24 марта первый заместитель председателя Совета министров СССР и одновременно глава объединённого МГБ и МВД маршал Лаврентий Берия направил в Президиум ЦК КПСС письмо, в котором указал, что из 2526402 заключённых ГУЛАГа лишь 221435 являются «особо опасными государственными преступниками». В подавляющем большинстве, считал Берия, «заключённые не представляют для государства серьёзной опасности».

28 марта 1953 года была объявлена широкая амнистия. В считанные недели многочисленные лагеря (см. приложение) покинули почти 1200000 заключённых. Но под бериевскую амнистию не попали осуждённые по политическим мотивам.

«За отсутствием состава преступления»

После ареста и расстрела Берии и особенно после XX съезда КПСС (март 1956 года), осудившего культ личности Сталина, начался этап персонального, точечного, по заявлениям родственников, пересмотра архивно-следственных дел в отношении граждан, арестованных НКВД в тридцатые годы.

Такой процесс был выигрышным для Первого секретаря ЦК КПСС Никиты

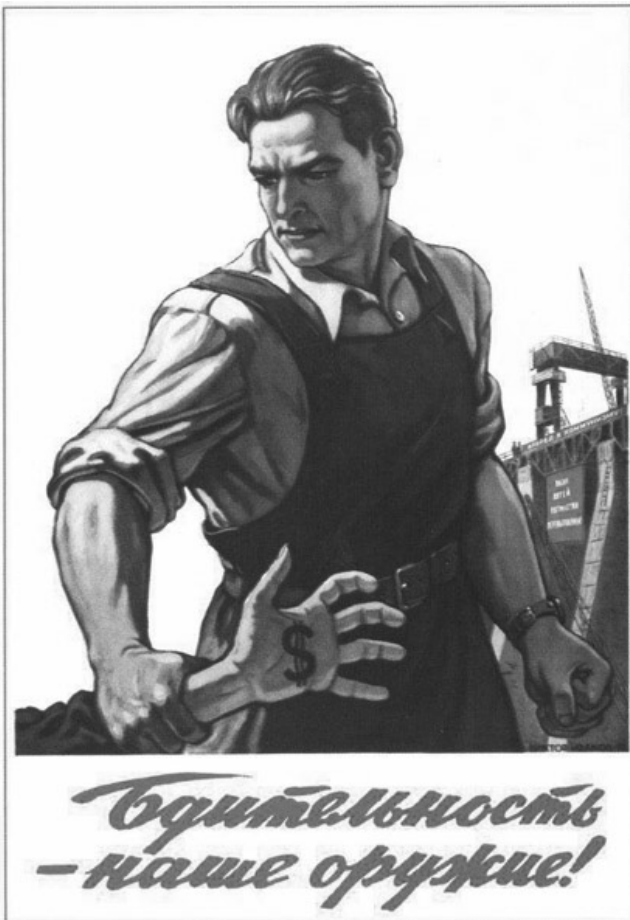
Хрущёва и его окружения. Их внутренние побудительные мотивы к реабилитации (восстановлению прав) безвинных объяснялись не состраданием и покаянием (Хрущёв, Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Микоян тоже подписывали расстрельные списки своих товарищей по партии), а инстинктом идеологического самосохранения: «Лучше это сделаем мы, чем вместо нас кто-то другой».

По официальным данным, с 1953 по 1961 годы были пересмотрены дела в отношении 737182 человек, что составило 19 процентов от всего количества репрессированных по политическим мотивам. Остались нерассмотренными дела 3116718 человек, или 80,9 процента.

Методика хрущёвской реабилитации такова: по поступавшим в прокуратуру заявлениям запрашивались из территориальных органов КГБ архивно-следственные дела, по которым проводилась дополнительная проверка (изучались документы, допрашивались свидетели и бывшие следователи НКВД). Затем в суды вносились надзорные протесты, которые рассматривались президиумами республиканских и областных судов с принятием постановлений: «Решение... в отношении... отменено, производство дела прекращено за отсутствием состава преступления».

Избирательный характер такой реабилитации проявился в выборе жертв сталинского террора: преимущественно коммунисты-руководители партийных, советских, комсомольских органов, верные и послушные исполнители политики партии на местах. К таковым относился Николай Немцов – первый председатель исполкома Тюменского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1918 году, – расстрелянный через двадцать лет в Москве по вымышленному обвинению, будучи уже членом Верховного суда РСФСР.

Среди реабилитированных тогда были: Сергей Агеев, секретарь Тюменской губер-

ской партийной организации большевиков, один из руководителей подавления Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года, возглавлявший в 1937 году облисполком в городе Иваново, и Николай Чаплин, секретарь Тюменского губкома комсомола в 1920 году. После Тюмени и Смоленска он стал Генеральным секретарём ЦК ВЛКСМ. Потом с комсомольской работы его отправили на хозяйственную – управлять железной дорогой в Белоруссии. В 1936 году Чаплина наградили орденом Ленина, через два года расстреляли за вредительство, а спустя двадцать лет реабилитировали.

30 июня 1956 года ЦК КПСС принял постановление «О работе партии по преодолению культа личности и его последствий». Партийным и советским органам на местах было рекомендовано отказаться от улиц, носящих имена живых и здравствующих героев войны и труда, государственных, партийных и общественных деятелей. Образовавшиеся в городской топонимике вакансии предстояло заполнить именами местных партийных, советских, комсомольских, хозяйственных деятелей и военачальников, необоснованно репрессированных в тридцатые годы.

Поэтому улицу Николая Шверника, назначенного в 1946 году председателем Верховного совета СССР (по общемировым стандартам – президентом страны) назвали именем Николая Немцова. Улице Бусыгина, стахановца горьковского автозавода, откопавшего за смену 966 коленчатых валов при норме в 675, дали имя Агеева. А улице Кирпичной, где тюменцы обжигали местную глину, присвоили имя первого комсомольца Чаплина – однофамильца знаменитого американского комика с усиками щёткой, с тросточкой, в котелке, в больших ботинках.

«Десять лет без права переписки»

Так НКВД отвечал на запросы Клавдии Дорониной о судьбе её мужа Платона Лопарева, считавшегося красным партизаном во время гражданской войны в Ханты-Мансийском автономном округе, арестованного 9 сентября 1937 года в Тобольске, где он возглавлял Обско-Тазовскую научную рыбхозстанцию, и расстрелянного 9 июля 1938 года в Омске.

После 1956 года она в очередной раз обратилась в Прокуратуру СССР с заявлением о его реабилитации.

«...Мне, – писала она, – до настоящего времени ничего о нём не известно, хотя объявленный мне срок его заключения истёк в 1947 году.

Я знаю Лопарева с 1918 года, как стала работать фельдшерницей в с. Самарово, ныне Ханты-Мансийск. Он числился тогда инструктором-кооператором, а на Тобольском Севере хозяйничали колчаковцы. Все, кто сочувствовал советской власти, скрывались в лесах. При отступлении колчаковцев из Тобольска на пароходах по Иртышу на Томск Лопарев организовал красный партизанский отряд, который участвовал в ликвидации здесь колчаковщины и бандитизма 1921 года. Я тоже служила в этом отряде медсестрой. С 1920 года состояла в ВКП(б), исключена в 1937 году в связи с арестом мужа.

Моя семья была предана советской власти. Отец и старший брат были организаторами Совета в 1918 году в Демьянске. Брата и сестру-революционерку расстреляли колчаковцы. После ареста мужа я испытываю недоверие со стороны органов. Мои дети многое пережили из-за изъятия отца. Сын Юрий Лопарев погиб в 1944 году в боях за Родину...

Прошу пересмотреть дело Лопарева и снять с нашей семьи недостойное пятно врагов народа».

Следственное дело в отношении Лопарева искали долго. На все запросы прокуратуры учётно-справочные отделы КГБ отвечали: сведений нет. Тогда к розыску дела подключился Тюменский обком КПСС. Приближалась сороковая годовщина Октябрьской революции, и в условиях разоблачения культа личности Сталина партии требовались пострадавшие от произвола тирана герои. Таким тогда виделся Лопарев. Поэтому президиум Тюменского облсуда 13 апреля 1957 года решение тройки УНКВД Омской области от 27 июня 1938 года в отношении Лопарева отменил и дело прекратил «за отсутствием состава преступления».

В феврале 1958 года заведующий облпартиархивом Артём Гамбаров по заданию Тюменского обкома КПСС издал в серии «Борцы за победу Великого Октября» брошюру «Лопарев». В ней уроженец села Самарово (ныне Ханты-Мансийск) был представлен как «замечательный военачальник, видный организатор и руководитель партизанского движения на Обско-Иртышском Севере». В Тюмени его именем назвали улицу Эрнста Кренкеля, широко известного в тридцатые годы участника экспедиции ледокольного парохода «Челюскин». В Ханты-Мансийске установили памятник Лопареву.

Дорониной вручили обманное свидетельство о смерти мужа 10 июля 1938 года в местах заключения от инфаркта миокарда, а ещё через десять лет, к пятидесятилетию Октября, её наградили орденом Красной Звезды.

Но по правде Платон Ильич Лопарев не был ни военным стратегом, ни партизанским вожаком. Он вообще не хотел воевать – ни за царя, ни за белых, ни за красных.

После окончания в 1910 году омского механико-технического училища – Лопарев преподавал в абатской ремесленной школе. Чтобы избежать призыва на военную службу, он переехал через год в родное Самарово. Северян тогда в царскую армию не брали. Однако эту привилегию (или ограничение в правах?) отменили в 1915 году после больших потерь русских войск на фронтах Первой мировой войны. Лопарева мобилизовали во вспомогательные строительные части. По дороге на Кавказский фронт (Россия воевала и с союзницей Германии – Турцией) он дезертировал и возвратился в Тобольск, где занялся кооперацией, а это мясо, рыба, икра, пушнина...

Если бы его не пытались мобилизовать сначала в колчаковскую армию, а затем в красный Северный экспедиционный отряд, Лопарев не сбежал бы в лес возле родного села и не возглавил бы команду таких же, как сам, дезертиров. Назвать такую позицию протестом против колчаковского режима не совсем справедливо.

Лопарев отличился в 1921 году при подавлении стихийного антибольшевистского повстанческого движения в Среднем Приобье и считался главным освободителем края от мятежников. Но в июле 1921 года, когда крестьянское восстание в Тобольской (Тюменской) губернии было уже подавлено регулярными войсками Красной армии, грозить северянам расстрелами на месте и выжиганием целых сёл не требовало большой смелости.

«Углановщина»

Лопарева расстреляли в 1938 году за знакомство с видными противниками Сталина – оппозиционерами-троцкистами Сергеем Мрачковским, бывшим командующим Приуральским военным округом в 1921-1922 годах, «освободителем Тобольска от колчаковцев» осенью 1919 года, награждённого двумя орденами Красного Знамени, и с Николаем Углановым, в прошлом – кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и секретарём Московского комитета партии.

В мае 1933 года его за оппозиционную деятельность выслали из Москвы в Тобольск, где назначили управляющим «Обьрыбтрестом». После ареста Угланова в 1937 году по обвинению в углановщине, кроме Лопарева, репрессировали десятки опытных обских рыбаков: К.П. Данилова, А.П. Аверина, А.М. Будницкого, А.Е. Плотникова, В.С. Орловича, И.Ф. Филиппова, П.И. Трофимова, С.А. Веселовского, А.Н. Тарасова...

Как клятва борьбы с углановщиной звучало постановление Тобольской райпартконференции от 6 февраля 1937 года: «Партийное собрание от имени трудящихся выражает глубочайшую благодарность НКВД и его славному руководителю верному сталинцу Генеральному комиссару государственной безопасности тов. Ежову, под руководством которого был раскрыт контрреволюционный заговор троцкистов-углановцев и разоблачены изменники Родины, вредители и террористы».

Следствием борьбы Сталина с оппозицией стала ссылка в Сургут Владимира Слепкова, редактора журнала «Юный пролетарий». Вместе со своими братьями – Александром, первым редактором «Комсомольской правды», и Василием, профессором ленинградского университета – он входил в оппозиционную группу молодых коммунистов, которую называли школой Бухарина – бывшего секретаря ЦК ВКП(б) и редактора газет «Правда» и «Известия». Как и для большинства политических ссыльных, изгнание из Ленинграда в Сургут закончилось для Слепкова-младшего арестом в сентябре 1936 года, расстрелом в 1937-м и реабилитацией через двадцать лет.

Кровавая арифметика

Сейчас известно, что в отчётах политического террора (с 1918 года по 1990-й) по обвинению в государственных преступлениях осуждено 3853900 человек, 827995 из них приговорены к расстрелу. Особое место в этой статистике смерти занимают два года – 1937-й и 1938-й. За это время было осуждено судебными и внесудебными («тройкой», особым совещанием НКВД) органами 1345000 человек, или 35 процентов от общего их числа за период 1918-1990 годов.

Ещё более впечатляющая картина по статистике приговорённых к смертной казни из их числа. Всего за весь советский период их было 827995. На 1937-1938 годы приходится 682000 (или 82 процента).

Эти страшные цифры назвал 2 августа 1992 года журналистам начальник отдела регистрации и архивных фондов Министерства безопасности Российской Федерации генерал-майор Краюшкин. Однако большинство СМИ обошло тогда эту информацию чекистского ведомства гробовым молчанием. Одним эти цифры показались слишком большими, другим – слишком маленькими. В итоге газеты и журналы различных общественно-политических направлений предпочли не публиковать этот материал, утаив тем самым от своих читателей общественно значимую информацию.

И только газета «Известия» разместила под заголовком «НКВД – расстреливал, МБРФ – реабилитирует» (03.08.1992) подробный отчёт

о брифинге в министерстве безопасности с указанием приводимой там статистики.

В Тюменской области с входящими в её состав автономными округами с 1920 года осуждено по политическим мотивам более 22000 человек, из них приговорены к расстрелу – 7290.

«За нарушения социалистической законности»

Жена начальника УНКВД Западно-Сибирского края, комиссара 3-го ранга Сергея Миронова (Мирона Короля) Агнесса вспоминала, как однажды первый заместитель наркома внутренних дел, командарм 1-го ранга Михаил Фриновский, рассказал о беседе со Сталиным:

«Как-то он вызвал меня.

– Ну, – говорит, – как дела?

А я набралась смелости и отвечаю:

– Всё хорошо, Иосиф Виссарионович, только не слишком ли много крови?

Сталин усмехнулся, подошёл ко мне, двумя пальцами ткнул в плечо.

– Ничего, партия всё возьмёт на себя».

Но Сталин умер 5 марта 1953 года. Фриновского и его начальника, наркома внутренних дел СССР Ежова, ещё раньше – 4 февраля 1940-го – расстреляли как ненужных свидетелей сталинских преступлений. Брать за них ответственность КПСС не собиралась. Поэтому, по представлениям прокуратуры в партийные органы, винов-

ными в массовых арестах и расстрелах, пытках арестованных, фальсификации следственных дел признали в партийном порядке «за нарушения социалистической законности» бывших руководителей территориальных органов НКВД и наиболее усердных в выбивании вымышленных признательных показаний следователей и оперработников. Их исключали из КПСС и отправляли на пенсию. Среди них полковник Николай Петров, бывший начальник Остяково-Вогульского окротдела НКВД (1931-1936), Тюменского горотдела НКВД (1937-1938), полковник Сергей Соловьёв, возглавлявший в 1950-1954 годы УМГБ по Тюменской области, полковник Семён Лысов, начальник УВД Тюменского облисполкома, а в 1937-1939 годах оперуполномоченный Ялуторовского райотдела НКВД...

При рассмотрении архивно-следственных дел в отношении безвинно расстрелянных граждан о расстрелах и местах тайных захоронений родственникам не сообщалось. В выдаваемых им свидетельствах о смерти указывалось: «...умер в местах заключения от... стенокардии, диабета, туберкулёза (в зависимости от фантазии чиновника в погонах, – А.П.)». Это санкционированное руководством КПСС враньё дорого обойдётся потом в восьмидесятые-девяностые годы коммунистической партии и её идеологии.

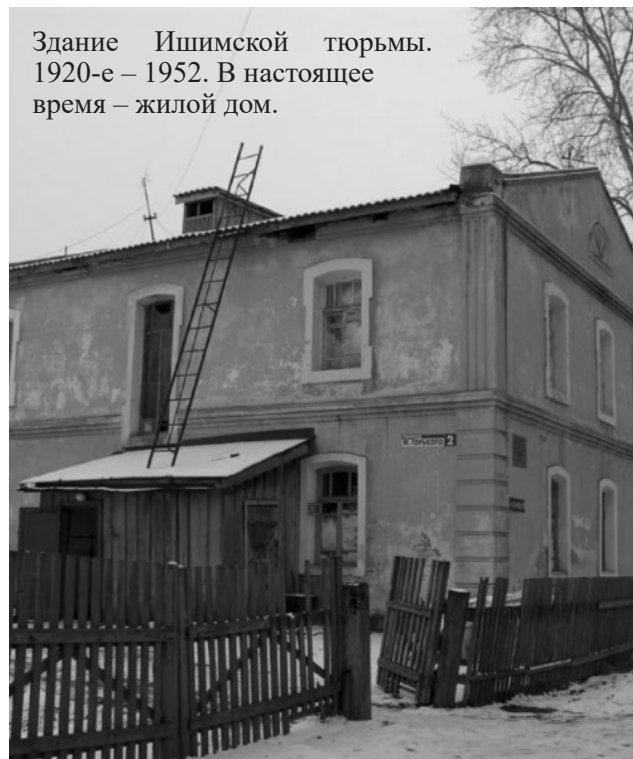
Вместе с тем, по требованию прокурора Тюменской области, старшего советника юстиции Георгия Пономарёва, местное УКГБ, возглавляемое полковником Александром Северухиным, провело осмотры мест захоронений расстрелянных в 1937-1938 годах в Тюмени, Тобольске, Ишиме, Ханты-Мансийске, Салехарде.

Тюмень: «...в 150-200 метрах между асфальтовым заводом и комбинатом коммунальных предприятий, в 30-40 метрах от ж.д., идущей от электростанции в сторону территории завода» (сейчас здесь жилой массив «Олимпия», – А.П.).

Тобольск: «...в яме, вырытой на административном дворе около окон корпуса гор. тюрьмы ОМЗ; на территории двора б. срочной тюрьмы ГУГБ НКВД СССР; в корпусе, прилегающем к хоздвору тюрьмы, позднее этот корпус приспособлен под больницу тюрьмы; вдоль стены этого корпуса – в старом погребке, расчищенном якобы для свалки мусором».

Ишим: «...в урочище «Лысая гора».

Ханты-Мансийск: «...в бывшем картофелехранилище между зданием окротдела НКВД и речкой Вогулкой» (здесь комплекс зданий следственного изолятора окружного УВД, – А.П.).

Здание Ишимской тюрьмы. 1920-е – 1952. В настоящее время – жилой дом.

Салехард: «...под полом б. клуба работников окротдела НКВД».

При случайном обнаружении останков жертв политических репрессий и невозможности их сокрытия предлагалось легендировать обстоятельства возникновения таких захоронений (чаще относили их к крестьянскому восстанию 1921 года).

Из бессрочной ссылки

В соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР от 12 декабря 1956 года без пересмотра архивных дел были сняты все ограничения по спецпоселению репрессированных граждан по социальному («кулацкая ссылка» 1929-1933 гг.) и национальному (депортации 1941-1945 гг.) признакам (немцы Поволжья, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, греки, прибалты).

Великая Отечественная война сократила население Советского Союза. И спецпоселенцев. Их пересчитали в октябре 1949 года. Получилось около пяти миллионов. Из проживавших тогда в Тюменской области, Югре и на Ямале 892000 человек (203000 – в городах и 68900 – в сельской местности) – 62497 ссыльных. Это немцы (24944), калмыки (9241), литовцы (1382), украинцы западных областей и Закарпатья (3167), «кулаки» (12958), репатрианты (1475), бывшие военнопленные Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (4500), лица, проживавшие на оккупированной территории (5500) (в число спецпоселенцев не входили заключённые Обского ИТЛ и 501-503-го строительства Главного управления железнодорожного строительства МВД СССР). Не был оформлен учётom завезённый в декабре 1945 года в Тюмень на судостроительный завод рабочий батальон в количестве 960 человек бывших советских военнопленных – батальон армян.

Наиболее насыщенными этими категориями населения считались районы Самаровский – 4280, Микояновский (сейчас Октябрьский) – 3807, Сургутский – 2959, Уватский – 2415, Ялуторовский – 3334, Тюменский – 3509, Ишимский – 2781, Тюмень – 2466. В остальных районах проживало менее двух тысяч учтённых в спецкомендатурах МВД-МГБ спецпоселенцев.

Этой «спецпереписи» предшествовал указ Президиума Верховного совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и

постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза». В связи с тем, что при насильственном выселении с родных мест срок пребывания в ссылке не устанавливался (война закончилась) и у спецпоселенцев теплилась надежда на возвращение домой, указ уточнил: «Переселение в отдалённые районы СССР проведено навечно без возврата к прежним местам жительства». Предусмотрели ответственность за самовольный выезд (побег) из ссылки: «20 лет каторжных работ». Предупредили лиц, «виновных в укрывательстве спецпоселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствующих их побегу», – до пяти лет лишения свободы. На каждого спецпоселенца завели персональное учётное дело (в настоящее время эти дела хранятся в УМВД по Тюменской области).

По свидетельству бывшего начальника УКГБ СССР по Москве и Московской области В.И. Алидина, возглавлявшего в 1953 году отдел «П» (поселение) МВД СССР, «в местах ссылки творились бесправие, беззаконие и произвол. Существовала масса вопиющих противоречий, несуразных явлений, грубых нарушений прав личности и их достоинства. Среди спецпоселенцев оказалось немало видных, заслуженных и образованных людей (например, дважды Герой Советского Союза командир соединения крымских партизан Козлов). В ссылке находилось семь с половиной тысяч коммунистов. Образовалось немало смешанных семей: муж – поселенец, жена – свободная, или наоборот. У них рождались дети. По распоряжению В.М. Молотова такие младенцы становились поселенцы и подлежали спецучёту».

В документах Тюменского областного управления МГБ отмечалось:

«...В Урманном и других леспромхозах треста Тюменьлес, Заводоуковском лесокомбинате и на лесозаводе в Байкаловском районе (сейчас это территория Яркового района) спецпоселенцы размещены в неотремонтированных, построенных наспех бараках. Печей недостаточно. Одиночки-мужчины и женщины живут в одних помещениях с семейными. Есть случаи, когда в бараках рожают детей. Для освещения пользуются керосиновыми коптилками. Нередка завшивленность. Стирка и сушка производится в жилых помещениях, здесь же готовится пища... В посёлке возле Бачелинского лесозавода, в котором проживают ссыльные литовцы, нет колодцев, с реки вода не подводится, поэтому рабочие употребляют воду из застоявшихся болот, заражён-

ных туляремией... Продуктов и товаров первой необходимости в магазинах ряда спецпоселков не бывает... 940 детей спецпоселенцев, занятых в лесной промышленности, в 1950-1951 учебном году из-за полного отсутствия обуви и одежды не посещали школу».

Но несмотря на холод и голод, унижения и произвол со стороны спецкомендатур, изгнанные из родных мест люди в большинстве своём трудились добросовестно:

«...Выселенцы-калмыки Зунгурев и Хазынов годовой план рыбосдачи выполнили на 284 процента.

...Спецпоселенец Ботов, рабочий Самаровского консервного комбината, за четыре года послевоенной пятилетки выполнил десять годовых норм... Спецпоселенцы Гнусарев, Кацуба, Лепский, работающие в Ханты-Мансийском леспромхозе, выполняют нормы выработки от 200 до 300 процентов».

За это их не награждали орденами и медалями, не отмечали грамотами и ценными подарками, не помещали фотографии на досках почёта, не славили в газетах и на собраниях. Не сокращался для них и срок ссылки. Видимо, по-другому, вполсилы, они не умели и не могли работать.

Когда режим спецпоселения отменили и спецкомендатуры МВД упразднили, офици-

альных извинений и обещаний о компенсации причинённого материального и морального ущерба репрессированные люди не слышали. С 1962 года хрущёвская реабилитация пошла на спад, а при Брежневе она фактически прекратилась: до 1986 года всего реабилитировано 157055 человек, или 4,1 процента от общего числа репрессированных. Оставались нереабилитированными, то есть невосстановленными в правах, 2959663 человека, или 76,8 процента.

«Никогда больше»

С 1987 года, после десятилетий замалчивания, недосказанности и обмана, любимое детище горбачёвской перестройки – гласность – потребовала настоящей массовой реабилитации. Но Горбачёв и его окружение попытались ограничить реабилитацию «дополнительными мерами по восстановлению справедливости» (указ Президиума Верховного совета СССР от января 1989 года), что означало партийное «прощение» знаковых исторических личностей – расстрелянных при Сталине соратников Ленина: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина, Угланова... Первых советских маршалов и командармов: Тухачевского, Егорова, Блюхера, Уборевича, Якира, Корка, Эдельмана... Казнённых в октябре 1950 года по «ленинградскому делу» члена Политбюро ЦК ВКП(б), председателя Госплана и заместителя главы правительства Вознесенского, предсовмина РСФСР Родионова, секретаря ЦК, организатора обороны Ленинграда Кузнецова...

Первая партийная реабилитация в нашем крае состоялась 19 июня 1989 года. Бюро Тюменского обкома КПСС приняло постановление «О восстановлении в рядах партии П.И. Лопарева (посмертно)».

Так же посмертно восстановили в КПСС командира дислоцированной в тридцатых годах в Тюмени 65-й стрелковой дивизии комбрига Гаврюшенко, его заместителя полковника Белозерова-Гладышева, начальника политотдела батальонного комиссара Миловидова.

Исключая из преступлений сталинизма кровавое подавление крестьянских антибольшевистских восстаний 1921 года, уничтожение духовенства и казачества, насильственную коллективизацию, голодомор 1932-1933 годов, депортацию народов в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, расстрел в 1940 году в Катыни польских военнослужащих, горбачёвская реабилитация

обходила молчанием главное – покаяние КПСС перед обществом за репрессивную политику с 1917 года.

Но в условиях гласности ограничить, зажать правду о массовом партийно-государственном терроре не удалось. В очередной раз по приказу прокурора Тюменской области, советника юстиции Валерия Багина была создана специальная группа по пересмотру архивно-следственных дел и реабилитации необоснованно репрессированных граждан. Её возглавил прокурор Сургута, опытный юрист Геннадий Кузнецов. Тогда же под свою ответственность начальник УКГБ по Тюменской области генерал-майор Василий Ефремов привлёк отставных подполковников Юрия Белякова и Юрия Коршунова к составлению мартиролога (списка жителей Юга и Севера, расстрелянных по политическим мотивам и впоследствии реабилитированных).

Но инициатору этого первого в стране примера сохранения памяти о безвинно убитых не на войне людях редактору «Тюменского курьера» Рафаэлю Гольдбергу потребовалось десять лет (!), чтобы издать «Книгу расстрелянных» (1999). В местах расстрелов и захоронений установлены памятные знаки. В Тюмени над бывшим расстрельным подвалом НКВД на улице Республики – камень с надписью «Здесь в 1937-1938 годах проводились массовые расстрелы невинных. Никогда больше».

«Чтобы не забылось ...»

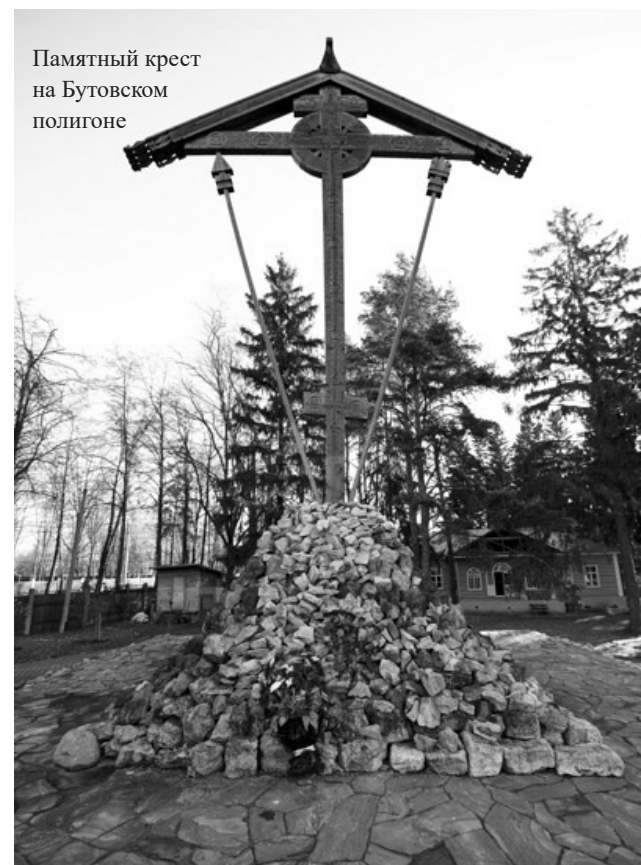
Считается, что реабилитация осуждённых по политическим мотивам граждан завершена в 2000 году. По персонализированному учёту ФСБ реабилитировано 2438000 человек (63,3 процента). В Тюменской области, включая Югру и Ямал, около 22000. Остались нереабилитированными около полутора миллионов (36,7 процента). Основу такой категории составляют пособники немецко-фашистских оккупантов, участники бандформирований и репрессированные в тридцатые-сороковые годы руководители органов ОГПУ-НКВД-МГБ, такие как Ягода, Ежов, Фриновский, Берия, Абакумов и другие организаторы и исполнители массовых репрессий. Все они, как правило, проходили по 58-й статье уголовного кодекса как государственные преступники. В региональном управлении ФСБ по

Тюменской области также имеются дела в отношении лиц, реабилитация которых запрещена российским законодательством.

Одновременно с пересмотром дел из архивов КГБ-ФСБ изучались на предмет реабилитации учётные материалы на спецпоселенцев, хранящиеся в территориальных органах внутренних дел. В УМВД по Тюменской области рассмотрено 52370 заявлений, по которым выдано 21630 справок о реабилитации. В основном – детям спецпоселенцев, которым в неволе исполнилось 16 лет. Они также были поражены в правах, поэтому обоснованно считаются пострадавшими от политических репрессий. А их родители ушли из жизни, не дождавшись очистительной реабилитации.

От обилия вышеприведённых страшных цифр может подняться кровяное давление. Понятно потрясение, которое испытал Президент Российской Федерации Владимир Путин, полковник ФСБ в отставке, возглавлявший это ведомство с 25 июля 1998 до 16 августа 1999 года, при посещении 30 октября 2007 года Бутовского полигона НКВД (там погребено более сорока тысяч безвинно расстрелянных).

«...Для нас, – сказал тогда глава государства, – это особая трагедия. Масштаб её колоссален. Сосланы, расстреляны десятки тысяч, миллионы граждан. Уничтожались

Памятный крест
на Бутовском
полигоне

наиболее эффективные люди, цвет нации. Мы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Нам надо многое сделать, чтобы эта трагедия никогда не забывалась».

После окончания в 1985 году московской высшей школы КГБ майор Путин служил в Дрездене в представительстве КГБ в ГДР. Поэтому не участвовал в пересмотре архивно-следственных дел репрессированных по политическим мотивам граждан. А в Тюмени после указа 1989-го и закона 1991-го на реабилитацию мобилизовали весь оперативный состав УКГБ. Дела в отношении сибирских крестьян-участников стихийного восстания 1921 года против насильственной большевистской продразвёрстки и спецпоселенцев Югры и Ямала пачками разносили по служебным кабинетам. После чтения таких дел многие оперативные работники, пришедшие в органы из романтических побуждений ловить шпионов, узнав, чем в двадцатых-сороковых годах занимались их предшественники, вышли из КПСС и уволились из КГБ.

За тридцать лет, прошедших после горбачёвской и ельцинской реабилитаций, изменилась страна. Выросло новое поколение, не осознавшее ещё в полной мере нравственную и правовую (юридическую) значимость этого длительного и мучительного процесса. Не представляющее пока в силу своей молодости и кажущейся бесконечной жизни простоту и лёгкость возбуждения в обществе зависти, подозрительности, ненависти и страха.

Приложение

О лагерях НКВД-МВД написано немало. И всё-таки не все знают, сколько «островов» входило в неотмеченный ни на одной географической карте архипелаг ГУЛАГ. Десять? Сто? Тысяча?

Не меньше 233. Столько управлений исправительно-трудовых лагерей и номерных строителей было расформировано после смерти Сталина и казни Берии. А в каждом управлении и строительстве – сотни лагерных отделений, пунктов и командировок. Как горячая сыпь, они покрывали всю страну – «от Москвы до самых до окраин». Миллионы безвинно закабалённых людей в жутких условиях прокладывали железные и шоссейные дороги и каналы, строили морские порты, заводы, гидростанции, секретные атомные центры и даже.... московский университет.

Наименования расформированных ИТЛ и строителей:

1. Араличевскстрой (1941-1954)
2. Алтайский ИТЛ (1942-1946)
3. Ахтубинский ИТЛ (1950-1953)
4. Астраханский ИТЛ (1940-1950)
5. Ангрестрой (1945-1946)
6. Архангельский лагерь (1937-1945) (строит. бумажного комбината)
7. Азовский ИТЛ
8. Алданский ИТЛ (Алданзолото)
9. Амурский ИТЛ (1938-1941)
10. Амурский ИТЛ (1938-1941)
11. Амгуньский ИТЛ (1946-1947)
12. Асбестрой
13. Архангельская контора Норильского комбината (Норильскснаб)
14. Беломоро-Балтийский ИТЛ (1933-1942)
15. Березниковский ИТЛ (1938-1942)
16. Белореченский ИТЛ (1951-1953)
17. Балтвоенморстрой (1944-1946)
18. Безымянский ИТЛ (1940-1946)
19. Букачачинский ИТЛ (1939-1942)
20. Борский ИТЛ (1949-1952)
21. Байкало-Амурский ИТЛ (1932-1938)
22. Баженовский ИТЛ
23. Боровичский ИТЛ и стр-во Мстинской ГЭС
24. Бакаллаг-Бакалстрой
25. Бaleyский ИТЛ (1947-1953)
26. Балахнинский ИТЛ
27. Барашевский ИТЛ
28. Башнефтеспецстрой (1952-1953) ИТЛ N 1, ИТЛ N 2, ИТЛ N 3, ИТЛ N 4
29. Белокоровичский ИТЛ
30. Берёзовский ИТЛ (Каменный мыс)
31. Бирский ИТЛ (1939-1942)
32. Братский ИТЛ (1946-1948)
33. Буренский ИТЛ (1938-1942)
34. Буреполомский ИТЛ
35. Волгострой (1935-1945)
36. Волголаг (1945-1953)
37. Вытеграгидрострой (1948-1953)
38. Ванинский ИТЛ (Бухта Ванино)
39. Варнавинский ИТЛ
40. Верхне-Ижемский ИТЛ (1941-1942)
41. Ветлужский ИТЛ
42. Вишерский ИТЛ
43. Владивостокский ИТЛ (Владлаг)
44. Водораздельный ИТЛ
45. Волжский ИТЛ
46. Волжский железнодорожн. ИТЛ (1942-1943)
47. Восточный железнодорожн. ИТЛ
48. Восточное управление БАМ (1947-1948)
49. Волгобалтийский ИТЛ
50. Вяртсильский ИТЛ
51. Вяземский ИТЛ (и ИТЛ при стр-ве NN)

- 1, 4 ГУШОСДОРа (Москва-Минск)
52. Гдовский ИТЛ (1940-1941)
53. Главное упр. аэродромного стр-ва
54. Главгидрострой (1940-1941)
55. Горношорский ИТЛ (1938-1941)
56. Гранитный ИТЛ
57. Гурьевский ИТЛ
58. Гусино-Озёрский ИТЛ (1940-1942)
59. Гутаро-Тагульская экспедиция (1938-1940)
60. Джидинский ИТЛ (1945-1953)
61. Дальстрой (1930-1953)
62. Дальне-Восточный ИТЛ (Дальмаг) (1937-1940)
63. Джесказганлаг (1940-1943)
64. Джугджурский ИТЛ
65. Дмитровский ИТЛ (1932-1938)
66. Енисейстрой (бывш. Главное упр. Енисейстроя МВД СССР)
67. Енское строительство (Енглаг)
68. Закавказметаллургстрой
69. Западное управление БАМ
70. Западный железнодорожн ИТЛ (1938-1944)
71. Заполярлаг (1941-1942)
72. Знаменитстрой ИТЛ (стр-во шлюза «Знаменитый») (1939-1941)
73. Интинский ИТЛ (1941-1948)
74. ИТЛ и стр-во 4-го углеразреза в Карагандинской обл. (1942-1944)
75. ИТЛ при стр-ве Казанского нефтяного завода
76. ИТЛ при стр-ве ж.д. линии Красноярск-Енисейск
77. Кулойлаг (1933-1941)
78. Кусьинский ИТЛ (1947-1953)
79. Кексгольмлаг (1939-1941)
80. Кандалакшинское стр-во алюминиевого завода (до 1941).
81. Каракумлаг (1950-1953)
82. Кемерровжилстрой и Кузбассжилстрой (1947-1948)
83. Ключевский ИТЛ (1949-1953)
84. Казахстанский лагерь (Казлаг)
85. Калачевский ИТЛ при стр-ве Волго-Донского судоходного канала
86. Калужский ИТЛ (Калуглаг)
87. Каменлаг (1942-1944)
88. Каменлаг (после войны)
89. Карагандажилстрой (1946-1948)
90. Каспийский ИТЛ (1943-1946)
91. Кимперсайлаг
92. Ковровлаг – стр-во Ковровской ГЭС (1939-1941)
93. Кольский ИТЛ (1939-1941)
94. Котласлаг (1942-1950)
95. Красноярский ИТЛ и стр-во афинажного завода (1941-1950)
96. Курьянский ИТЛ Курьянскстрой
97. Локчимлаг (1937-1940)
98. Ликовский ИТЛ
99. Лобвинлаг (1943-1945)
100. Лужский ИТЛ (1937-1941)
101. Молотовский ИТЛ
102. Мослеслаг (1942-1946)
103. Московское проектное управление бывш. Главгидростроя и гидропроекта МВД СССР (1940-1953)
104. Марковский ИТЛ при Севводстрое
105. Мартыновский ИТЛ
106. Маткожневский ИТЛ и стр-во алюминиевого завода (1939-1941)
107. Медвежьегорский ИТЛ (1946-1947)
108. Нижне-Донской ИТЛ (1952-1953)
109. Немнырский ИТЛ
110. Нижне-Волжский ИТЛ (1942-1943)
111. Нижне-Тагильский ИТЛ
112. Ново-Тамбовский ИТЛ
113. Омский ИТЛ
114. Онежский ИТЛ (1937-1942)
115. Обский ИТЛ (1947-1952)
116. Отдельный Грозненский строит. район бывш. ГУШОСДОРа МВД СССР (1945-1953)
117. Опокстрой (1931-1949)
118. Охунский ИТЛ
119. Пудожлаг
120. Поньшлаг (1942-1948)
121. Прорвинский ИТЛ (1932-1940)
122. Переваллаг (1944-1947)
123. Приволжский ИТЛ (1942-1944)
124. Приморский железнодорожн ИТЛ (1938-1940)
125. Райчихинский ИТЛ (1938-1942)
126. Рыбинский ИТЛ (1942-1945)
127. Средне-Азиатский ИТЛ (1931-1932)
128. Самарский ИТЛ (1937-1940)
129. Саранский ИТЛ
130. Саратовский ИТЛ (1942-1953)
131. Саровский ИТЛ
132. Свирский ИТЛ
133. Слободненский ИТЛ (1941-1944)
134. Северный ИТЛ (1929-1932)
135. Северо-Двинский ИТЛ (1940-1946)
136. Севжелдорлаг (1937-1950)
137. Сегежский ИТЛ (1935-1941)
138. Селенгинский ИТЛ (1953-1954)
139. Соловецкий ИТЛ (1932-1933)
140. Соликамский ИТЛ (1939-1946)
141. Сорокский ИТЛ (1938-1942)
142. Средне-Бельский ИТЛ
143. Сталинградский ИТЛ (1941-1942)
144. Сызранский ИТЛ
145. Строит-во Московского государств. университета (1948-1954)
146. Строит-во и предприятия бывш. Главного упр. асбестовой пром-ти МВД СССР
147. Строит-во N 63 Управл. аэродромного стр-ва

- 148.Строит-во N 370
 149.Строит-во Главспецстроя МВД СССР
 150.Строит-во Главпромстроя МВД СССР
 151.Татспецнефтестрой (1952-1953)
 152.Тавдинский ИТЛ – Тавдалаг (1940-1945)
 153.Тагильский ИТЛ (1942-1953)
 154.Таёжный ИТЛ (1949-1953)
 155.Туймазинский ИТЛ (1947-1949)
 156.Тайшетский ИТЛ (1937-1948)
 157.Темниковский ИТЛ (1931-1948)
 158.Тихвинский ИТЛ (1939-1941)
 159.Томск – Асинский ИТЛ (1937-1940)
 160.Томь-Усинский ИТЛ (1948-1949)
 161.Тугачинский ИТЛ
 162.Туимский ИТЛ
 163.Тырногаузский комбинат (1941-1945)
 164.Уленский ИТЛ
 165.Умальтинский ИТЛ (1941-1943)
 166.Уральский ИТЛ
 167.Ургальский ИТЛ (1946-1948)
 168.Усольгидролес (1951-1953)
 169.Усольский ИТЛ (бывш.специальн. Гл. управл. МВД СССР)
 170.Ухто-Печорский ИТЛ (1931-1937)
 171.Упр. строит-ва Куйбышевского гидроузла (1937-1940)
 172.Упр. особого Куйбышевского стр-ва (1940-1946)
 173.Упр. ИТЛ и строит-ва Джидинского комбината (1940-1945)
 174.Упр. строит-ва Волго-Донского судоходного канала им. В.И. Ленина (1948-1952)
 175.Упр. ИТЛ и строит-ва оросительных сооружений (1951-1952)
 176.Упр. ИТЛ и строит-ва Цимлянского гидроузла (1948-1952)
 177. Упр. ИТЛ и комбината «Апатит»
 178.Упр. ИТЛ при строит. N 6 бывш. ГУЛЖДС МВД СССР
 179.Упр. ИТЛ и комбината N (1946-1953)
 180.Упр. ИТЛ и строит. N 11 (1948-1951)
 181. Упр. ИТЛ и строит. N 18 бывш. Главспецнефтестроя МВД СССР
 182.Упр. ИТЛ и строит. N 94 (Понойлаг)
 183.Упр. ИТЛ и строит. N 105 (Ручь-Куолярви)
 184.Упр. ИТЛ и строит. N 106 (Пин-Озеро Ковдор)
 185.Упр. ИТЛ и строит. N 107
 186.Упр. ИТЛ и строит. N 108
 187.Упр. ИТЛ и строит. N 200
 188.Упр. ИТЛ и строит. N 201
 189.Упр. ИТЛ и строит. N 203
 190.Упр. Ликовского ИТЛ и строит. N 204
 191.Упр. ИТЛ и строит. N 211
 192.Упр. ИТЛ и строит. N 213
 193.Упр. ИТЛ и строит. N 263 (Совгавань)
 194.Упр. ИТЛ и строит. N 300
 195.Упр. ИТЛ и строит. N 301
 196.Упр. ИТЛ и строит. N 304
 197.Упр. ИТЛ и строит. N 500
 198.Упр. ИТЛ и строит. N 501 бывш. ГУЖДС МВД СССР
 199.Упр. ИТЛ и строит. N 503 бывш. ГУЖДС МВД СССР
 200.Упр. ИТЛ и строит. N 505
 201.Упр. ИТЛ и строит. N 506 бывш.ГУЖДС МВД СССР
 202.Упр. ИТЛ и строит. N 507 бывш. ГУЖДС МВД СССР
 203.Упр. ИТЛ и строит. N 508 бывш. ГУЖДС МВД СССР
 204.Упр. ИТЛ и строит. N 509 бывш. ГУЖДС МВД СССР
 205.Упр. ИТЛ и строит. N 510 бывш. ГУЖДС МВД СССР
 206.Упр. ИТЛ и строит. N 511 бывш. ГУЖДС МВД СССР
 207.Упр. ИТЛ и строит. N 513 бывш.ГУЖДС МВД СССР
 208. Упр. ИТЛ и строит. N 514 бывш. ГУЖДС МВД СССР
 209.Упр. ИТЛ и строит. N 1001
 210.Упр. ИТЛ и строительств NN 1 и 4 бывш. ГУШОСДОРа МВД СССР
 211.Упр. ИТЛ при строительстве NN 1, 3, 17 бывш. ГУШОСДОРа МВД
 212.Упр. ИТЛ и строительства N 2 бывш. ГУШОСДОРа МВД
 213.Упр. ИТЛ и строительства N 3 бывш. ГУШОСДОРа МВД
 214.Упр. ИТЛ и строительства N 2 бывш. ГУШОСДОРа МВД (за 1952 г.)
 215.Упр. ИТЛ и строительства N 7 бывш. ГУШОСДОРа МВД СССР
 216.Упр. ИТЛ и строительства N 17 бывш. ГУШОСДОРа МВД СССР
 217.Химкинский ИТЛ (1938-1941)
 218.Химкинский ИТЛ (после 1941)
 219.Чебоксарский ИТЛ (1941-1943)
 220.Челябинский ИТЛ (1950-1951)
 221.Черногорский ИТЛ (1950-1954)
 222.Черноисточинглаг (1942-1943)
 223.Чистюнский ИТЛ (1942-1944)
 224.Шахтинский ИТЛ (1947-1949)
 225.Широковский ИТЛ (1936-1946)
 226.Шосдорлаг
 227.Щугорлаг (1945-1946)
 228.Шексногидрострой (1951-1953)
 229.Юго-Восточный железнодорожный ИТЛ (1932-1940)
 230.Югорлаг (1941-1942)
 231.Южный железнодорожный (Южлаг) (1937-1942)
 232.Юхтинский лагерь
 233.Ягринлаг (1938-1953)

Александр ПЕТРУШИН

г. ТЮМЕНЬ

Чудак-человек

Друг отца – бамовец Борис Борисов – присылал мне письма и посылки ещё когда мне не было и года. «ИВАНУ КОРОТКОВУ» – значилось на таких конвертах и коробках. И ничего, что адресат не умеет читать. Адресовал он их мне, конечно, в шутку. Зачастую, в этих письмах он, не стесняясь в выражениях, резал правду-матку да с матерком. Отец, конечно, был недоволен и даже выговаривал ему: «Боря, ну как можно! Ещё и младенцу адресуешь!..»

Да, Б. Борисов, как говаривал мой отец, «чудак-человек». И говаривал это отец с той дружеской теплотой, каковой никогда не услышите вы в поздравлениях очередному лауреату на очередном банкете из уст очередного «генсека» очередного Союза писателей. Все эти «мудрый», «крылатый», «великий» – просто пыль перед таким «чудак-человек».

Б. Борисов и сегодня ведёт нестандартный образ жизни – путешествует по всей стране на теплоходах, коллекционирует колокольчики и живые фотоснимки, которые делает сам – всюду и везде запечатлевая (или запечатывая) действительность на маленький простенький фотоаппарат. Что-то есть в нём от хиппи, только нашего, российского разлива.

Из каждой поездки Борис привозит колокольчики – дарит их мне и маме. Бывал он и у нас в Юрьевце. Купался в сентябрьской Волге, что удивило даже местных. И тут вдруг недавно, вместе с колокольчиками Борис протянул мне пухлую тетрадь в твёрдой красной обложке. Это был его дневник. «Бамовский». Б. Борисов ведь отпахал на БАМе годы и годы. Прошёл километры и километры железнодорожных путей, которые вытягивались жгутом, подпоясывающим Сибирь, по мере того, как работяги двигались на восток. Конечно, я с удовольствием взял почитать – а что же написал Б. Борисов, этот «чудак-человек» о своей молодости?

А теперь сделать это можете и вы.

После того, как вы прочтёте пару страниц этого текста, вам станет понятно, почему впоследствии, когда БАМовцы и комсомольцы остались «за чертой», Б. Борисов ходил на все (или почти все) митинги Лимонова 31 числа каждого месяца. Вас уже не удивит тот факт, что Б.Борисов часто бывал в бункере нацболов и ранее, и что называет их до сих пор на собственный манер, «татуированными котиками». Да, эта дневниковая проза, своей искренностью, надрывом и нарывом тяготеет к художественным высказываниям Лимонова.

Почему я говорю, что этот текст – художественный? Мне, конечно, трудно судить, что здесь – чистая правда, а что – художественные образы, высвеченные и выхваченные у действительности художником-бытописателем детали. И потому, думается, этот дневник – не простая хроника событий, где важна точность факта, а скорее художественное высказывание о том времени. Однако, при всём при этом, что-то мне подсказывает: здесь и правды факта гораздо больше, чем в большинстве написанного о БАМе сегодня, а уж тем более написанного – тогда, под гнётом цензуры.

Как бы то ни было, перед нами – записки очевидца, летопись БАМовских будней, а значит – документ эпохи. Эпохи, навсегда теперь ушедшей, отзвучавшей, как гудок паровоза, эпохи, которая осталась замурованной в таёжную землю и теперь только и знает, что дребезжать под колёсами вагонов, когда в них несутся на восток богатые туристы. Чувствуют ли они эту дрожь? Не знаю.

Но мы с вами можем почувствовать её сполна, погрузившись в этот текст – прямой и честный, как взгляд усталого рабочего, грубый и резкий, как его речь и пропахший мазутом и потом, как его роба.

Иван КОРОТКОВ

Борис БОРИСОВ

ДНЕВНИК БАМОВЦА

...Трое суток дороги на БАМ пролетели, как один миг. «Так и жизнь пролетит», – сказал Лёха Прохоров пока мы курили «Беломор» на ст. Тайга.

Сколько сволоты и солдатни бесцельно ошиваются почти на каждой станции. Холопьё и сволочьё! Прямо кулак чешется, так хочет врезать этому скоту милиционеру, ***авшемуся <неценз. прикопавшемуся> к нам в Новосибирске. Чуть из-за него не отстали от поезда. Вася показал старшине некое удостоверение железнодорожника, и Лёхе, сильно пьяному, не удалось врезать по роже жирнуге милиционеру.

Вспоминаю молодого белоголового парня Васю как очень хорошего человека. «Бычок и котик!», – с нежностью думаю я о кировчанине. Я у него ночью спросил: «Сколько ты пьёшь водки каждый день?». – «По стакану всегда, а то и по два, когда повезёт. Когда мы пьём водку по два стакана с друзьями из бригады, то неожиданно делаемся умнее и лучше. Просветление врывается в наши мозги...». Вот такой парень Вася повстречался нам на транссибирке! Вот ведь почему надо было строить эту дорогу. Музыка! Хорошая и структурированная была везде разлита, как креплённое вино, на которое мы перешли с Прохоровым. «От винта!» Мы пьём вино за Васю, такого же монтера пути 4 разряда, как и мы. Что-то давно не вижу никаких духовных маяков. Не считать же таковыми поэта Евтушенко или точно такого же обкомовского бюрократа, но с другой стороны – Ст. Куняева (Хуняева).

Четвёртые сутки мчимся сквозь снега. Современная советская жизнь деликатесна!! Парень-дагестанец заставляет (!) нас закусывать водку и коньяк чёрной икрой. Мы жрём её из литровой банки ложками! Некоторые пассажирки врывались своими запахами в наше купе № 4 и вырывались из серости и обыденности своих жизней. Мы были для них праздником. Два пьянующих комсомольца в грязном чёрном нижнем белье пробовали тискать неизведанных кошечек. Они делали вид, что не понимают, чего мы от них хотим. [Дагестанец из соседнего купе шёпотом рассказал мне, как одна у него отсосала! Разве же

ты и сам, Боря, такого же точно не захотел бы?]

Мы с Прохоровым – два дурня, но и это не самая худшая из черт нашего характера. Вот пьянки – это серьёзное недостаток и слабость. Женщина Ирочка мне сказала: «Опять лыка с утра уже не вяжешь. Залил наглые глаза». «Прошу меня понять и простить», – ответил я ей. «Ты, Боря, конченная пьяная скотина. Отпусти меня, от тебя воняет невымытым козлом...»

<...>

Опять преодолели мою мать малую родину – Иркутск. 28-минутная стоянка, и там опять воины лежат на полу вокзала. Водка, 3 бутылки купили в ресторане по 9 руб. 50 коп. за 0,5 л. Мои христианские добродетели воссияли, когда 1 бутылку я отдал уже очень пьяным дембелям, едущим куда-то под Уссурийск. Парень с наколкой звезды меня и Лёху спрашивает, сделав глоток из нашей бутылки: «Мы умрём?». И Прохоров, мой дружбан, ему в ответ: «Ни*** <неценз. нет, ни за что>!» «Страна хорошеет, как и наша жизнь, год от года», – говорит мне старлей. За пазухой получка. «Колян! Стукни мне по кадыку, и по стакану», – говорит ему сержант. Ребята валяются на полу, но их лица сияют от восторга, что они русские и что они в Иркутске пьют с бамовцами. Некоторые ребята грязные и тупые, как бараны. Уходя я так разозлился на них, что сказал: «Что вы, идиоты, лопочете на своём украинско быдлярчем. Запахните свои ушанки себе в жопы!».

<...>

Широкая масса советского населения, в том числе солдаты и дембеля-бараны, всё-таки очень хороши на первый взгляд и особенно, когда ты пьяными глазами на всё смотришь, и ты улыбаешься им. Столько хороших людей едет, итить их мать! Мне же, в дневнике, требуются они, как воздух и дух. Ты должен быть вратарём в воротах правды, а не забивать голы, получая за это получку.

Утро туманное от мороза в – 30. На перроне Читы столкнулся я с редактором газеты «БАМ» Иваном Шестаковым, едущим в обратную сторону. Я ему: «Вольёмся друг в

друга, как вольные ветра. Мы сила! И жаль, что так мало поэты похожи на баранов-солдат. Шаманы! Очарованные советской эпохой. Бутылка, овсянка на закуску, гитара. Нас мало! Страстных дервишей дороги. Туман над нами и из наших щербатых ртов. О, Чита! О, родина! Мы не держим камни за пазухой. В железнодорожном движении на восток – оазис свободомыслия, и ты, скорее всего, пока ещё <не видишь> вершины молодого последнего поколения».

Уже в Сквордино, в буфете, в ожидании пассажирского «Благовещенск–Тында», мы распиваем вино с бичами, и женщина нам говорит, что мы редкостные подонки и анти-советчики: «Таких тварей, как вы, нигде не найдёшь!».

20 февраля 1979 г. Вторник.

Сегодня опять было четвёртое мучительное начало нового, идущего следом за юностью. Опять я еле выдержал работу и бригаду. Тяжеленная рекордная штанга работы. Еле-еле её оторвал от пола. Весь в поту, мазуте и креозоте, весь в ушибах и оскорблениях. Пятьсот метров железки мы уложили сегодня в Большой БАМ, и это ж восемь часов пахоты. В 19-00 я ловлю комки грязи, ссыпающейся с моей прокопчённой рожи и робы. Очень тяжело тащить БАМ после отпуска на татуированных нетренированных плечах раба-робиспьера. Работал изо всех сил и слава Богу, что меня опекал Воронин и защищал от напраслины, которую на меня из зависти хотели повесить и девушки, и несколько парней нашей бригады: «Глаза у «серого» были серее ещё, нежели у дебила Толика Кондакова. Даже с серой собакой Тузиком мне приятнее говорить, нежели с комсоргом Кондаковым, отцом 2-х детей, и главное у него достоинство: на теле и руках эзовские наколки. В этом ему нет равных.

Воронин меня оберегал. «Я так тебя, Боря, ждал и мечтал, что прижмусь крепко к тебе, когда мы выпьем».

2 марта 1979, пятница

«Не в писаниях Монтеня, а в себе нахожу я то, что у него читаю», – писал Блез Паскаль. И чем более собственных мыслей в книге, стихе Аполлинера и Бодлера, музыке ты находишь, тем дороже тебе эти писатели, и поэты, и барды, и в т. числе и Евг. Клячкин... Некоторые мысли в нас вложены от рождения, и мы вынимаем их из книг и песен по мере поступленья. Привычный образ жизни советского рабочего такой: могу ли я в 10 часов утра не выпить, если мне наливает водку лучший монтер пути СМП-573 Казарин

или прораб с татуировкой буквы «В» между 1 и 2 пальцами Виталик Бонкин придёт с бутылкой, ослепительно улыбаясь, и предложит? Золото, русские ребята, которые вокруг меня живут.

<...>

Одновременно с очень хорошим – столько здесь никаких и откровенно скверных людских особенностей обосновалось на северных ветрах. В Одессе, с Виталием Фроловым за рубиновым вином и оркестром из музыки наших душ решили, что очень хорошие люди авторы песен: 1. Высоцкий. 2. Анчаров. 3. Визбор. Галича, Городницкого и Нов. Матвееву побоялись вставить в этот первый ряд, и Окуджаву, т.к. не знаем, хорошие ли они люди?

«Нет в мире невиноватых» – татуировка на руке бамовца, прочитанная мною 1 марта 1979 г. в районной бане, откуда простиралась заснеженная отчизна наша – великий СССР.

<...>

Когда над нашими вагонами, как и обычно, зажглись жёлто-зелёно-красные звёзды, мне, Б. Борисову, бамовцу, стукнуло 24 года. Я притащил в бригаду в рюкзаке 10-ть бутылок красного, как кремлёвские звёзды, вермута. О, вермуток! Ветер и Вернер и Вагнер. В четыре часа вечера вереница моих дружбанов дружным строем шли домой с 1680 км

под собачий лай и под грохот дизелька по шпалам. Шли мои дружки, и дружбаны, и другие-гусары. И всё-таки у нас, пока что, одна судьба на всех – дорога и стройка. И это великолепно всё ещё. Мы братья! Хоть Вовик и затушил сигарету сегодня, 8 марта 1979 года, о мою телугу. «Ба! Да ему же уже двадцать четыре».

11 марта 1979, воскресенье

С литобъединения «Звено» возвращаюсь с Вл. Гузиём в Новотындинский, наконец-то идя именно оттуда! Пока я разъезжал по чехословакиям, Володя женился на Аните Тихоновой, нашем начальнике отдела кадров! И Анита – третий по знаковости человек в отряде «Моск. комсом.» Разница в возрасте между ней и Володей 10 лет. В этом-то и главное спрятано и в этом загадка, нужная поэту, если он, конечно (В. Гудзий), поэт. Поэты на «Звене» те ещё супчики! Охолощённые лица и одни штампы в их текстах. Набившие оскомину стихи без единой мысли.

Наши суровые и окровавленные после пьяных драк по воскресеньям прекрасно красивые лица и затылки (!) бригадных – более поэтичны, нежели все вместе взятые стихи женщин-геологинь. Я хотел сказать одной: «какую же *** <неценз. ерунду> вы понаписали», но постеснялся из-за её возраста. Мы шли по шоссе на Кувыкту с Гузиём, и я ему втемяшивал в голову мысль Б. Слуцкого: «Поэта выбирают как ходока, т.е. как человека, которого можно взять в разведку или же просто в поход. И ты должен быть в нём уверен, что он не предаст и не подведёт...».

В Москве, у спекулянта, я купил книгу стихов Мандельштама в Большой серии Библиотеки поэта за 50 руб. вместо 2 руб 50 коп. И два стиха я прочитал на литобъединении, как бы говоря им, «какое дерьмо вы понаписали и не стесняйтесь его печатать и читать вслух». После приезда я всё ещё наслаждаюсь своей полной бесконвойностью. Я пока что не привык и питаюсь мыслями, которые собрались в моей голове за время отпуска. Я очень скоро могу скурвиться и слететь с катушек в обыкновенную жизнь – тогда какие же стихи из тебя попрут, говорю я поэту В. Гузию пока мы идём до его дома, где он живёт с Анитой. Напоследок я цитирую Михаила Светлова: «Я жалею старушек, но это единственный мой недостаток...». Так я стараюсь в себе и Володе и в Г. Кузьмине пробудить тягу к бесконвойному творчеству.

Пока я это писал, с кассетника «Весна-202» звучали песни одесского барда Виталия Фролова, которые он мне прислал. На три с плюсом. Т.е. очень хорошие песни самодея-

тельного автора – диспетчера одесского порта.

13.03.79, вт.

Эмоционально переполнен, гораздо более, нежели чем после литобъединения «Звено».

В клубе «Ударник» с 19 до 20:30 партсобрание СМП-573. И я в нём участвую и даже выступил, пока меня не согнали со сцены. Моя тупая лохматая голова активного рабочего после смены хочет спать, либо водки и табачного дыма вместо сна. Когда меня согнали пинками сапог со сцены, парторг всему залу в 80 человек сказал: «На партсобрании нужно говорить только о том, что хочет услышать зал. А не о том, что ты сам можешь сказать».

«Рельсы надо любить! Они дают нам единение с народом. А разве же не народ является двигателем прогресса? Что в наших пустых головах сокрыто? У меня в голове мутный туман и мат. За меня на работе всегда думает бугор Захаров и мастер Родиков... В.И. Ленин про интеллигенцию говорил так: Мозг нации интеллигенция? Не мозг, а *** <неценз. мужской половой орган> маленький и квёлый она». И тут на меня зашипели тупейшие женщины-коммунистки...

<...>

3 апреля 1979, вт.

Феерически-стремительная, переполненная, льющаяся через край моя жизнь.

Неожиданно (!) пришло письмо из Иркутска от Фёдора, и его фамилия реально настоящая: Пысин. О! Кокорин, узнав, сказал ему: «Ты врёшь. Такой фамилии не может быть». И вот завтра пошлю «Пысину!! Иркутск. До востребования» в подарок 30 рублей. В странном письме он не сделал ни единой орфографич. ошибки!! Он пишет: «Мы всегда уезжаем навсегда». И жалуется, что никогда не был в Москве.

Вторую неделю подряд работаем на развитии ж/дор. ст. Тында. В три смены. Я во вторую, самую неудобную с 17 по 24 часа. С 9 апреля я буду рыть в III-тью смену, а затем опять – о, счастье, – буду работать в I-ую. Роем глубочайшие котлованы шести с 1/2 метров вниз под бетонные столбы. В газете Ивана Шестака прочёл слова зам. нач. Главбамстроя Васильева: «В одном я уверен полностью. Всё, что будет построено на БАМе, будет построено руками строителей». До чего же Васильев туп! Не инопланетяне же своими руками построят ему БАМ. Геша Ефремов наверху ведром вытаскивает комки земли, я же на 5-метровой глубине в темноте карячусь. Как кляпом, залил в 23:00 себе

горло вином от Ефремова.

19 мая 1979 г., Субб. Вагон № 47.

Вот и лето пришло! Первый день, как расцвёл в Тынде багульник и сошёл лёд на Геткане. Неожиданно улетучились все мои физические недуги. Хорошо работается. Ни один ко мне больше до***тся <неценз. докапывается>. Дневник забросил. Что напишешь, если всё более-менее.

Приклеиваю своё письмо 56-летней моей родной тёте Ляле.

«Ануфриевой Олимп. Степ-не,
Москва, ул. Космонавтов.

Т. Ляле. 19.V.79 г.

Здравствуйте, тётя Ляля!

Спасибо за бандероль, письма, открытки.

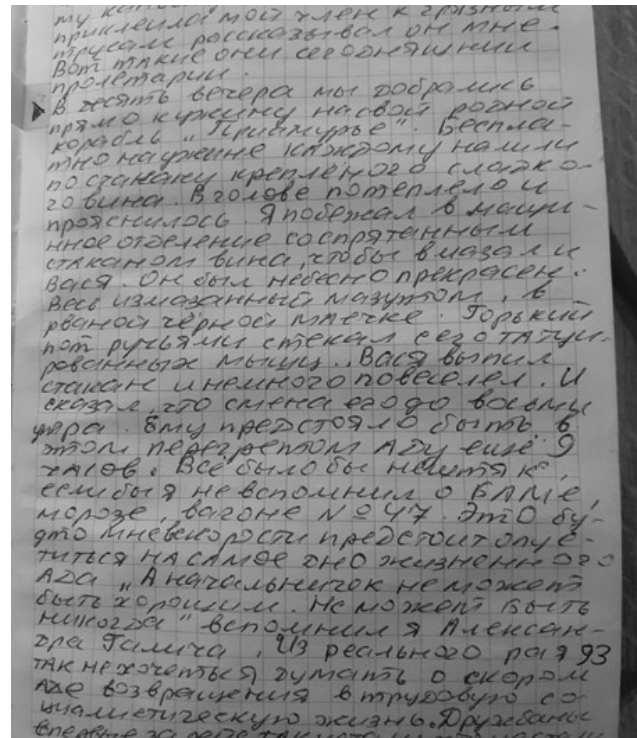
Я, к сожалению, не могу на сегодня быть с вами также откровенным, как вы со мной. После откровенностей такого богоотступника общепринятого (более бездарной и пошлой книги, которую в назидание мне вы прислали, – я не читал) и бича, как я, Вы меня – возненавидите. Я этого искренне не хочу. Когда я пишу письма, я частично пишу их самому себе. По-другому я это делать не хочу.

Счастливо оставаться.

Целую вас. Борис».

29.05.79, понед.

После работы с Валерианом Андреевым прогуливаясь по центру Тынды, посчитали уже построенные «Главмосстроем» девятиэтажки. Насчитали двадцать пять! Подходя к столовой СМП-544, вдруг я увидел четырёх человек чисто-пречисто одетых с начищенными (!) туфлями, и среди них – я обомлел – был Лев Яшин! Я сказал ему, что являюсь фанатом московского «Динамо» с 1965 года и раз тридцать (!) с восточной трибуны стад. «Динамо» наблюдал его игру. С ним было ещё три модных и более молодых, нежели Лев Яшин, мужчин. Я дал им закурить мою «Яву», и пока я орал на весь проспект «Бессмертных» идущий вниз от «Юности», требуя у каждого ручку, которой Яшин мне расписался на пачке сигарет «Памир», которые нашлись у матерщинника Валериана. Пока я брал автограф у Яшина, его спутники разговаривали между собой так: «***<неценз. половой орган> моржовый, от***<неценз. отстань> по-хорошему...». Кажись, это были неизвестные прошлые футболисты? На редкость народные и простодушные типы, как и мой спутник башкир Валериан Андреев. Только он один способен перематерить парней, которые присутствуют и окружают Льва Яшина. Они зовут его Лёва, а мы, бамовцы, зовём вратаря Лев Иванович.

31 мая 1979, среда

С Ворониным и с Вовой Райло после смены потащились в центр Тынды на литобъединение «Звено». На станции опять журналист Сунгоркин неинтересный, и я стал говорить корреспонденту «Гудка» Логинову: «Нас всех тут ждёт не дожждётся новая счастливая ослепительная жизнь. Цель – строительство БАМа, и воля, и приятное высасывание из молодёжи всех жизненных сил и соков». Правильно ли понял мои слова и записал Саша Логинов? А на Сунгоркина наплевать с колокольник.

– Крутим мы с тобою ручку, ***<неценз. распутная женщина>! А ***<неценз. ничего> не заводится... – при журналистах сказал Саня Тутункин, мой товарищ и брат.

И вот мы втроём чапаем на литобъединение, под пень птичек и иерихонских труб. Идём по дороге, куря кубинские сигары, удивляя прохожих. И Райло несёт в руках сибирского белого кота, которого хочет подарить Тамаре Шульге...

<...>

3 июня 1979, субб.

Моему папочке вчера исполнилось пятьдесят лет. Я ребятам из бригады в честь этого поставил 10 бутылок портвейна «33». Это было очень мало. Как мервецу припарка. Ребята пьют вино, будто это томатный сок в третьем классе школы № 90. То, что все мы пьём вино, как воду, – это хорошо? Мы так на*** <неценз. напились> сегодня после

работы с Геней Ефремовым, что я и не вспомню, как оказался на своей койке. Меня кто-то принёс?

Все мы пьём вино. Все мы курим. Наиболее тупые и чумазые из нас имеют наколки на рабоче-крестьянских телах. Работа уминала и уплетала наше здоровье за обе щёки. Так почему бы нам не пить вкусное игристое вишнёвого цвета вино? Мы любим пить и у нас не краснеют при этом носы. Где факты, что вино с ребятами пить плохо? Вот «Комсомолку» со статьями Сунгоркина читать плохо. Там сплошное враньё. А пить вино с пролагателями новых пролетарских ж/д путей – это очень хорошо. Дым коромыслом, мат и стол, уставленный десятью моими бутылками с цифрами «33». Мы ***<неценз. пили> за моего папочку и обсуждали: все ли звери в нашей бригаде равны? Наша дальневосточная хабаровско-амурская эстетика уже у каждого из парней в крови, и мы весело пьём и поём лучшие советские песни. О***тельно <неценз. ошеломительно> превосходные рабочие парни и две девушки сидели в бытовке на ж/д ст. Тында и ***<неценз. хлестали> вкусное вино за моего папочку.

Все мы пили, стараясь заглушить запах, исходящий от наших испачканных креозотом тел. Своим перегаром мы сумели-таки перебить запахи от наших спецовок и портянок, воняющих напрямиком из резиновых сапог.

Мы пили чудотворное вино и ощущали: наша территория свободы мысли – именно здесь! Концентрация наших физических усилий на путях и расслабуха вечером, когда все мы пьём красно-вишнёвое вино. Вокруг нас и другим жителям Ново-Тындинского было жить безопасно и интересно. Компания хулиганов в ночи не позволяла распоясаться и слететь с катушек. Долгая бессмысленная пьянка с элитой рабочего класса. Мы весело пьём и мычим. Ясноглазые котики, нажравшись, приближаются к духовному. Витя Борейко под гитару поёт нам поэта Мих. Анчарова! О самом важном, мыча, нам удаётся услышать. Долго, как тропинка деревенская, мы пили, но это было, оказывается, не бессмысленно. Я оказался в воскресенье в койке с женой своего товарища, но запутался уже утром в её шёлковой комбинации и пропах её сиреневыми духами.

11 июня, воскр.

Вчера работали на станции Тында на развитии под музыку югослава Джорджа Марьяновича. Часа четыре!! Из динамика станции звучали его песни.

<...>

В шесть утра неожиданно соскочили с коек

и на грузовике Коли Фефелова помчались купаться и ловить хариусов на Геткан. Они, пять парней, ловят и ловят бедную рыбу. Я же сижу курю и плаваю, запивая стаканом «Агдама» рассвет. О! Рыба! Мои друзья по бригаде и по отряду находятся на очень низком интеллектуальном уровне, но почему-то только с ними мне и хочется дружить, работать, купаться и ловить рыбу. Говорить, пить и петь.

Тут с нами и Яковенко с проспиртованной, как и я, душой. Русский парень. Вчера он был на работе в белой рубашке с цветком герани в петлице. Он, как и другие рабочие-рыболовы, отогревает мою душу своим бескорытием. Ещё 10 дней назад Санёк был на Арбате в гостях у моего отца!

Мы сидели с ним на отсыпке и болтали мыслями и ногами. У меня в руке была бутылка водки, а у Яковенко в руке был солёный огурец, и мы мысленно врывались в новое и не доступное другим.

20 июня 1979 г., вторн.

Бабушке Марусе (Абрамовой Марии Ефимовке. Рож. 1912 г.).

«Дорогая, милая бабушка!

Живу я в ежедневном волнении о тебе и маме. Напиши все подробности вашей жизни.

У меня очень всё хорошо. Был в нескольких интересных поездках по трассе. Добрался даже до китайской границы, где был в гостях у наших пограничников. Много купался в Амуре, где на другом берегу купались китайцы. Ловил руками рыбу.

Что с мамой? Не надо выслать денег?

Папа живёт на Пресне и я ему часто звоню. Тебе же почему-то дозвониться труднее.

Очень тебя люблю и скучаю.

Огромный привет – маме! Будьте здоровы!

Целую крепко

Твой внук Боря.

20 июня 79 год».

21.06.79, среда.

Текла по жилам нашим текила. Разливалась и жгла текила животы одурманенных идиотов. Мы ехали в «пазике» по АЯМу [Амуро-Якутская автомобильная магистраль. – Прим. ред.] 180 км до Сквородино и далее до конца, до Джалинды и пограничной воинской части: Борисов, Браим – II-ой секретарь Тындинского горкома КПСС, Т. Денисова – инструктор штаба ЦК ВЛКСМ. И добрались! Как ад работы нас не добивал, но мы добрались до Амурского и видели на другом берегу купающихся китайско-китайцев. Мы добрались (!), куда хотели, и по нашим жилам текла текила, и мы взобра-

лись на вышку с Браимом и стали в мельчайших подробностях рассматривать Китай и его жителей. Джалинда. Застава. Пёстрое сообщество молодых парней-погранцов в зелёных фуражках. С вышки пёстрые импрессионистские пятна, как на картинах Клода Моне, стога сена для джалиндских пёстрых коров. Виден Китай километров на десять, когда смотришь в прибор: китаец срёт под деревом. Половина Амура – наша, половина – китайская. На страх гостей-бамовцев паренёк сержант катает по Амуру на катере. Мы то и дело оказываемся на китайской стороне реки. Отдалились на 20 км от заставы и там сержант Семён чуть не ***<неценз. врезался> в китайскую баржу с щёбёнкой. Мы баражировали по Амуру вместе с текилой в желудках! Лучше бы у нас в животах играла брага...

<...>

8 июля 1979, воскр., ул. Московская, ваг. № 47.

Гегемоны из рабочего класса лишены на БАМе театров и музеев. Да они и на ***<неценз.> им не нужны! И нам вместо «культурки» приходится квасить спиртное и на работе, и после неё. Хорошо-то как! Если «Серому» не налить в понедельник утром, то у него слёзы в глазах и душе и скорбный, как у оленя, волшебный взгляд. Добрые рабочие Геша, Саня и Борюнчик, ангелы и мечтатели, утлый Доронкин и весёлый Воронин всегда готовы допить до края и последнего рубля.

Адова жарница на улице и на душе. Горит вторую неделю тайга со всех сторон. Солнце сквозь дым не пробивается. Нет неба! Нет

газет, т.к. не летают «Яки-40». Гарь от пожара смешалась с запахом перегара и с нашим рабочим потом! Мы с Вовой продолжаем духариться и хулиганить, т.к. получили зарплату за июнь 1979 г. 374 рубля чистыми. Своему парню Сартакову наливаем и наливаем! Я в бытовке написал масляной зелёного цвета краской слова из любимого Марка Твена: «Если пьянство мешает работе, бросьте работу!». Разве же это не проклятье для рабочего класса – в такую жарницу и дым с 4 сторон пить прямо с понедельника и по воскресенье? Но мы всем назло пьём, глушим и квасим! О, наши северные люди – о, о, о! И их миры! Хоть мы и тупицы, но у нас есть идеалы!

16 июля, понед.

Начало моего письма папочке на Арбат. Борисову, папе. 16 июль, 79. Ваг. 47, пон. «Дорогой, дорогой папа!

Твоя защита – главное, что у меня произошло за это время. Прекрасное она оказала влияние на моё настроение. Как и любым летом, БАМ живёт удесятирэнно, и это самая большая причина молчания. Наряду с чтением «Былого и дум», «Анны Карениной», С. Моэма – «Гений – вот настоящий человек, а всё остальное – отклонение от нормы» (Моэм, кстати, уговорил меня ехать в отпуск на корабле. Недавно сдал кучу документов на поездку с 18 окт. – 11 ноября в Вьетнамский круиз. С заплывом на Филиппины (IV дня), Цейлон и Корею). Я много работал, ездил, думал и чувствовал. На днях буду осуществлять переселение себя в пос. Чильги (240 км от Тынды, 1- часов езды) в бр. Степанищева. Сейчас

СМП-573, несмотря на мой переводной лист, меня не отпускает.

Купил «Зенит ТТЛ» за 260 руб. Но НИГДЕ нет «свемовской» плёнки на 65, 130, 250 единиц, НИГДЕ от Бол. Невераидо Благовещенска. Папа, вышли по 3 шт. каждой, но не авиа, т.к. из-за дыма самолёты не летают. Целую!»

20.07.79 г. Пятница.

Изнываем от жары и пьём по 5-6 литров чистой воды за смену. Дым улетучился и гарь теперь только в лёгких и в душах.

– Мы, а не вы, ликующая на первомайской демонстрации гопота, – сказал я президиуму, сидящему на сцене, общеэсэмповского собрания в клубе «Ударник». – Правил, как жить, нет. Мы сами пишем правила своих жизней, – закончил я своё выступление под аплодисменты товарищей-комсомольцев.

Узкий лобешник Юрия-физкультурника и его рот прокричал мне: «Браво!». Длинноволосые рабочие – чего изволите? – тела крепкие, красивые, татуированные, – сразу после собрания повалили к Тутункину в магазин «Вино». Саня стал зачем-то работать в нём продавцов бормотухи. Приятно смотреть на наши затылки и грязные майки. Мы, как северные дикари, вроде наивных оленей-сокжоев и эвенков. Узкий лобешник Серёги и жар комсомольского сердца Анисимова из бригады Степанищева меня пронял, и чтобы сердце не разорвалось от счастья, мы начали в моём 47 вагоне квасить с Сартаковыми братьями и Ефремовым. Великовозрастные дети, уже имеющие своих детей, мы, как олени, пьём.

Хокку?

Серёга пьяно храпит.

И Геша выделяет звуком фортеля.

Мы дети?

И нас никто не слышит?

Наш храп

«Родина слышит!».

Голова Сартакова

Храпит в миске с борщом.

Хмырь Воронин храпит: Нафига?

Мне же слышится,

Будто это Лемешев

Нам поёт о железной дороге.

Вся наша пьяная пятёрка с трудом и головной болью пробудилась и к 7:30 все мы, не похмелившись (было нечем), пошли по жаре на работу. Только я и Воронин продолжали духариться и искать на свои жопы приключений – о, наше безумное безрассудство! Когда кругом столько тупых придурков с ясными серо-сине-зелёными глазами, и все они хотят

хоть во что-то верить, и счастья себе требуют, и пива утром налить в животы. Энтузиазм первопроходцев спрятан у меня и у Воронина в грязных кальсоно-трусах и играет оттуда, как труба или новогоднее шампанское. Мы трём-трём, теребим и перетираем. О, шампанское! И наше тут в Ново-Тындинском пиршество духа продолжается! [Воронин! Ну покажи же мне свой ствол...]

01.08.79.

Ходить по первоавгустовской Тынде – эстетическое удовольствие. Красивые девушки и голые торсы рабочих парней с татуировками на них. Я бреду с Райло и Фонарёвым от Тани Денисовой с её, 31 июля, дня рождения. Мы вполне трезвы. И трезвы и в мыслях своих, наконец-то. И уже не хамим и не хулиганим на своих улицах в нашем бамовском гусарском королевстве.

Г. Лободе в Хабаровск, Черняховского 5–87.

«Брат, Гриша! Спасибо за присланные тобой записки о БАМе плотника Николы Захарова «Ветер встреч и разлук». Да, это лучшее из пока написанного на бумаге о нашей общей стройке. Да! Это мемуары уровня того, как Александр Герцен писал о Гарибальди. Насколько же Коля Захаров талантливее всех этих Сунгоркиных–Мамонтовых и даже писателя Побожьева, у которого в пяти его книгах меньше мыслей и того, чего хочется выписать, нежели в 60 стр. Захаровского текста. Вчера, 21.07.79, в квартире № 47, говорил поэту и другу Захарова, В. Малькову: «Мне дела нет, что мой друг Витя Прокопов часто засыпает, нажравшись как свинья, у меня в вагоне № 47 под столом! Т.к. он всё равно хороший парень и не предатель. (И что, Гаев у Чехова в пьесе спал на нестиранных простынях или вообще без простыней.) И то, что мы с ним пили горькую, не просыхая. И что в жизни приходилось рыдать в подушку от полного краха и отчаяния. А у поганых журналистов «Комсомолки» этого совсем нет. Зато есть в жизни и в записках плотника Н. Захарова.

Все, человек двадцать друзей, кто был на дне рождения Тани Денисовой, посветили тебе, Гриша, целую страницу нашего сбора 31 июля. Ждём тебя и Таню Локтаеву на IV общетрассовый гитарный фестиваль. Там будут: «Жаворонки» с Н. Шуровой и О. Козиной, Евг. Клячкин (Ленинград), Вик. Берковский, Борис Вахнюк, Вик. Дёмин из Тирасполя, и Боков-Муравьёв из Казани, и кажется, но это не точно, Дин Рид из США...

Жители «Рая»: Т. Денисова из сорок седьмой квартиры по ул. Красная Пресня и красный пролетарий Б. Борисов из 47-го вагончика в пос. Ново-Тындинский.

<...>

7 августа 1979, вт.

Дожди последней недели загасили все до одного пожары, которые уже почти воспламенили Тынду. Зато всей нашей бригаде В. Приходько, ставящей железобетонные столбы и поперечины между ними на ж/д ст. Тында, приходилось ходить в насквозь промокших тельниках, чёрных венгерках и байковых рубахах. Б*** <неценз.>! Весь день во всём мокром. Вода струится с чёрной от угля рожи Воронина, стекает, как по автобусному стеклу, с него. С меня же чёрная вода стекала по телу в трусы. Кранты! Бр! Холодно, грязно и противно быть рабочим в дождливую морось. Смп-ная, слипшаяся холодная жизнь. О, эпохальная наша молодость! Воронин, придя с работы, вставлял своей жене не по-детски! Я же сразу же рухнул в койку и стал дочитывать последнюю главу «Былого и дум» Герцена. Следующая книга, которая меня ждёт: «Три минуты молчания» Г. Владимова.

На работе, на плато, на путях вижу и люблюсь новой бригадой и людьми с фамилиями: Приходько, Панько, Белецкий, Клецкий, Копров, Тюлькин, Костромов, Вовненко и Лапик. Сплошная Украина! Вместо «Московского комсомольца». Но пьют они так же хорошо, как и мы.

9 августа 1979, четверг

Планета БАМ и здесь все свои. Пока мы живы – это мы. Мы сами. Живые. Нас даже

можно пощупать. Душа и тело нераздельны. Но жить надо по-божьи, и совсем не для того, что душа не умрёт. Просто жизнь по-божьи, значит жить хорошо. Жить, делая добро, даже не зная про это. Жизнь уже этим приобретает смысл. Душа умрёт с телом, но жить надо только для души, для лучшего в тебе, для того, что можешь только Ты один. Оставим жить по-другому животным. Разве не в этом главное удовольствие и смысл жизни?

После смены я иду с Ворониным, у коего бутылка водки спрятана в кармане рабочих брюк. Мы идём к одному человеку по улице Семилетки в редакцию газеты «Авангард». Мы возвышенно рассуждаем с Ворониным о смысле жизни. И в нём, и во мне, и в Евгении звучат мелодии Окуджавы: «Как с любовью мы проходим по Тверской». А надо бы: С любовью идём мы по улице Семилетки! «Пусть начнётся, наконец-то, что ещё не началось» Б. Окуджава. От поворота к нам присоединились ребята из бригады Степанищева, и наша молодая толпа топала копытами по зелёной траве окраины. Мы гордо и яростно шли на день рождения, бравируя своими привычками, прививками и татуировками на бицепсах. Я так устал на работе, что во мне кипела только единственная мысль, и то не моя, а Б. Окуджавы: «Пусть начнётся, что ещё не началось». Поскорее бы...

15 августа 1979, среда

Мгла беспросветно убогой одинаковости жизни вдруг ссыпалась с нас, как угольная пыль с шахтёра, и наступил праздник.

На всех тындинских заборах разноцветные афиши и листовки: «Певец, режиссёр и актёр, борец за мир и социализм Дин Рид, США. Гость IV-ого фестиваля гитарной песни «БАМ-79». 18-19 августа все до одного спешите на сопку «Фестивальная»!».

Сбылась голубая мечта клинического идиота Бориса Борисова, и он, наконец-то, поговорит на своём любительском английском с настоящим американцем и мачо – Дином Ридом!

Голова уже сегодня идёт кругом. В нашем Ново-Тындинском следом за Вадимом Егоровым и Иосифом Кобзоном теперь живут «Жаворонки» – пятикратные лауреаты фестивалей имени Вал. Грушина. Утром, когда наша бригада побрела пешком, через ж/д мост, на работу, я увидел выходящую из вагончика Наталью Шурову, уже приехавшую на фестиваль из Москвы. Лучше Натальи никто в СССР не поёт песни Веры Матвеевой, очень мощного автора своих песен, печальных и трагических.
<...>

19 августа 1979, воскр.

Если бы мне надо было назвать место на Земле, где мне бы было хорошо-хорошо, что я бы назвал: г. Тында, сопка «Фестивальная» 18 августа 1979 г., когда там собралось 30-40 тысяч, т.е. всё на 90 % население гор. Тынды!

Дин Рид – это действительно классный певец и слушать его удовольствие! Я побывал на 3-х его концертах! В Доме Культуры «Юность» я пролез в зал последним ПЯТИСОТЫМ зрителем, хоть до этого туда помещалось не более 400 человек.

Дин – молодой, революционной направлен-

ности, красивый смелый парень, да ещё и хороший певец. Он, конечно же, Гарибальди (!) перед жирными котами-буржуями, из которых состоит бамовское начальство % на 80. Он говорил всё ПОЛНОСТЬЮ что хотел! Через переводчика Олега-Олега: «Многих в Америке хорошо бы посадить на электрический стул! Конченые мерзавцы руководители США! Они, а не народ Колорадо – истинное исчадие. А да! Это президент США...» Четырёхчасовой концерт в ДК «Юность» с «Верасами» ВИА и Ларисой Кандаловой – блестящий её голос! Дин-Дон сказал: «Я обязательно напишу песню о БАМе, содержанием её будет русское выражение: Полные штаны счастья, или Полный п*** <неценз.!».

<...>

1564 день на БАМе. Пятилетие!

1 октября 1979 г. Понедельник.

888-мь рабочих дней

Два дня до этого лили дождичек. Мы под проливным вчера и позавчера, в субботу и в воскресенье, срочно рыли траншею под теплотрассу. Она напоминала маленький канальчик. И мы бросали и бросали из неё липкую глину. И, чтобы вытащить резиновый сапог, двое парней тебя поддерживают и ты двумя руками, как краном, вытягиваешь сапог, вначале один, затем другой, и 40-50 лопат в минуту успеваешь выбросить из траншеи. Как же приятно громко материться при женщинах и при ребятах. Мои рыжие в глине сапоги, весом в пуд каждый, и моя куртка, весом в 80 кг на мне, скоро

мне будут сниться, когда я буду плыть по морям на корабле «Приамурье». А пока, вчера и позавчера, мы вылезали из чёртовой канавы в 12 часов дня и в 6 часов вечера такие старые, сгорбленные и обессиленные и через жижу пробираемся в две вахтовки. Разве мне можно забыть этих девушек и парней? Вот бы и им кто-то из скульпторов изваял памятник.

Пожрали с Колюнчиком Гуляевым в столовой «Берёзка» на 1 руб 20 коп. Получил очень умное письмо от Володи Топорова, мужа Лады Одинцовой.

Заканчиваю читать очень хорошую книгу Гр. Владимова «Три минуты молчания». Вера в Бога! В того, который нас выпустил из тьмы на свет. Зачем мы, кто мы? Душа поёт и улетает на небо при смерти тела? Дорога в ад вымощена благими намереньями или нет? Мама моя и бабушка Маруся – это две райские птички! Нет во мне более сильного чувства, нежели любовь к ним обоим. Папочка и его диссертация кандидата наук в его 50-летие! Хорошо. Работа в котловане даёт возможность мгновенно заснуть. Не сердись, не блуди, не гнись, не проси, не судись, не воруй и не учи других жить...

Вернулся с блядок пьянющий Воронин, и мы зарыдали с ним в две глотки от усталости, стыда, и полного краха, и отчаяния, и невозможности хотя бы чуть-чуть изменить себя и окружение из родных лиц. Большинство ничего не видит и ничего не слышит, слушая первую программу TV и всесоюзного радио.

7 окт. 1979, понедельник

Хоть и осталась неделя до отплытия из Находки на теплоходе «Приамурье» – Филиппины – Сев. Корея (!) – Юж. и Сев.

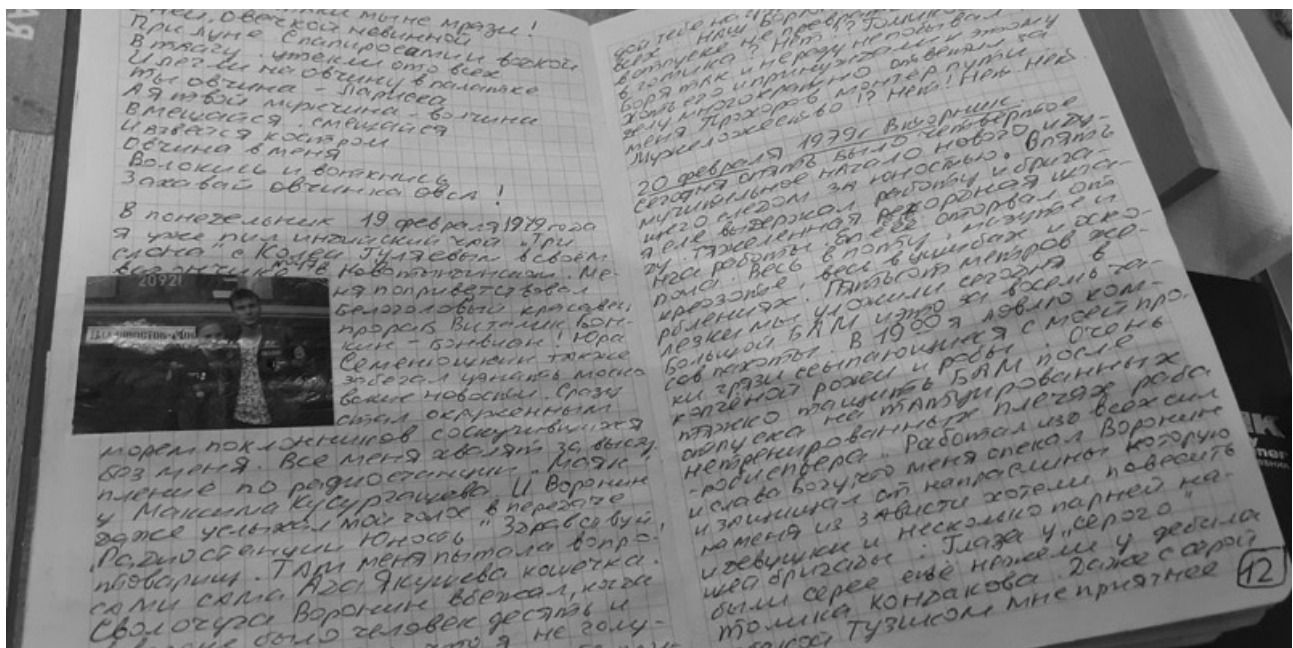
Вьетнам 25 суток (!!!) (18 окт. 1979 г. – 12 ноября 1979 г.), до конца не ясно, еду ли я к коммунистам Сев. Кореи и к капиталистам в Маниле. Завтра мне сообщат, привились ли мои прививки против чумы и холеры, которые мне сделали в ж/д поликлинике Тынды сегодня. И вдруг оказалось, что стоимость путёвки вместо 300 руб уже поднялась до 560 рублей. 70 руб доплата за люкс в гостиницах Благовещенска и Хабаровска плюс обмен на доллары 130 рублей, и вместе с ж/д билетами до Благовещенска, Хабаровска и Находки получается 700-750 рублей. Отпуск мне подписали с 15 октября, а отплытие из Находки 18 октября. Сомерсет Моэм послал меня и заразил плаванием своей книжкой и словами: «Гений – вот настоящий человек, а все остальные – отклонение от нормы». Хотя в жизни всё обстоит противоположно высказанному Сомерсетом.

13 октября 79 г. последний срок, когда, чтобы не опоздать, надо выехать в Благовещенск из Тынды. 6 часов утра. Так и не заставил себя заснуть. Выхожу на работу.

09.19.1979, среда

– Море ждёт тебя, Боря, и даже не одно, – сказали мне мои товарищи по бригаде сегодня на работе. А вчера Таня Денисова повелела мне отправляться в дальний путь по морям и океанам.

– В плавании вам, ребята, предстоит ощутить невесомость и теплоту ваших тел. Когда вы будете купаться во Вьетнаме в Южно-Китайском море, – сказал нам нач. Штаба ЦК ВЛКСМ Вал. Сущевич. А ты, Боря, в плавании будешь выхватывать из себя, как каштаны из огня, новые мысли.

Моё тело было совсем невесомо, когда купался я на Чёрном море в Гаграх, катаясь на волнах. «О, море в Гаграх! О, пальмы в Гаграх!» – пропел я уже в койке и захрапел без задних ног с мыслью: – Я еду!

Примитивные организмы вроде меня ещё более примитивны, чем кажутся.

<...>

Благовещенск, как и Moscow – большая деревня. Поселившись на пятом этаже центральной из гостиниц по наименованию «Юбилейная», мы вышли на набережную Амура с видом на г. Хайхэ, где только трубы дымили, как корабельные. Мы сразу же столкнулись с Пашей Савинкиным из нашего тындинского горкома ВЛКСМ. И он сразу же стал показывать мне, Мягкову и Вовику монтажнику закоулки и загогулины своего родного Благовещенска. Мы сразу же засосали по 0,7 л. бутылки сладкого узбекского вкуснейшего вина. И раскрепостясь, сразу же сделались бандой бамовских рабочих. И разве же это так плохо? Конечно же нет! Наши рабочие походки с ещё большей скоростью стали фланировать по центру Благовещенска. Наш звеньевой Вовик имел, как и всякий натуральный гегемон, на кисти руки наколку: «ВОВА» и зачем-то всё время орал «благим» голосом: «Где же ты? О, боже! Мой Ашхабад?». Вовик, опьянев, оказался не таким говном, как бывают другие рабочие, и, идя по набережной Амура, мы стали горланить свою (и мою, и Вовика) любимую песню Булата Окуджавы «Сентиментальный марш»: «Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет, Когда трубу к губам приблизит и острый локоть отведёт. Надежда, я останусь цел, не для меня

земля сырая. А для меня твои тревоги и добрый мир твоих забот... Я всё равно паду на той, на той единственной гражданской, И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной!».

Социалистическая музыка лилась в наши заводские сердца и в Хабаровске, где нас поселили с Евг. Мягковым в одном номере гостиницы «Турист» на одной, почему-то, большой кровати. Счастливые, перед неизвестным плаванием по морям, мы слонялись по хабаровской синеве и ночному тупому мраку. По Карла Маркса, где мы приударяли, и по Амурскому бульвару, где мы распивали на лавочках с журналистами газ. «Молодой Дальневосточник» Игорем Коцем и Гр. Лободой и др.

Из зимы мы переехали в золотую осень, и были ошеломлены свободой и тем, что рай отдыха всё ещё впереди. У Вовы из «Главмосстроя» выросли крылья, и он ими махал направо-налево.

Утром, выпив водки, мы, выйдя из гостиницы, с Вовиком шли к Амуру и там, как две пролетарские перелётные птицы, взлетали и пархали в воздухе, пролетая и над Китаем. Гриша Лобода пришёл к нам с книжкой поэта Рюрика Ивнева и зачитал нам его стих 1926 года: «Доколе дружба горяча, Указывать не буду срока, С котомкой счастья на плечах Я подъезжал к Владивостоку. В окне сверкающий закат И блеск Амурского залива, И рядом тёплая рука. Как странно – странно быть счастливым!».

Целый день мы шастали счастливые по Хабаровску. Кровь закипала от молодости и веселья, как пузыри от шампанского, в нас

искрились и переливались. В 23:00 мы уже в сильном алкогольном опьянении попали на сеанс в конструктивистский кинотеатр «Гигант» на ул. К. Маркса. Фильм не помню, но у меня в руке была 0,7 л бутылка с джином и мы из неё отхлёбывали. [Евг. Мягков в темноте зала, кому-то на ухо говорил: «Уж скоро полночь минет, А всё ещё друг другу мы не сделали минет». Монтажник Вова орал на весь зал: «Эх, пометать бы ножики!» И его фраза: «Сокамерники нас бы не поддержали...».]

Мир неожиданно для нас стал совершенно другим. Мы мчались по жел. дороге в новом безостановочном поезде-экспрессе Хабаровск–Находка. Нас бесплатно кормили в ресторане, и чешское пиво за плату лилось рекой. Жёлто-красные листья я вдруг заметил у Уссурийска. «А где же полосатые тигры?» – спросил Вовик. Красно-вишнёвое солнце опускалось в какую-то реку, когда мы проскакивали мост. Какое блаженство! Мы из котлованов и из силосных ям очутились в почти коммунизме, совершенно не стремясь туда. «Венцы творения» – Боря, Вова, Сергей и Елисей – ходили в трениках и тапочках по всем вагонам. Кубики на прессах наших рабочих и татуировка анфас девушки на плече у Вовика – так мы и шастали счастливые. День пролетария пролетает на работе незаметно. Так и наша поездка в поезде Хабаровск–Тихоокеанская пролетела, как один миг. Владивосток – закрытый город, и его мы объехали, не увидев даже из окна. А жаль.

На пристани Находки стояло два огромнейших пассажирских корабля и наше «Приамурье» сияло иллюминационными огнями. Оставив чемоданы в 1-этажном морском вокзале с женщинами-бамовками, а их целых 15-ть (!), с Евг. Мягковым, Вовой и Серёгой побежали в центр Находки на Ленинскую, чтобы затариться спиртным.

– Вова – менее интеллектуальный парень, чем ты, Боря, – сказал нам главный редактор тындинской городской газеты Мягков. Вове он на Ленинской сказал: «Каким ухом ты, идиот, слушаешь?». Вовик ему ответил: «Я слушаю тебя, Женя, своим ***м <неценз. мужской половой орган> (!)». Нам удалось купить каждому по две бутылки дербентского 5-тизвездочного коньяка по 11 руб. 50 коп. за бутылку. О, удача!

На бульваре среди жёлтых листьев из горла мы распили одну бутылочку и опять, как и в Хабаровске, стали горланить гениальную советскую песню Булата Окуджавы «Сентиментальный марш». Мягков и «Серый» тоже пели с нами.

Теперь уже и Евг. Николаевич стал спраши-

вать у нас, читали ли мы братьев Стругацких.

– Да от*** <неценз. отстань> ты с этими Стругацкими! Не читали и никогда не будем читать, – сказал ему и от моего имени монтажник девятиэтажек Вова.

Пока ребята ходили ссать в недостроенный дом, я на лавочке бульвара накарябал на пачке сигарет «Ту-134»:

По находке!

В обнимку. И под ручку

Мы ходим. И хохочем

Типичные рабочие походы

Надрались мы с братанами

Два быдла, два барана.

Якоря на руках

На рабочих ручищах

И от рож и одёжи

Воняет рогожсей.

Два монгола, два барона Унгерна

Каналом из осенних листьев.

<...>

[У стойки регистрации капитан корабля «Приамурье» каждому из нас пожал руку. Увидев наколку на руке у Вовы «ВОВА», он спросил у него: «Каковы твои убеждения?» и Вова ему ответил: «Я не пидор и не еврей...». Вперёд, на Цусиму!]

II.

Понеслось! Отдых для всех советских начался в очень правильный момент. Наиболее хорошо на судне, где отсутствуют условности, заботы и мелочи жизни, – нам с Вовиком и «Серым» – работягам, вылезшим из мокрющих, промёрзших, заснеженных котлованов.

На корабле «Приамурье» есть всё! 12-метровая каютища на нас двоих! Больше ста человек экипажа! Бассейн с 23-градусной водой Японского моря, где мы с Вовиком демонстрируем свои трусы и татуировки! Из иллюминатора в открытом море неожиданно вижу маяк серо-перламутрового цвета, стоящий на островке, и он жёлто светит нам в середине моря! Новые слова: тёплый бакштак и жёлтый свет маяка мы чувствует и видим прямо из бассейна! И видим звёздное небо, млечные пути, приведшие ребят к счастью. Разжиженный барзат неба и на нём сто тысяч звёзд разложено. Погоня за истиной, Вовы, «Серого», который держал на АЯМовской трассе баранку татуированной рукой, и меня, привела в этот бассейн. – Кто же рулит сейчас, – спрашиваю я у Евг. Мягкова, – Политбюро или мы? – Конечно же, мы! Молодые советские котики, рождённые в СССР после 1951 года. И стоило мучиться, и рыдать, и бороться, и терять товарищей по дороге к счастью, чтобы сейчас оказаться в этом бассейне вблизи Цусимы. И не один я

испытал сегодня восторг и потрясение от того, что не всё кануло бесследно и не всё только плохо, грязно и безнадежно. Не всегда же нам быть на опасной траектории жизни и крутить баранку на опасных поворотах своих судеб. И вот она счастливая передышка. И от её тела почему-то несёт потом. А не морской водой + 23 градуса Японского моря. Моя молодая кровь борется с ней в бассейне теплохода. В нас звучит симфония и мозаика волн, и неба, и моря, и огней на воде. Как мы истошно орём друг на друга! Музыка и восторг. Девушки и ребята в плавках и матросы в тельниках испытываем коллективный оргазм.

III.

После тридцати часов плавания или хода по волнам, 19 узлов в час, в волнах от пяти и до восьми баллов мы пьяно качались. Прощальные огни Японского берега. Ход замедляется, и все до единого пассажиры «Priamurye» со всех бортов бросают в воду по гвоздике, и несколько венков возлагаются на море в Цусимском проливе в память погибших русских матросов 75 лет назад. Венки уплывают в темноту. Сине-зелёное море, как глаза моей мамочки. Небо в алмазах. Мы с кружками растворимого кофе курим на корме средней палубы и нежно материмся. Толик Макаров, главный комсомолец нашего треста «Тындатрансстрой», курит с нами, как Че Гевара, целую кубинскую сигару! Он скрывает, но, кажись, на

его плече набита наколка революционера Че!! На корме мы пьем растворимое кофе и за наших матросов 1905 года не чокаемся. Вова спрашивает: – А ведь их офицеры и дворяне вполне могли пороть за разные провинности? А нас ведь, Боря, уже никто не будет чморить и пороть? – А парторги и комсорги для чего?

Случилось то, во что и невозможно было ещё вчера поверить. Мы на 20-ть дней попали в райские кущи, где море и небо в алмазах.

IV.

Наш корабль «СССР Приамурье» – это луч света в волнах океана великого, в тёмном капиталистическом царстве! И в его брюхе, как разноцветные цветы, советские мы.

Пройдено 2400 миль и мы сходим на землю Вьетнама в Хайфоне. Всего-то 2 недели, а я уже побывал в Хайхэ, что у Благовещенска, пожил в Хабаровске, и вот уже Хайфон и далее Ханой и ХоШиМин.

На автобусах, а их целых 12-ть, 110 км: Хайфон–Ханой. Тут везде невероятное лето! И такие невероятные расцветки кустов и деревьев. Мы ходим в теннисках, футболках и серых военных майках. Любуюсь татуировками своих друганов по плаванию № 1. Вова мне говорит: «У каждого скота своя пестрота!» Сто тысяч велосипедистов и велорикш, а быть может их миллион в двух с половиной миллионном Ханое. Автобиоти, автобусы и трамваи. Тысяча Бухар и Самаркандов не составят и 1/10 Ханоя. Какие здесь дети! Почти такие же, какие летом бегают по Тынде. Люди Вьетнама, их говор, конечно же, самое удивительное и главное из увиденного. Они чувствуют и улыбаются. О, жара! Будто ты в Ташкенте или Оренбурге пьёшь вино из бананов или одуванчиков. Кокосы, лимоны и лайм, апельсины сыплотся нам на головы, когда мы толпой проходим по парку с барабанами и трубами. «Трубы горят!» И я ежедневно (!) пью с членом Хабаровского обкома КПСС, и за его счёт. Прикольно! Пить и не пьянеть каждый божий день. Лидер стаи всегда по Ханую ходит сзади всех и именно в него бананами швыряют обезьяны и орангутаны.

<...>

V.

Ранним ханойским утром нас сорвали с кроватей, и мы из своего отеля в старом городе и в французском квартале потопали пешком к площади Бадинь, где посетили мавзолей Хо Ши Мина и его домик на сваях. В мавзолей меня еле-еле пропустили, т.к. от

меня разило спиртным и рубаха с коротким рукавом и пальмами охране <...> не понравилась. Вьетнамские солдаты были готовы схватить меня за горло! Но когда я сказал, что мой лучший друг – это Фидель Кастро, ребята сжалились и впустили меня в преисподнюю президента Вьетнама.

Увидели смену почётного караула. Красавцы солдатики в белоснежной форме. Вот бы с ними распить бутылочку джина! И всё-таки я восхищаюсь вьетнамцами, и Хо Ши Мином, умершим в 1969 году, и Ханоем, по которому мы ходим толпой, как стадо баранов. О, озеро «Возвращённого меча»! О, сотрни буддийских храмов и пагод! С Евг. Мягковым сходили в Кафедральный собор Святого Иосифа, построенный в честь отца Иисуса Христа! Там благостно и прохладно, как и у нас на душе. На работе ещё две недели назад меня ежедневно распинают, истязают и насилуют <...>. От этого и мой частый побег в алкоголь. Здесь же мы все, как миллионеры. Туристы с тросточками и сигаретами в золотозубых ртах. Это сейчас мы. Чтобы сидеть сегодня вечером в ханойской опере, вчера приходилось унижаться и тяжело работать. Свобода и красота, которую мы видели не только из окон автобусов, это заслуга дня вчерашнего. Наша болтовня за пивом с Вовиком в центре Ханоя. Он мне рассказывает о своей пролетарской жизни в Тынде: «Когда сильно переберёшь, то почти всегда падаешь на землю лицом в грязь. Синяк на неделю обеспечен». «Как пролетает твоё молодое пролетарское время?» – спрашиваю у него. «Слишком быстро». Такова жизнь и вечный порядок вещей. О, товарищи. Пришлось

принять на грудь и сегодня после того, как мы возвратились из национальной оперы.

Наша безоговорочная дорога рождает сверхколоритных типов вроде Евг. Мягкова, Анатолия Макарова и Вовика из «Главмосстроя»... Скабрёзная пошлость так и льётся из Мягкова Евгения. Всё что ниже пояса он обсасывает и выдаёт нагора <...>.

Он [парень из Хабаровского обкома КПСС], по-моему, самый неумный из нас и у него полностью отсутствует чувство юмора. Я жил в этом круизе с десятком разнообразных мужчин из группы. И самым тупым был именно обкомовец. Он мне на вопрос о любимом писателе ответил: А. Чайковский и Мих. Алексеев... Каждый из нас жил вперемешку с каждым из группы, а т.к. защиты от дураков ещё никто не придумал, то многие дураком считают и меня. Нельзя издеваться и изгачаться над своими. Обкомовский, хоть и идиот, но он красив и на 100 % «нашенский», по словам В.И. Ленина.

Хмурые, невымытые родные матросы теплохода «Приамурье» ходят вместе с нами в плавучей рыбацкой деревне в бухте Халонг, куда нас привезли на экскурсию. Утром наша, комсомольцев, камарилья, пожелала, чтобы нас отвезли в Комрань. Но вместо этого нам подарили бухту Халонг с деревней на сваях и с катаниями на лодках и на каноэ. Неужели же рай может быть ещё каким-то?

Ах, как долго мы куда-то едем. А зачем? Ведь лучше уже нигде не может быть. Сплошная красота!

Ветер с моря сшибал с наших сигарет пепел рабочего класса.

<...>

VI.

Прогрессивные, сверхнормальные русские парни в футболках и теннисках сидели в автобусе на 42 человека. Мы ехали опять к морю, в сторону Хайфона. Неужели нас везут к Южно-Китайскому, чтобы мы в нём искупались? По дороге множество раз нам переходили дорогу буйволы с закружленными рогами и их подружки без рогов. Рядом со мной сидела инструктор штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе Света Савельева. Женщин в автобусе было ровно половина – двадцать. Света мне сказала, глядя в окно, где были голопузые вьетнамцы, сеятели риса: «Когда-нибудь за одну минуту перед твоими глазами, Боря, промелькнёт вся твоя жизнь, и этот день, 26 октября 1979 года, тоже там будет!»

Утилитарное значение наших истерзанных работой тел. «Утилизируйте нас, ущербных, поскорее!» – думал я, Боря Борисов, глядя в окно на поля из лотосов...

Самые красивые девушки в нашей группе почему-то обладают фальшивыми голосами и стремятся тебя, пьяного, заложить нашим надзирателям из органов. «Предательство – это худшее, что может с тобою произойти», – стараюсь я внушить самым красивым из женщин.

И вот, нас уже поселили в гостинице До Сона на берегу моря, и уже ночью, после ужина, все мы блаженствовали в волнах Южно-Китайского светящегося моря. Рыбы тыкались в нас и светились. Камлание комлями наших тел с морем и рыбами! Народная воля и жизненная энергия била и была нарисована на наших лицах... Мы танцевали, плавая в волнах и орали от счастья благим матом <...>

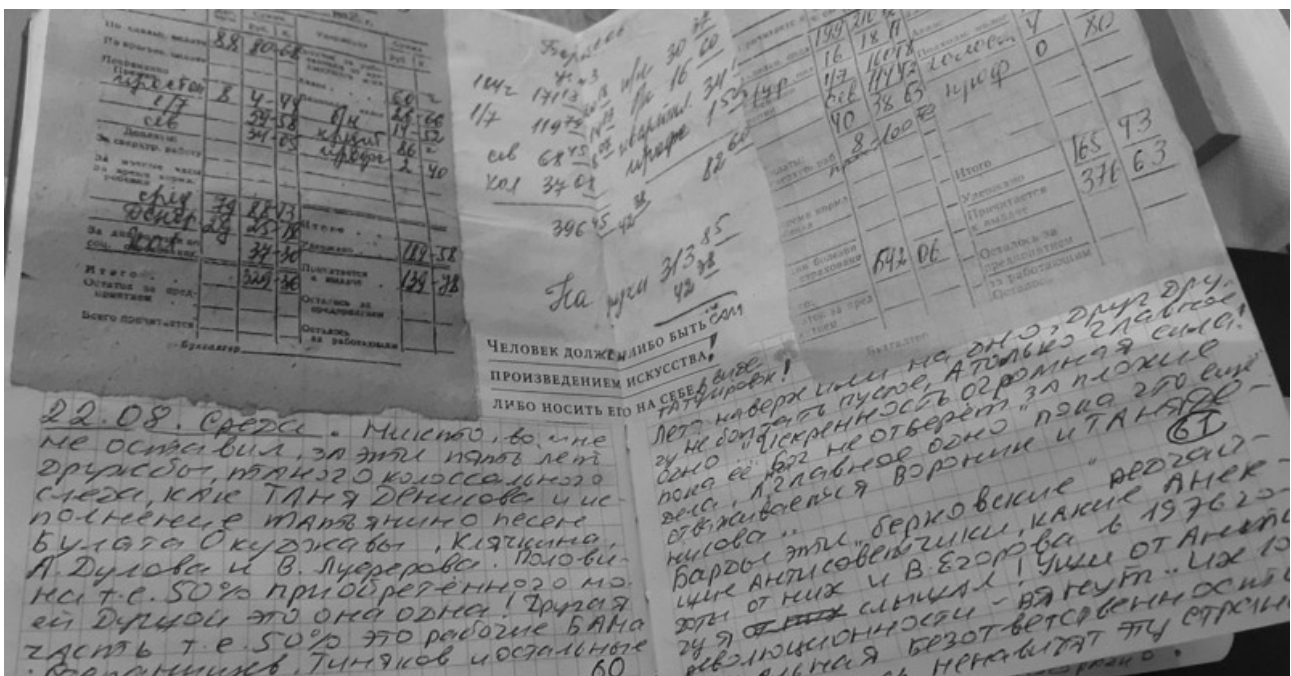
Господи, сколько же идиотов лежат на этом

золотом песке! У всех моих компаньонов по пьянкам и весельям такие честные и свежие лица сколько бы они ни выпили. Наши девушки вкусно пахнут и хорошо одеваются в сравнении с вьетнамками. Сплошной вуайеризм и суфражизм их! Мне же более нравится, как одеваются продавщицы винных отделов города Находки. Вот где живут красивые, понимающие тебя с полуслова, натуральные кошечки! Наши же партийки из группы почему-то ходят по горячему золотому песку утром 27 октября 1979 года с сумочками, в которых спрятан увесистый булыжник. <...>

Культмассовая работа, всяческие собрания и концерты в круизе беспрерывно истязают мою душу. Липкими лапками залезают они внутрь тебя, и, чтобы как-то от них отвязаться, мне приходится пить с корешами, хоть я этого уже совсем не хочу. «Граждане не хотят меня слушать. Гражданам бы выпить да откусать. И сплясать! А прочее мура!..» Ежевечерне мы бегаем на танцы, угорая от счастья плыть в Сайгон-ХоШиМин. Невозможно стало писать, т.к. шестибалльный шторм впился в нашу кожу. Вовик и «Серый» облевали всю каюту № 111. Я ударился головой и кровью залил и каюту и палубу.

VII.

Весь корабль «Приамурье. СССР» чуть не потонул. Десять часов, как щепку, шторм гонял наше судно по морю. Мы проваливались вниз, будто с 10 этажа. Возникло состояние невесомости. С палуб смывало мою блевотину. Хлебнёшь водки, купленной в баре

на последние бонны, и тут же, б***<неценз.>, её выблёвываешь!

Слава Богу, мы на твёрдой земле! Трое полных суток в ХоШиМине. До 1976 года город наименовался Сайгон: Камбоджийско-индокитайский. И вот я в здании Почтамта перед портретом Хо Ши Мина стоя пишу это. После побега из смерти, все мы будто бы на седьмом небе! Гостиница опять в самом центре, рядом с рынком. Огромная река – Сайгон! Собор Нотр-Дам! Музей жертв войны, выигранной Вьетнамом у поганых америкосов.

Опять, как и в Ханое, нас водили в оперный театр, где показали почему-то цирковое представление. <...>

И вот мы уже плывём по сине-зелёно-голубому морю на Филиппины. Волн нет! Лет – нет! Мы танцуем в кинозале до часу ночи. Пьём и орём и в морской воде бассейна – ссым, т.к. не успеваем добежать, перепив пива, до каюты № 111. Рабочая масса – творческая масса в белых одеждах в этом круизе. Мы купаемся в барах и бассейнах, как сыры швейцарско-российские в масле. Мы плывём! Это легче, чем стоять на козлах и штукатурировать стену дома. Наши выпцветшие белые робы такие же, как здесь у матросов. В машинном отделении механики работают в 60-градусную жару в <таком> грохоте, что даже их мат не слышен в метре. Нашими заводскими рожами переполнен корабль.

VIII.

Пройдено почти 1000 миль. 15-16-17 узлов в час делал наш корабль. Мы, голодранцы,

пока почти трое суток шли до Манилы очень отдохнули и почувствовали себя принцами по крови, так легко нам было радоваться и стебаться над пассажирами. Все мы тут разделились по интересам. Толик Макаров обложился презервативами, купленными за копейки в Юж. Вьетнаме. Их на его тумбочке лежало штук десять. Любвеобильные комсорги скоро решат для СССР демографическую проблему. Поговорив с Анатолием, я пропитался его оптимизмом. Не нужно раскачивать нашу общую лодку, – так он мне сказал. Есть ли у нас будущее? В чём смысл нашего поколения? Толик нам сказал 1 ноября 1979 г.: «Смысл – построить БАМ. Спонтанно, постепенно, по ступеням, идти вперёд до золотой стыковки БАМа в 1984 году...». Своим рабочим молодым комсомольским нутром я почувствовал правоту Толика-комсорга треста «Тындатрансстрой». Блеск его глаз, всплеск и его убеждённость.

Плеск моря за бортом, и наше судно на бордовом закате швартуется в Маниле – столице Филиппин. Просветление в наших головах голодранских произошло, когда «Серый» налил всем нам по стакану коньяка, купленного им на свои деньги! И мы побрели гулять по Маниле. Каждому туристу было выдано по 12 долларов, за которые мы заплатили ещё в Благовещенске меньше 10 рублей. Выходя наружу из порта, познакомились с механиком «Приамурья». Он стрельнул у меня сигарету, а я увидел на его кисти наколку «Вася», и т.к. среди нас был уже «Вова», мы взяли зеленоглазого Васю с собой в

Манилу. В огромнейшем универмаге каждый из нас купил себе за пять долларов джинсы. Я 48 размера 3 рост, Серёга 54 размера... Пока я всех ждал, прямо в универмаге подстригся модно за 1 доллар. Добродушнейший механик Вася меня обругал, сказав, что на теплоходе есть девушка-парикмахер.

Филиппинцы понравились своей бедной простотой. Они курят так же, как и мы, все поголовно, мусорят и плюются. Возвращаясь на борт, мы со многими филиппинцами переобнимались и перецеловались, благодаря белоголовому Васе. Ночью, в баре на средней палубе мы распили 4 бутылки водки и шесть бутылок «Аджалеша» в честь знакомства с экипажем, с парнями Джо и Петром, с которыми нас соединил Василий. Какие красивые девушки до трёх утра были среди нас! И они между собой и с Васей и Джо говорили на английском! Мы же тупо пили и ни слова не понимали. О, мы, чалдоны, гураны и басурмане! Ничегошеньки не было в нас духовного, кроме серо-синезелёных глаз.

Уходя спать по каютам и кубрикам, капитан теплохода нам сказал: «Такие ребята, как вы, очень и очень нужны нашей земле и нашей стране».

<...>

В десять вечера мы добрались прямо к ужину на свой родной корабль «Приамурье». Бесплатно на ужине каждому налили по стакану креплёного сладкого вина. В голове потеплело и прояснилось. Я побежал в машинное отделение со спрятанным стаканом вина, чтобы вмазал и Вася. Он был небесно прекрасен. Весь измазанный мазутом, в рваной чёрной маечке. Горький пот ручьями стекал с его татуированных мышц. Вася выпил стакан и немного повеселел. И сказал, что смена его до восьми утра. Ему предстояло быть в этом перегретом аду ещё 9 часов. Всё было бы ништяк, если бы я не вспомнил о БАМе, морозе, вагоне № 47. Это будто мне вскорости предстоит опуститься на самое дно жизненного ада. «А начальничек не может быть хорошим. Не может быть никогда» – вспомнил я Александра Галича. Из реального рая так не хочется думать о скором аде возвращения в трудовую социалистическую жизнь. Дружбаны впервые за рейс так устали, что не стали пить, а рухнули в койки и заснули, вырубившись.

Мы шли с матросами и бамовцами по Маниле, и нам друг с другом было хорошо, и Филиппины были интересны: «Гомер. Манила – ты меня манила. Стёртые ладони. Джонки. Тугие паруса...». Как мы вчера

гребли вёслами! Только у Васи механика не стёрты ладони, т.к. он остался на корабле. У всех же наших мазоли на руках ало пылают! А пока, высококультурные духовные образованные советские матросы громко и весело шли в колонне по центру Манилы. Мандельштам и модернистские мысли роились в голове у Бориса. Сторожил всех нас и охранял парень солдат сержант Сергей с воловьим взглядом. Он зорко смотрел, чтобы матросики не напились. Но мы заложили за воротник, когда за 1,5 \$ попали в «Синему», расположенную в большом сарае торгового центра. Я купил за 3 доллара 40-градусную жидкость, напоминающую по вкусу джин или ром, и мы её влили в себя в темноте «Синемы».

<...>

IX.

<...> Механик Вася, когда не на работе, торчал в нашей 12-метровой каюте № 111. Я называл её автобус № 111 от кинотеатра «Ударник» до ул. Кравченко в Moscow. Вася, братан, пил с нами всё что горит! Нам разрешили набраться до чёртиков в честь 62-ой годовщины Великого Октября. Вася всё же был гораздо опытнее и умнее всех нас пассажиров-туристов. Он говорил нам, когда мы, изумительно красивые парни, курили «Ту-134» на корме средней палубы: «Братаны! Слушайте композиторов Бартока и Шостаковича. Наши лица лопались от улыбок и бравады, когда мы пили вино «Чёрные глаза» в баре с обкомовцем с лицом, исполненным значенья. Бар: «Север». «Я, быдло, люблю Бартока, но когда перепью, во хмелю озвереваю» – рассказывает мне Вася... Благодаря и ему бесчисленные любовницы из obsługi корабля роились возле нашей любвеобильной каюты.

В честь праздника 7 ноября в кинозале нам показали очень хороший фильм Н. Михалкова «Пять вечеров». Фильм на пять! И все до единого актёры на пять! И на пять с плюсом. Мурашки продирали, когда под музыку Соловьёва-Седого «Споёмте, друзья! Ведь завтра в поход» Людмила Гурченко говорит: «Только бы не было войны, только бы не было войны!». Мы выходили из зала даже со слезами на глазах! Очень не фальшивым фильмище получился!

На его фоне я подумал: может быть, и нас никогда не было на свете? А мы будем только тогда, когда кто-то напишет или поставит о нас, шелудивых, подобного класса художественный фильм...

Марат ВАЛЕЕВ

Я КОПАЮ БОРМЫШЕЙ

Июнь, начало 70-х. Мой первый в жизни трудовой отпуск! И в первый же его день я, полуголый, стою по пояс в Иртыше с совковой лопатой в руках...

Я уже работал до армии, целый год, на заводе ЖБИ, но когда мне должны были дать первый отпуск, мне дали... повестку в армию. Ну ладно, отслужил два года – и там отпуска не заслужил. Вернулся из армии домой. Да, с пару недель отдохнул, но это же нельзя назвать настоящим отпуском?

Устроился в тракторную бригаду сварным, старательно трудился, рассчитывая на полноценный отпуск: мотался со сварочным агрегатом САК между полевым станом в степи и станом кормозаготовительной бригады на лугу и заваривал трещины, поломки на всяких сельхозагрегатах. И вот когда подошла, наконец, пора заслуженного отпуска, со мной случилась совершенно неожиданная ситуация.

Я время от времени писал юморески, заметки в нашу районную газету (ну, появилась у меня такая тяга, опять же неожиданно для меня самого), и их печатали. И вдруг редактор прислал приглашение на собеседование. Съездил и, грубо говоря, опупел: мне предложили работу в газете!

Подумал, подумал и согласился, терять-то мне было нечего. И не зря – работы интереснее просто невозможно было придумать. Отработал год (мотался по району в длительные и краткосрочные командировки и собирал материал для газеты), и наконец, получил отпуск по всем правилам: на 24 рабочих дня, с отпускными.

И куда я поехал отдыхать, как вы думаете? Аж за 25 километров от места своей работы, в деревню, в Пятерьжск! И ни о каком другом месте просто не помышлял. Только о рыбалке на Иртыше и любимом озере Долгое! И в этом ничего необычного не было: я здесь вырос, здесь прошло всё моё счастливое детство, и я никак не хотел расставаться ни со своим многолетним увлечением, ни с милыми моему сердцу местами.

И вот я, как только я слез с автобуса и пришёл в родительский дом, даже не попив толком чаю, переоделся, взял с собой большую жестяную банку, укрепил её на багажнике велосипеда, к раме привязал совковую лопату и покатил, шурша тугими шинами по накапанной дороге, к спуску на луга и далее между сочно зеленеющими лугами, к сверкающему на ярком солнце Иртышу.

Проехал Рощу с её вековыми кряжистыми вёслами, дальше грунтовка пролегла по самому обрывистому берегу реки. Я не спеша крутил педали, обдуваемый лёгким тёплым ветерком, с наслаждением вдыхая аромат цветущих луговых трав, и прислушивался к безумному стрекотанию кузнечиков в высокой траве со стрелками дикого лука, разлапи-

стыми купинами конского щавеля и строго вертикальными кисточками подорожников, щебетанию птиц и почти неслышному шуршанию прозрачных крылышек разноцветных и разномастных стрекоз, боевыми вертолетиками пикирующими за своей добычей – комарами и всяческими мушками.

Большая вода недавно ушла с лугов, чем и объяснялось буйное их цветение и всяческая оживлённая жизнь мелких организмов. Но вот, немного не доезжая до места обычной стоянки сенокосчиков (сам всего лишь год назад трудился здесь) и пока пустующей – сенокос ещё не начался, я замедляю ход велосипеда, затем слезаю с него и веду его пешком за руль, всматриваясь вниз, под невысокий, всего метра с полтора обрыв.

Внизу негромко и лениво плещется Иртыш, издали слышен зудящий гул и появляется белая точка, вырастающая на глазах. Это первая «Ракета», она идёт со стороны Иртышска на Омск с горделиво задраным носом. Так, уже два часа дня. Солнце припекает всё сильнее, рубашка начинает прилипать к телу. Очень хочется искупаться. И за этим дело не заржавеет – надо только дойти до нужного места.

Мимо с громким рокотом, пуская солнечные зайчики от окон пассажирского салона, пролетает «Ракета», с кормы её мне кто-то машет, я тоже помахал – а че, не жалко! Спустя пару минут на берег под обрывом с шумом, нагоняя одна другую, обрушиваются

высокие волны, под их ударами что-то с дребезжанием катается. Ага, я на месте!

«Ракета», взрезая водную гладь, Иртыш, стремительно удаляется, волны стихают и уже не бьются о песчано-глинистый берег, а вальяжно наплывают на него. Из воды торчит длинная штанга с приваренной на конце поперечной железякой. Я её тащу на себя и на другом конце обнаруживается приваренный корпус старого огнетушителя с обрезанным днищем. Это так называемая «турбина» – с её помощью рыбаки, ловящие стерлядь на закидушки или, пуще того, перетяги, копают в реке, в глинистом дне «бормышей».

Это на самом деле личинки бабочки-подёнки, живущие под водой в норках. Почему у нас их называли именно «бормышами» – до сих пор не знаю. Может быть, это переименованное слово мормыш. Но мормышами называют личинок комаров, а никак не бабочек-подёнок. Ну да шут с ними. На бормышей знатно ловится любая рыба, от язёй остреледей, на которых я собирался пойти завтра с утра пораньше на Коровий взвоз, давнее излюбленное место закидушечников.

Правда, накопать этих белёсых личинок со страховидными черноглазыми мордашками, с извивающимися наметками будущих крылышек на спинках, стоит немалого труда – они же вон где сидят, под водой, на дне. Я разделся и сначала с наслаждением искупался в тёплом, быстром Иртыше. Немного поборолся с течением, понырлял до звона в

ушах, и то, что я был совершенно один в этом месте (правда, иногда слышался гул редких машин или дребезжание конных повозок, проезжающих на Иртышский паром), меня нисколько не тяготило.

Накупавшись, я сначала взялся за свою лопату – если бормыши попадутся ближе к берегу, то можно обойтись и без трёхметровой «турбины», предназначенной для орудования на глубине, подальше от берега. Копнул раз, другой, но всякий раз течение сносило с лопаты порции донного грунта.

Наконец я приноровился и стал носить на берег почти полные лопаты грунта, издырявленного норками. Когда стал разбирать их руками, в каждой лопате находил пять-шесть жирных бормышей, недовольно шевелящих клешнястыми лапками. Я их осторожно извлекал и опускал в банку, наполненную чистой водой.

«Нормально! – радовался я в душе. – Этак я за полчаса наберу сколько надо бормышей...» А надо было штук хотя бы с полсотни (я ведь ещё планировал сегодня и червей накопать – в общем, рыбалка предстояла обстоятельная – на пару закидушек и удочку-донку. Дорвался, что называется!)

– Эй, гражданин! Кто вам разрешил тут копать? – Вдруг услышал я над головой знакомый голос. Обернулся на него и заулыбался. На кромке обрыва стоял мой отец. Из-под козырька надвинутой на глаза кепки торчал его

крупный, перебитый в давней драке у глаз нос, довольно ухмыляющееся, гладко выбритое лицо было уже порозовевшим от загара.

Увлёкшись добычей бормышей, я не обратил особого внимания на звук подъехавшей повозки. Сейчас её мне не было видно, но я слышал, как фыркала и переступала копытами, свистела бьющим по бокам собственным хвостом лошадь, отбивающаяся от паутов.

– Привет, пап! – сказал я.

– Вылезай, покурим, – ответил он приветливо. – Когда приехал?

– Только что, – сказал я, откладывая в сторону блестящую от влаги и выпачканную глиной лопату. – Ну, час-полтора назад.

Я вскарабкался на обрыв и присел рядом с отцом, как был, в мокрых трусах, на траву.

– На выходные приехал? – спросил папка, протягивая мне раскрытый портсигар. Я вытер руки о траву, осторожно вытащил из-под прижимной резинки папироску, дунул в мундштук.

– Сегодня же только четверг, – проговорил я уголком губ, прикуривая папирос от зажжённого отцом спички. – Я в отпуск приехал.

– В отпуск? – переспросил меня отец, забыв бросить на землю догорающую спичку и лижущую сейчас своим зыбким желтоватым пламенем его заскорузлые пальцы. По-моему, он не чувствовал огня.

– Ну, – подтвердил я, затягиваясь терпким дымом «Севера». А в почти безоблачном бледно-синем небе самозабвенно заливался жаворонок, и я, если бы мог, подпел бы ему – так мне было хорошо и покойно на душе здесь, на берегу Иртыша, среди его источающих одуряющий аромат луговых трав. – На все три недели. На рыбалку.

– В отпуск. На три недели. На рыбалку, – повторил за мной, как заучивая, отец. И вдруг раскатисто захохотал – как он это умел, заразительно, закидывая голову назад и шлёпая ладонями по коленям. – Ни на курорт куда-нибудь, ни на море, а домой, в деревню! Ай да молодец!

Потом перестал смеяться так же неожиданно, как начал. И сказал уже серьёзно:

– Ну и хорошо. И порыбачишь, и мне кое-что поможешь по хозяйству. Ладно, я поехал. Может, ты со мной?

– Неа, – помотал я головой. – Я ещё не накопал бормышей, сколько надо. А транспорт у меня есть.

И отец, зачем-то ездивший к парому – я так и не спросил, зачем, может отвозил кого, – сел в телегу и покатил в сторону села. А я полез обратно в реку. Мне ещё надо было накопать бормышей...

Журналисту и писателю Марату Валееву – 70 лет

Марат Валеев родился 26 августа 1951 года в городе Краснотурьинск Свердловской области. Школу окончил в Казахстане, после службы в армии работал в казахстанских газетах «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар) Павлодарской области. В 1989 году вместе с женой, тоже журналисткой Светланой, был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (ныне «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края. Прошёл путь от корреспондента до главного редактора газеты. Заочно окончил факультет журналистики Казахского государственного университета имени Аль-Фараби. После выхода на пенсию в 2011 году переехал в Красноярск.

Свой первый рассказ – юмореску «Карасятник» Марат Валеев опубликовал в газете «Ленинское знамя» в 1972 году. В последующие годы его иронические рассказы, юморески, фельетоны, миниатюры публиковались более чем в 100 периодических изданиях России, Казахстана, Азербайджана, Белоруссии, США и Канады.

В 1998 г. дебютировал в литературе со сборником юмористических рассказов и миниатюр «Доказательство любви» (г. Красноярск, «Буква»). С тех пор и по сегодняшний день в издательствах Красноярска, Новокузнецка, Оренбурга, Южно-Сахалинска, Волгограда, Калуги, Томска, Санкт-Петербурга, Москвы, Павлодара (Казахстан), Кишинёва (Молдова)

вышло несколько десятков авторских книг Марата Валеева и коллективных сборников с его участием. Он дипломат, призёр и лауреат многих международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов.

В их числе конкурсы, проводимые газетами «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Народы Кавказа», журналами «Журналист», «Сенатор», «Сибирячок» (Иркутск), «Нива» (Казахстан), «Метаморфозы» (Беларусь), ОЛРС (обществом любителей русской словесности, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), издательствами «Софион» (Москва), «Факел» (Смоленск), а также национальная премия «Золотое перо Руси», международные литературные премии имени Виталия Бианки, имени Михаила Пришвина, интернет-радио «Специал-радио» (Москва), радио «Гомель-плюс» (Беларусь), конкурс русскоязычных авторов «Лучшая книга года» (Германия) и ряд других.

Марат Хасанович – член Союза журналистов СССР и Российской Федерации, Союза российских писателей, российского и международного литературных фондов. Награждён Почётной грамотой ЦК ЛКСМ Казахстана; грамотами Законодательного собрания, министерства культуры Красноярского края; грамотами Законодательного собрания (Суглана), администрации Эвенкийского автономного округа; грамотами Эвенкийского районного совета депутатов, администрации Эвенкийского муниципального района.

ВАДИМ КОЗИН – ЗАГАДКИ БИОГРАФИИ

Точки над і

Ещё в советские времена я опубликовал несколько материалов, пробивших стену «глухого замалчивания» (выражение Вадима Алексеевича) о жизни и творчестве Певца, старательно обходя минные поля его биографии. В канун распада СССР выпустил о нём пару книг, а потом, в обновлённой России, продолжил тему «опального Орфея», последняя работа – тяжеленный фолиант «Снова пою», изданный в 2014 году. Но во всех моих книгах о Певце – я это чувствую как никто другой – рассказ не обходился без дипломатичных недомолвок, или наоборот – утверждений, которые требовалось как-то доказывать. Но, когда нет документов, удостоверяющих то-то и то-то, мне приходилось принимать на веру слова, сказанные самим Козиным.. А почему, скажите на милость, я не должен доверять ему, знавшему взлёты и падения, прошедшему сквозь все невзгоды, а верить, скажем, сытому телеведущему Караулову, прилетевшему на три дня в Магадан в поисках «разоблачений», или местному биологу Дорогому (ныне покойному), вообще никогда не общавшемуся с Вадимом Алексеевичем? Не потому ли только, что оба (как и некоторые другие), подобно одному чеховскому персонажу, утверждали: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

На рубеже 80-90-х годов прошлого века я получил доступ к первому «Лагерному делу Козина», и только тогда прояснилось, какие статьи по УК РСФСР (в редакции 1926 года) инкриминировались артисту:

Ст. 58-10 ч.2-я (пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...).

Ст. 152 (развращение несовершеннолетних).

Ст. 154-а (мужеложство).

Из моей публикации эта информация разлетелась по необъятным просторам Интернета, и пошло-поехало: каждый с учёным видом знатока смаковал по мере фантазии тайные «приключения» Козина.

На самом деле жизнь этого непревзойдённого исполнителя русских романсов и песен оказалась по сути сломанной задолго до того, как он отправился «в дальний путь на долгие года». Сначала его (ещё гимназиста), психику травмировала зрелая женщина, учительница, обучавшая на допзанятиях смазливому, но стеснительному юношу всем премудростям «французской любви». Позже к «учёбе» подключились «активные» друзья по эстраднему цеху. Усугубилось всё встречей с композитором Борисом Прозоровским (автором знаменитых романсов «Караван», «Вам 19 лет», «Вернись», «Мы только знакомы»), который притом, что был женат, большее удовлетворение получал всё же от интимных встреч с молодыми парнями.

В конце 70-х годов минувшего столетия актёр и певец Николай Никитский ничтоже сумняшеся рассказал мне, что до войны в Москве существовал т.н. «кружок друзей Козина», куда считали за честь попасть отпрыски элитных семей, и куда он сам входил. Позже, после выхода в свет моей брошюры «Опальный Орфей» («Знание», 1991) я попал в гости к одному бывшему генералу КГБ, и за бутылкой коньяка он распекал меня: «Вы о ком взялись писать?! О педерасте?! Что, других героев не нашли?!» – «Но у него же и «пятьдесят восьмая» была», – робко возразил я. «Да органы глупость сделали, применив и её, надо было впаять одну сто пятьдесят вторую – и дело с концом. А вы знаете, что в ЦК письма шли от возмущённых родителей, мол, избавьте наших детей от влияния этого певца!..» Этого я, разумеется, не знал.

Подтверждение бисексуальности Козина я нашёл (сплетни, слышанные мной до знакомства с документом, в расчёт не идут) в его «автобиографии», написанной им собственно-

ручно в 1959 году в кабинете следователя Магаданского УКГБ. Прочитую фрагмент: «...иногда мне даже достаточно посидеть и поговорить с понравившимся человеком... этот человек может лежать, спать рядом со мной, я к нему не прикоснусь, мне будет приятно, что он находится около меня. Такое же чувство я испытывал к женщинам, но здесь меня охватывал какой-то шок. Я знал, что общение с ней непременно должно закончиться половой близостью, но каждый раз передо мной возникал образ моей учительницы, и всякое чувство и желание сразу пропадало. Боязнь и стыд, что я опозорюсь в самый нужный момент, атрофировали мою волю и психику. И когда у меня случались

какие-то романы, я прерывал их до того дня, когда предполагалось сближение. Так окончился роман, нашумевший по всей Москве, с Мариной Расковой, Ниночкой Бадигиной и т.д.» Насколько я помню, подобная тема затрагивалась в одном из рассказов Чапека, но пока оставим это.

Первый вопрос – возраст певца. В метрической книге церкви Св. апостола Матфея в записи №108 значится: «Вадим родился 21 марта 1905 года. Мать – Вера Владимировна Ильинская, отец – не указан». С отцом понятно: внебрачная связь, отношения с Ильинской он оформил позже. Как понятно и другое: по словам Вадима Алексеевича, мать сразу после большевистской революции убавила ему возраст, чтобы получать на подростка паёк, годы-то были голодные. Но откуда возник 1906 год? В сохранившихся следственных документах фигурирует именно эта дата его рождения. Паспорта в СССР стали выдаваться в начале 1930-х годов. Выходит, Козин именно в это время, когда нередко анкета заполнялась только по заявлению просителя, решил «помолодеть» на один год. Я самолично видел его паспорт: точно, он родился в 1906 году в Санкт-Петербурге. В начале 80-х, когда интерес к Певцу вспыхнул с новой силой, в разговорах с ним вдруг возникла другая цифра – 1903 год! Во всяком случае, с момента нашего знакомства в начале 60-х он ни разу её не озвучивал. Могу только подозревать, что после 1981 года он вдруг убоялся не дожить до очередного юбилея, предполагавшегося отмечать уже в новых условиях. Что

КОПИЯ к ордеру № 1460 от 21.03.1981	Козин
ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СССР (подразделение) (обеспечение безопасности) 1-я группа (МЕРКУЛОВ) мая 1944.	
ПОСТАНОВЛЕНИЕ (об избрании меры пресечения)	
Опер. Уполномоченный 3 отдела 2-Управления НКГБ СССР – Капитан государственной безопасности – ИВАНОВА (подпись и печать)	
тр. поступившие материалы о преступной деятельности: ф. Козин	
отчество	Вадим Алексеевич
рождения	1906 место рож. Г. Ленинград
ссия и специальность	артист эстрады
работы и должность	Всесоюзное гастрольно-концертное об'единение, артист
ованье	среднее
ное положение	холост
гостиница "Москва" № 834	
З.И. что Козин В.А. подозревается в преступлении.	
мотивных ст. 69-10 ч.п. 152, 154-в, 182/1 ст. УК РСФСР и принятая	
смысл, что Козин Вадим Алексеевич	
сь на свободе может уклониться от следствия и суда	
руководствуясь ст.ст. 145 и 148 УПК РСФСР.	

ж, раз маэстро настаивал, мы не возражали и насчёт 1903-го. И нужна ли кому-нибудь дружба правда?

Вернёмся в довоенную эпоху. До поры до времени власти, несмотря на поступающие «сигналы», не обращали внимания на «аморальное поведение» Козина. Ну, во-первых, невероятная популярность Певца, во-вторых, он выступал в приватной обстановке перед «вождём народов» – тут и некоторые высокопоставленные чины (даже в ранге маршалов) вынуждены были прикусить языки. Хотя лучше бы следили за своими детками.

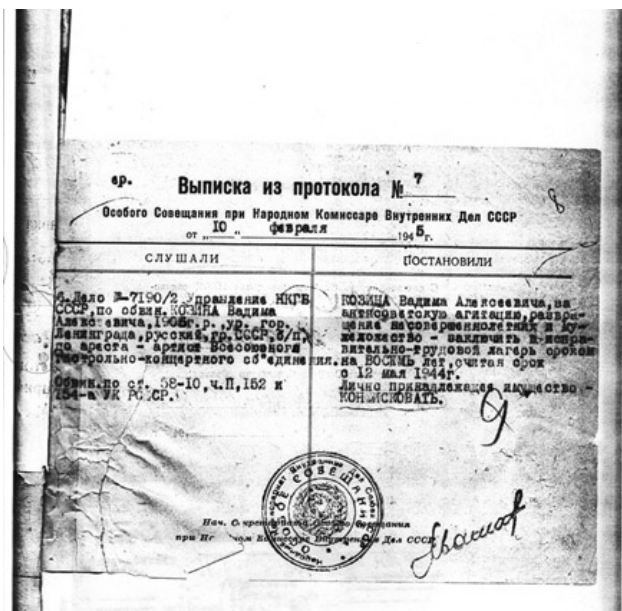
С началом войны диски Певца вошли в так называемый «обменный фонд»: они не подлежали уничтожению. И за каждый десяток сданных любых пластинок (в них содержался шеллак, необходимый для оборонной промышленности) полагалась одна пластинка Козина. Певец в составе первых фронтовых бригад выступает в передовых частях Красной армии, во время одной опасной поездки, по его утверждению, был награждён маршалом Баграмяном орденом Красной Звезды. Критик Козина биолог Дорогой (земля ему пухом) с ретивостью, достойной лучшего применения на своём поприще, доказывал, что такого не могло быть, все награды у нас, дескать, запроколированы. В идеале всё так, но всегда ли в первые месяцы войны было время для оформления нужных бумаг. Скажем, в фильме «Горячий снег» есть эпизод, когда генерал Бессонов (Г.Жжёнов) раздаёт на позиции уцелевшим артиллеристам коробочки с орденами («Извините, всё, что есть у меня») и тут же уезжает. Что стало с героями потом и генералом тоже? Наверняка в схватке с превосходящими силами врага пали смертью храбрых. И, вероятно, возникла лакуна в наградных реестрах. Та Красная Звезда Козина не сохранилась, номера её мы не знаем, его имущество было конфисковано. Модное пальто, каракулевую шапку, костюм и рубашки ему ещё разрешили взять на Колыму, а орден – это, извиняйте, дело политическое. И в этой ситуации никто никому ничего не докажет.

В конце ноября – начале декабря 1943 года состоялась Тегеранская конференция глав правительств трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании. 30 ноября участники конференции отмечали день рождения У. Черчилля. Английскому премьер-министру удалось собрать на своё торжество выдающихся артистов – звёзд мировой эстрады: Марлен Дитрих, Мориса Шевалье, Изу Кремер. Черчилль попросил Сталина, чтобы от СССР на вечере выступил Вадим Козин. В сотый раз повторяю: сей факт стал известен мне только со слов Вадима Алексеевича. В

русском издании (в английском – не знаю) воспоминаний Черчилля об этом концерте ничего нет.

Покойный директор Мосэстрады В.А.Рубан когда-то сообщил мне интересную подробность (не знаю, откуда он почерпнул эту информацию, можно только догадываться). Прилетев утром в Тегеран, Козин якобы исчез на целый день (посвятил свободное время тамошним злачным местам) и объявился только к началу концерта. Версия, конечно, слишком неправдоподобная, экзотическая, но кто сейчас скажет, как оно было на самом деле.

Факт пребывания Козина в Тегеране периодически оспаривается, а прямых доказательств подлинности этой истории нет, однако не верить Вадиму Алексеевичу тоже нет оснований. Я всегда руководствовался правилом: не вступать в дебаты с моими оппонентами, это бесполезное дело. Но вот заметка С.Суцанского «С Черчиллем я на дружеской ноге» («Мир Севера», 2019, №2) задела меня и вызвала, так сказать, лёгкое раздражение. Поразила та наивность, с которой автор доверяет советским источникам, использованных им в качестве доказательств. Вот воспоминания переводчика Бережкова, восхитившие магаданского журналиста своей «документальностью». А я приведу контраргумент, взятый из Википедии: «Историк А.Филиппов проанализировал ряд эпизодов, описанных в книге Бережкова, сверив их с журналом посещений И.Сталина и мемуарной литературой. Он пришёл к выводу, что Бережков даже не присутствовал на встречах, которые описывал. А в ряде случаев пересказывал «байки 1970 годов». Как вам это? А чего стоит, например, одно его «размазывание» длитель-

ности полёта в Тегеран. Хотя понятно, лети-то не спеша, загодя, где-то даже переночевали. Иначе можно предположить, что в Тегеран Бережков добирался на «кукурузнике». Впрочем, возможно и такое хотя бы в маршруте из Москвы до Баку. Известно, что Сталин ехал в Азербайджан поездом, и только оттуда вся делегация вылетела в Тегеран на «Дугласе С-47». А там лететь 500 с небольшим километров. Сотрудник Госбезопасности А.Яшин, находившийся в группе, свидетельствует: «Полёт продолжался 50 минут» («КП» от 7.05.2007). Это ближе к истине, но тоже заставляет задуматься. Скорость серийного «С-47» близка к 400 км/час. Прикинем, что сталинский борт был модернизирован, и при этом – никакой бомбовой загрузки. То есть расстояние от Баку до Тегерана он мог покрыть максимум за полтора часа. Сущанский задаётся вопросом: а какой самолёт был у Черчилля? Отвечаю: бомбардировщик В-24 улучшенной модификации, скорость около 500 км/час. Расстояние от Москвы до Баку чуть больше 1900 км. Перегоночная дальность В-24 (без заправки) – около 6 тысяч километров. Теперь предлагаю журналисту, если он в ладу с арифметикой, посчитать, за какое время самолёт Черчилля мог пролететь от пункта М. до пункта Т. Наверное, у него получится не более шести часов. По-моему, это не Козин, а автор злополучной заметки, «совершенно не представлял возможности авиации в 1943 году».

По поводу реплики Ашкенази «Бред всё

это!» Даже не знаю, как комментировать. Ну, забыли органы предупредить аккомпаниатора о спонтанной тайной операции и даже не извинились за то, что отказались от его услуг. А Певцу, естественно, приказали держать рот на замке. А кроме того, не исключено, что Ашкенази потом допрашивался в связи с возникшим «делом Козина», и отношение пианиста к бывшему кумиру резко изменилось, пути их окончательно разошлись.

Наиболее весомый аргумент в легковесной публикации Сущанского – мемуары Черчилля, однако и здесь доверия к автору заметки было бы больше, если бы он цитировал английского премьера по первоисточнику, а не по русскоязычному изданию. Возможно, и в оригинале нет упоминания о концерте, но это не значит, что его не было. Воспоминания – это не стенография. Черчилль писал мемуары на склоне лет, некоторые детали мог упустить или не придать им значения, его больше волновали политические интриги и перипетии Тегерана.

Насчёт формальных отписок «компетентных органов», коими удовлетворился Сущанский, и говорить не стоит. Ну, «не располагают» оне, и всё тут, поди проверь.

На голубом глазу журналист задаёт «массу недоумённых вопросов», в частности такой: оформлялись ли Козину соответствующие проездные документы? Помилуйте, уважаемый, какие документы – от кого? кому? – не запамятовали ли вы, что всё связанное с Тегераном, курировалось самим Берия? И письменного приказа типа «Направить артиста Мосэстрады Вадима Козина в командировку в город Тегеран сроком на ...» и так далее – никто не отдавал, и иранскую визу Козину не оформляли. Протоколов никаких не велось, а главных свидетелей давно нет в живых. Пускаться же, спустя годы, в такую изощрённую ложь Козину просто не имело смысла, да и не в его характере всё это.

Или ещё вопрос из публикации: «Какие песни исполнял Козин на праздничном концерте? «Несколько русских романсов» – это не серьёзно!» Да ну! А если назвать «Коробейников», «Колечки бирюзовые» и «Мой костёр», то что это изменит? Ровным счётом ничего. Или ещё: кто аккомпанировал? кто был сопровождающий? Словом, приведите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

Завершая «телеграфную» оценку доказательств Сущанского, приведу ключевой пассаж его заметки: «Всей приведённой информации хватает, чтобы затушевать это белое пятно козинской биографии, и со всей ответ-

в лагерь	этапом
в лагерь	этапом
Имя заключенного: Козин	1. Фамилия Козин
Имя: Вадим	2. Имя и отчество Вадим Алексеевич
Пол: Муж.	3. Имя или другие фамилия, имя и отчество нет
Общие приметы: нет	4. Год рождения 1906 место рождения г. Ленинград
	5. Социальное происхождение из семьи
	6. Национальность русск. подданство СССР
	7. Образование общее средн. специальное музыкальное
	8. В каких партиях состоял сп
	9. Служба в армии (в какой части, с какого по какое время, должность, чин, звание) нет
	10. Служба в контрразведках, жандармерии и полиции (стан., должность, чин) нет
Физическое здоровье	11. Был ли за границей сам или родственники (где, куда и в какой период) Иран, Ирак в 1944г.
	12. Родной язык русск.
	13. Каким языком еще владеет (переводит) франц. немск.
Свидетельство перед арестом	г. Москва ул. Горького
Дата и где арестован	18/1/1944г.
Дата судимости (мен. когда осужден, статья УК, срок, где отбывал наказание и т.д.)	

ственность сказать: пребывание Козина в Тегеране – такая же выдумка певца, как и в случае с его награждением орденом Красной Звезды». Мне остаётся лишь возразить: пока уполномоченные официальные лица честно не опровергнут утверждения Козина, доверять ничтожным доказательствам критиков Певца не имеет смысла.

Кстати, Святослав Бэлза (тоже ныне покойный) также интересовался у Козина относительно Тегерана. И получил утвердительный ответ, а на вопрос телеведущего канала «Культура» «Верите ли вы в это?» ответил: «Если Вадим Алексеевич говорит «был», значит был».

А судьи кто?

Мне, можно сказать, повезло. В мои руки попали копии раздербаненного первого уголовного дела Козина. И там, в сопроводительной анкете, заполненной Козиным 4 ноября 1944 года по прибытию в Магадан пароходом «Советская Латвия», в пункте 11-м (был ли за границей и в какой стране) указано: Иран, Ирак, 1944. С годом Маэстро ошибся, но ясно, что сам факт пребывания за рубежом он тогда придумывать не стал, да и не до легенд было. Почему упомянут ещё и Ирак? Не знаю. Возможно, обратно он по какой-то причине летел через эту страну.

Хочу подчеркнуть, что и другие приведённые здесь документы, как и эта анкета, **публикуются впервые**. Но прежде, для лучшего усвоения сути и хронологии дальнейших событий ознакомлю читателя с ответом Прокуратуры автору запроса:

«Козин Вадим Алексеевич, 1906 года рождения, осуждён 10.02.1945 Особым совещанием НКВД СССР за антисоветскую агитацию и двум общеуголовным статьям. Начало срока 12.05.1944, освобождён 10.09.1950 досрочно с применением зачёта рабочих дней.

Согласно справке №1437/35 МВД СССР от 20.06.1955 **судимость за антисоветскую агитацию снята**.

25.02.1960 вновь осуждён за совершение аналогичных общеуголовных преступлений. Освобождён 18.05.1961 по определению Магаданского областного суда от 16.05.1961 условно-досрочно на 1 год 4 месяца 19 дней.

В связи с тем, что Козин В.А. осуждён за общеуголовные, а не политические преступления, а также в связи с **уничтожением уголовных дел в связи с истечением срока их хранения**, оснований для реабилитации по Закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» не имеется....».

Для меня ключевой момент здесь – уничтожение дела в связи и т.д. Так уж и уничтожили? Меня одолевают смутные сомнения... Дело-то политическое (пятьдесят восьмая!), и рассматривалось не в суде первой инстанции, а Особым совещанием при НКВД СССР. Хотя в истории с Козиным сразу и не поймёшь, чего больше: морали или политики. Хотели отреагировать на «письма трудящихся», а добавили зачем-то пятьдесят восьмую. А при аресте прицепили ещё и 182-ю: незаконное хранение оружия. Нож и вилку из ресторана нашли что ли в номере? Иногда думаешь: вот разоблачили и судят якобы «замаскировавшегося врага», а подноготная заключается лишь в ничтожном желании отомстить во что бы то ни стало более удачливому сопернику. Берия положил глаз на Марину Раскову, а у неё начался роман с Вадимом Козиным. Впрочем, и тут сплошной туман. На некоторые размышления наводит то обстоятельство, что майор, Герой Советского Союза Марина Раскова помимо прочего являлась сотрудником НКВД в звании старшего лейтенанта госбезопасности. Как бы то ни было, в начале 1943 года Раскова при не совсем ясных обстоятельствах погибла в авиакатастрофе, а Козин годом позже был репрессирован.

Дело уничтожено (поверим?), а оставшиеся его страницы не содержат конкретики, иначе говоря, той «особенной части», где излагается содержание преступных деяний обвиняемого. В данном случае имеется в виду «пятьдесят восьмая», с остальными статьями более-менее ясно. Я отнюдь не заикливаюсь на «нашумевшем романе» Певца, да он формально и тянет на политическую статью. Могли быть и другие причины, которые мне уже приходилось называть: нежелание петь песни о Вожде, обида и резкие слова Козина в адрес Берии (после отказа помочь в вывозе матери Козина из осажденного Ленинграда), наконец могли быть и тегеранские «приключения» певца. Предполагать можно многое. Интересно, сохранились ли где-то его дневники того периода, они бы могли пролить свет на подлинные причины.

Меня насторожил в ответе Прокуратуры ещё один момент. В 1955 году при рассмотрении вопроса о реабилитации Козина в МВД поступили хитро – просто сняли политическую статью, не было её и всё тут!

Вот как?! Исковеркали артисту жизнь, а спустя десять лет расписались в собственной профнепригодности. И никто не понёс ответственности уголовной. А речь о возмещении морального и материального ущерба вообще не шла, перед Певцом даже элементарно не извинились. Сей прискорбный факт наводит

на мысль, что в Москве у него остались из прежних времён высокопоставленные недоброжелатели. Конечно, Козин был сильно уязвлён таким «финтом» МВД. И он как артист с акцентуацией характера написал резкое письмо Ворошилову, тогдашнему Председателю Президиума Верховного Совета СССР, что отказывается возвращаться в Москву (такие предложения, судя по дневниковым записям, ему поступали, правда, может быть, не от тех людей, от которых зависело окончательное решение) и намерен остаток жизни провести в Магадане. Ведь уголовное клеймо так и не стёрли с него.

Театр абсурда

Итак, в четверг 11 мая високосного 1944 года визитёры в мышиных пальто постучали в номер 834 гостиницы «Москва», где жил Козин, и через считанные минуты Певца доставили в Лубянский каземат. Всё находилось рядом: и звёздный отель, и Кремль с Гуталинщиком, и легендарная Лубянка.

В кабинете следователя капитан госбезопасности Иванова (вероятно, тоже поклонница козинских песен о любви) зачитала артисту своё Постановление: «Рассмотрев поступившие материалы о преступной деятельности Козина Вадима Алексеевича, артиста ВГКО, и учитывая, что он, находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда (ух, дух захватывает от этой терминологии), избрать мерой пресечения содержание его под стражей...».

Из кабинета Козина препроводили во внутреннюю тюрьму НКВД, и начались рутинные процессуальные действия в отношении арестованного. Судя по тому, как долго и тягостно велось следствие (допросы не проводились иногда неделями), можно предположить, что с доказательной базой у Органов возникли сложности. Сверху запретили упоминать в деле важные фамилии (и «пострадавших», и «свидетелей», и других фигурантов), огласка никому была не нужна. Допускаю, распорядился Берия на почве личной неприязни посадить Козина и тут же забыл о нём. А вы, «граждане судьбы», уж намотайте там что-нибудь. Отсюда и возник такой странный букет статей: антисоветская агитация, развращение малолетних, мужеложство, незаконное хранение оружия. Последнюю – всё-таки убрали, т. е. признали, что переусердствовали малость. Жаль, что в связи с «уничтожением дела», мы не можем точно проследить весь алгоритм следствия, как приказ Берии трансформировался в арест Певца, какие телефонные переговоры и кого с кем предшествовали этому, какие факты и «письма трудящихся» использовались в качестве улики.

Козин безропотно подписывал все бумаги, которые ему подсовывали, что, вероятно, несколько удивило капитана госбезопасности тов. Иванову. Такая «сделка со следствием» в тех условиях оказалась правильной. Артиста не били, не вызывали на ночные допросы. Более того, в июне 44-го года ему даже выписали дополнительное питание, что было редкостью для главной тюрьмы НКВД. Всё про-

исходящее напоминало театр абсурда: одни делали вид, что распутывают не шутейное дело, а их визави – что признаётся во всех смертных грехах. Так ни шатко ни валко дело плелось до февраля 1945 года. А ведь могли при обоюдном согласии сторон завершить его в течение месяца.

Наконец, 11 февраля того 45-го Козина перевели в Бутырскую тюрьму, где ему объявили о постановлении ОСО при НКВД от 10.02.45: восемь лет лишения свободы с конфискацией имущества (срок считать с 12.05.44). Учитывая, что дело получилось политически мотивированным и рассматривалось в закрытом порядке Особым совещанием, а не судом, данное наказание можно считать мягким. Относительно, конечно. Но это же не «десять лет без права переписки», то есть высшая мера социальной защиты.

Опять же интересно, как работала репрессивная машина дальше и кто распорядился о направлении Певца именно на Колыму, а не в Казахстан или Воркуту. Боюсь, что теперь мы этого тоже не узнаем.

Что дальше?..

Лето красное и большую часть золотой осени Козин провёл в лагере-накопителе в Находке. Жил в отдельном «номере», ублажал романсами местную знать, не желавшую отпускать артиста дальше, в студёные края. Лишь после грозного окрика начальника Дальстроя генерала Никишова (с подачи его супруги Гридасовой, обожавшей Певца) Козина посадили на пароход «Советская Латвия», который и доставил его на берег Нагаевской бухты 4 ноября 1945 года...

В 1950 году, с учётом зачётов (плюс «хорошее поведение») срок его наказания кончился. Казалось, должны вырасти крылья, но Певец, похоже, смирился со своим статусом невыездного узника Колымы. Отныне он пел на сцене Магаданского театра.

В середине 50-х ему разрешили гастроли в Центральные районы страны, за исключением выступлений в Москве и Ленинграде. В столице всё-таки состоялся один закрытый концерт в Доме учёных.

Для всех явилось секретом (только не для КГБ, разумеется), что на протяжении жизни Вадим Алексеевич вёл дневники. Пронзительный по тональности документ, раскрывающий и тревожное состояние души артиста, его предчувствие большой беды, и негативные моменты нашей действительности тех лет (имею в виду только те заметки, которые были доступны моему прочтению).

По моему убеждению, именно дневники, свидетельствующие, что Певец «идейно не разочужился», и стали причиной его второго ареста в конце 59-го года, а вовсе не пресловутое соблазнение безбилетного отрока в гостинице Хабаровска. Аляповато состряпанное дело, о подробностях которого читателю можно узнать из моего «послесловия» в книжке «Вадим Козин Проклятое искусство» (Вагриус, 2005).

В феврале 60-го я зарабатывал «стаж» в газете «Магаданский комсомолец» и хорошо помню, как в один из дней во время планёрки у ответсека Коли Хвощёва в кабинет вошёл редактор Володя Севрук (в будущем важный чиновник ЦК КПСС, главред еженедельника «Неделя») и сказал, что через неделю состоится суд на Козиним. От газеты требуется прислать общественного обвинителя от молодёжи. Добровольцев на это дело не нашлось, послали Валентина Азарникова, как самого опытного. Потом я поинтересовался у Вальки, как прошло судилище. Он скривился, помахал как-то неопределённо рукой и изрёк: «Я понял только одно: все актёры нашего театра – сплошные стукачи». Никаких фельетонов или обличительных статей так и не последовало. А Козину дали тогда три года, но через год с небольшим он условно-досрочно освободился. Однако путь на всесоюзную сцену ему был окончательно отрезан.

Опустим дни, месяцы и годы последующего двадцатилетнего забвения. Северная вьюга замела следы прошлого. Когда звезда Козина вновь засверкала на небосклоне, Певец потихоньку стал пристращаться к алкоголю. Понятно, хотелось жить, а время безвозвратно ушло. После того, как имя Певца замелькало в центральных СМИ, засуетились и магаданские поклонники Козина, предложив присвоить ему звание «Почётного гражданина города», но депутаты-правдолюбцы из бывших комсомольцев, адепты строгой морали, с тихим злорадством провалили голосование. Тем не менее вскоре в сквере у дома Певца поставили ему памятник. Интересная возникла коллизия: почётного звания Козин по этическим соображениям не достоин, но при этом всяк может сделать селфи с его бронзовой фигурой на скамейке, да ещё музей открыли в его квартире. Как всё это у магаданских блюстителей морали сочетается?

Сказанное выше показывает всю сложность козинской проблематики, жаль только, что заинтересованных лиц в распутывании клубка становится меньше, и каждый прошедший год удаляет нас от истины.

Борис САВЧЕНКО

Ника БОГАЧЁВА

ШАМАН С ОТКРЫТОЙ ДЕТСКОЙ ДУШОЙ

О Борисе Жиркове – одном из создателей камчатского ительменского национального ансамбля «Эльвель» и многолетнем несменном его руководителе можно рассказывать много и долго. И всегда это будет неполный рассказ. Такие божественно талантливые личности рождаются не часто, но уходят всегда рано...

Так было и с Борисом. Он бы мог создать ещё много талантливых постановок, воплотить в жизнь свой давний замысел: возродить балет «Эльвель», поставить хореографические миниатюры по произведениям ительменского писателя Георгия Поротова... Но он ушёл к Верхним людям, оставив большое наследие в виде танцевальных постановок, мыслей, записанных в своих дневниках. Он успел кое-что передать своему «наследнику» – бывшему артисту ансамбля «Эльвель», а ныне хударуку собственного коллектива в Соболево Леониду Сысоеву.

Огонь танца

На балаганной площади каждый вечер горели костры, звучали бубны и рождался забытый древний танец. Мне очень нравились эти танцы ительменов. И хотя я в первый свой приезд не знала смысла ни одного движения, я интуитивно ловила ритм и старалась скопировать пластичные движения танцоров. Самых ярких танцовщиц окружали кавалеры. Они как самцы в природе, «бились» за свою самку. Выбирала, конечно, она. Такая игра захватывала всех танцующих. Самые сильные соперники выходили почти в центр круга. Они делали это так стремительно, как молния врывается в бесконечное пространство неба и озаряет

тёмные просторы Земли. Они и вправду были похожи на молнию, в это мгновение остальные расступались и отходили в сторону. В таком танце признаются в любви. Красиво признаются, страстно, эмоционально. В такой момент избранница не может отойти в сторону. Она понимает, что Он танцует для Неё одной. Почти всегда такой танец сопровождается гортанными звуками, кажется два-три человека, и мужчины, и женщины, и дикие звери, и птицы разговаривают, перебывая друг друга.

Круг танцующих образовывался вокруг священного огня Праздника.

В такие вечера танцевала почти вся деревня: старики, дети, молодые пожилые. Участники танцевального состязания

могли через танец выяснить свои отношения, рассказать историю, посмеяться над незадачливым соседом, заставить его принести извинения.

Главный вдохновитель возрождённого им же священного обрядового праздника Алхалалай Борис Жирков уже не танцевал. В такие минуты он вспоминал, как его ансамбль «Эльвель» гастролировал по Европе. В Финляндии во время исполнения Бороного коронного танца «Кузелькинги» весь зал встал, покачиваясь волнами в ритм танца. В Норвегии в газете «Norways» Брайан Ларсен писал: «Я получил уроки танца, которые я вряд ли забуду. Я был введён в мир танца до драматизма, через мистику к экзотике и игровой эротике».

Борис не был ещё старым в европейском понимании этого слова. Но для него танец уже был не средством завоевания симпатии девушки или инструментом для решения человеческих про-

блем. Для него танец стал проводником для установления контакта с миром духов.

В тот год мы снимали фильм про ительменов «Горячий источник». Утомительный и бесконечно морозящий дождь никак не давал ительменам разжечь костёр. Готовились снять эпизод камлания шамана перед началом обрядового праздника возрождения и благодарения Природы «Алхалалалай».

Борис никогда бурно не выражал своих эмоций. Пока другие суетились возле кострища, шаман стоял в сторонке и молча наблюдал. Ительмены не трогали его. Они знали, что в тот момент Борис набирается духовных сил, чтобы поговорить с предками. Все знали: во время праздника они незримо присутствуют среди односельчан.

Когда раздался первый удар в шаманский бубен, всё стихло. Борис заговорил с духами. Он пел. Голос его звучал всё громче и грознее. Удары в бубен сопровождал раскатистый гром. Дождь лил

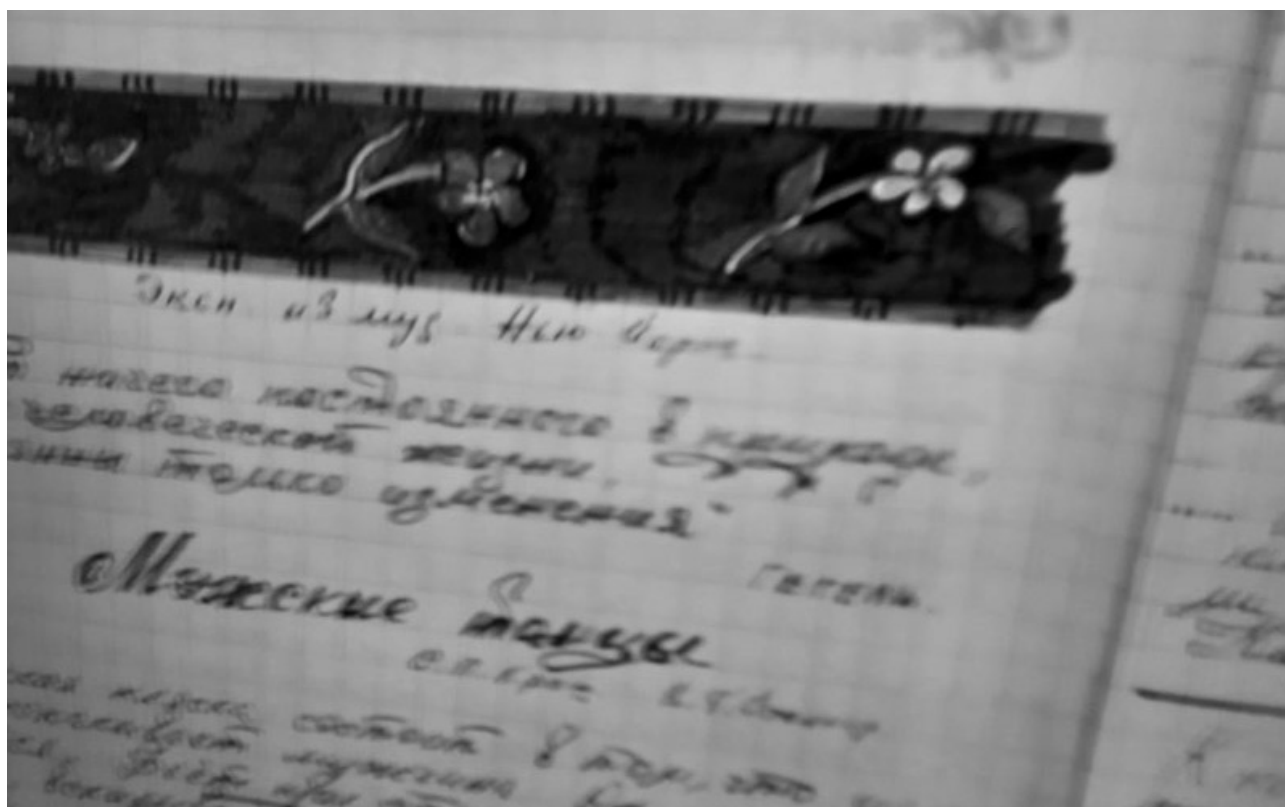
как из ведра. Шаман не замечал, что уже весь промок. Его волосы цвета вороньего крыла, всегда красиво спадающие из-под бисерной головной повязки – лилит, стали похожи на мокрые чёрные сосульки. Да и сам он как будто стал меньше ростом, мгновенно похудел. Какого неба достиг шаман, чтобы просить духов помочь ительменам начать свой самый главный в году праздник?

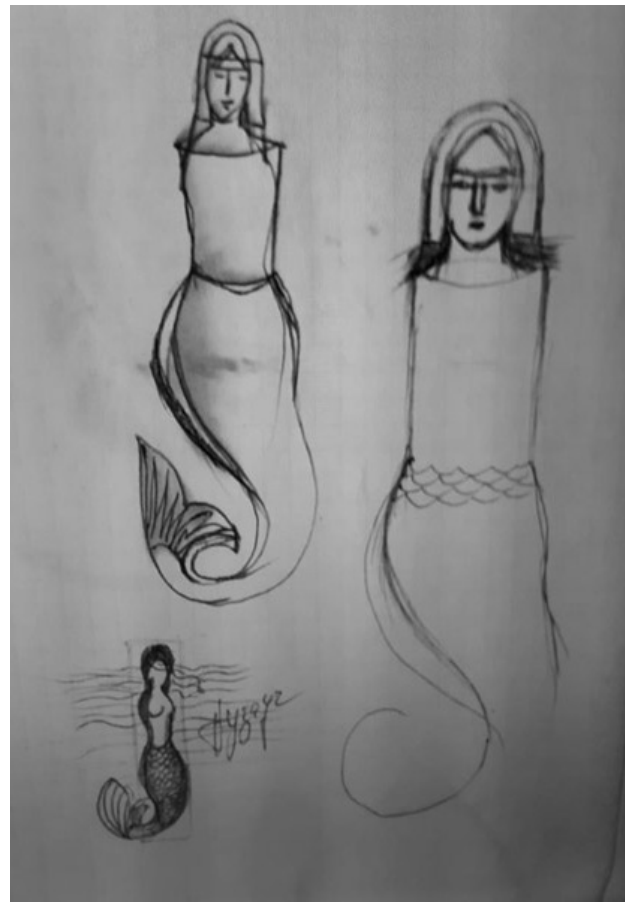
«Я далеко не летаю, вернуться трудно», как-то признался он коллеге по шаманскому цеху из Эвенкии.

Значит сила такая была у Бориса, что улетать далеко от Земли не обязательно. Духи сами спускались к нему. Его любили не только в этом мире, но и в том.

На этот раз пожаловал сам Творец Вселенной по ительменским поверьям – Ворон Кутх. Он громко каркнул, покружил в небе над кострищем, над камлающим Борисом, над ительменами и гостями праздника, над их национальным селом Ковран и отчалил восвояси.

Гром тут же прекратился, занудный

дождь перестал лить, небо прояснилось и Костёр разгорелся во всю свою мощь.

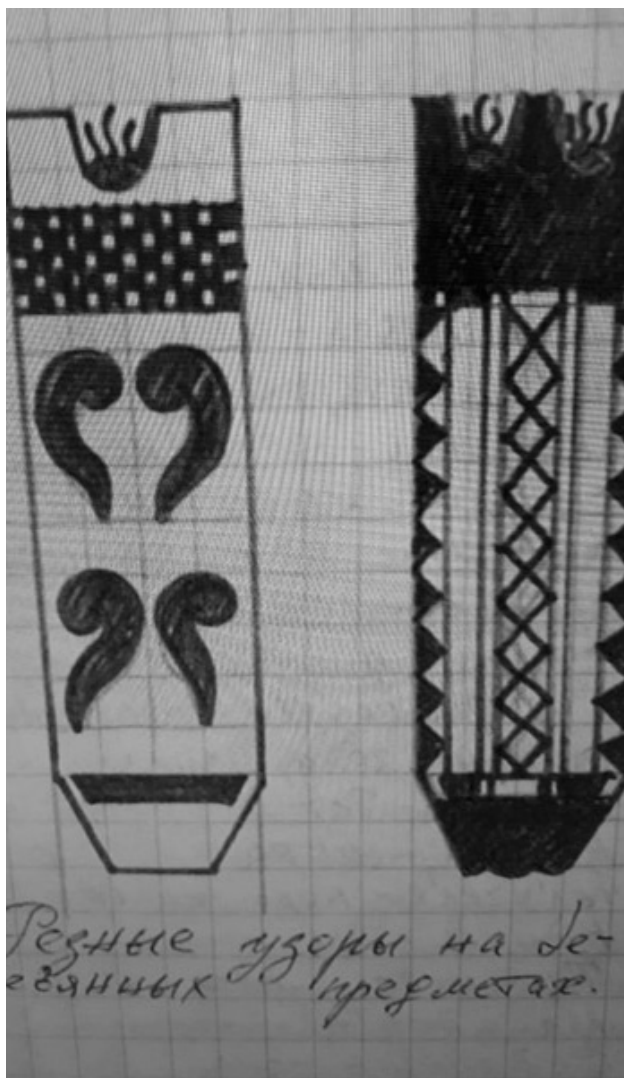
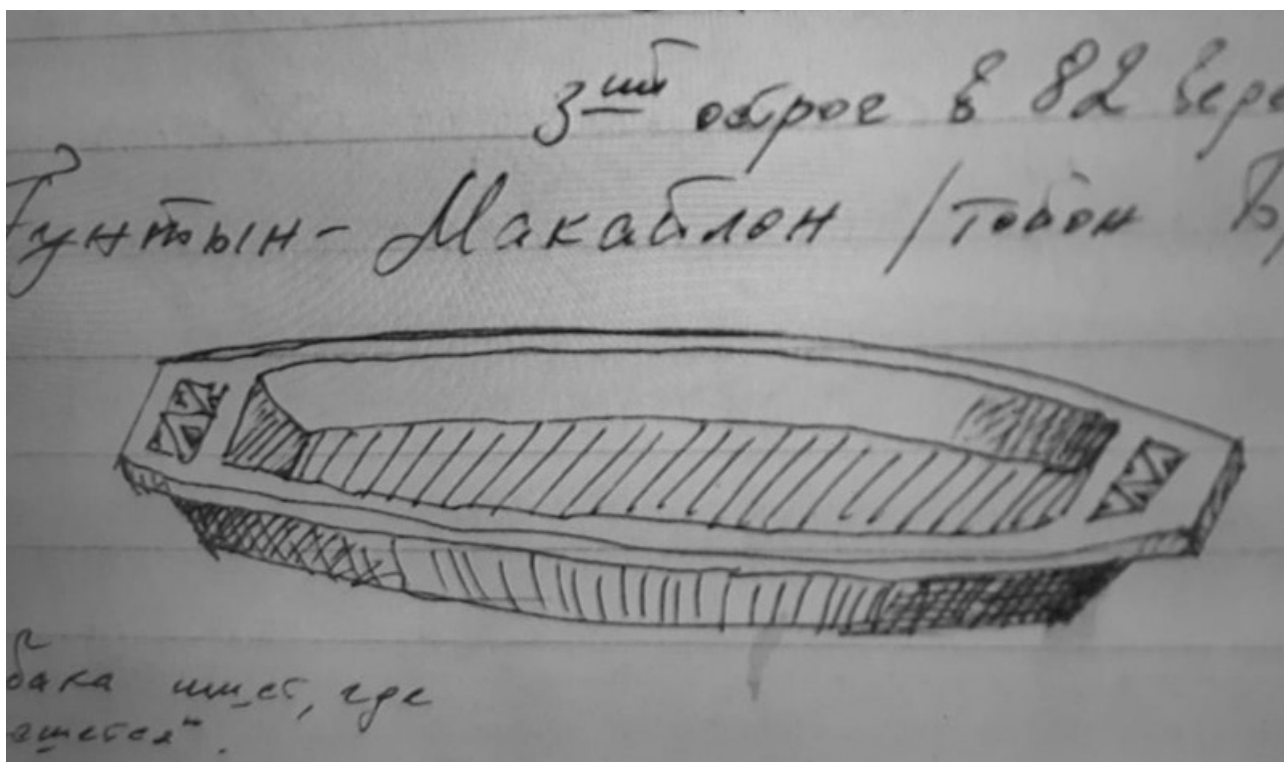
О Неведомом Боге

Борис отошёл в сторонку. На этот раз в гости к ительменам приехал священник отец Василий.

Они начали беседовать. «Я верю в Бога, – сказал Борис. Во Всевышнего, в того Неведомого Бога. Я сам установил идола в тундре недалеко от нашей священной сопки Эльвель в честь этого Бога. Хожу иногда кормлю ягодами, кусочками рыбы, нерпичьего жира: задабриваю».

Борис никогда не хулил Бога. Вселенная едина для всех жителей Земли, и у каждого подход к Богу свой. В доме Жиркова мирно уживались старинные иконы и шаманские атрибуты. Хотя развёл он их по разным комнатам. В кухне на за-

падной стороне висели на стене старинные иконы. На них молилась его мама поле того, как отец Василий окрестил её.

Ительмены очень открыты для человеческих контактов. Они с открытой душой встречали когда-то около 300 лет назад «первооткрывателей» этих мест, прибывших сюда казаков. Они встречали с открытой душой первых миссионеров, принимая их за белых шаманов. Ительмены совсем не воинственный народ, более того – открытый, искренний, хотя не без хитрецы. Но и хитрость их скорее детская, наивная, легко раскрываемая.

Со священником отцом Василием ительменский шаман Борис Жирков впервые встретился на ковранском кладбище. Батюшка отпевал покойного односельчанина. Борису передали, что священник хочет с ним познакомиться. Шаман подождал, пока закончится обряд. Они одновременно подошли друг к другу. Борис пригласил батюшку в гости. Вот что шаман вспоминал о той встрече:

«Отец Василий перекрестился, всё же к шаману в дом заходит. Мы начали разговаривать. Проговорили на разные темы до четырёх утра: пока не рассвело. Даже гимн сочинили для постановки «Ияночх». Он тогда мечтал в наших краях часовенку построить, приход открыть. Мы говорили о расположении планет во Вселенной, о том, что ими должен кто-то же управлять. Я тогда спросил: «Что это за сила? Может это Бог?» — «Ну кто же ещё? — ответил он. — Бог есть».

Когда завтракать садились, священник опять перекрестился, на иконы наши помолился. В мою комнату стал заходить, снова перекрестился. Хотел он книги по шаманизму выменять у меня, чтобы сжечь...

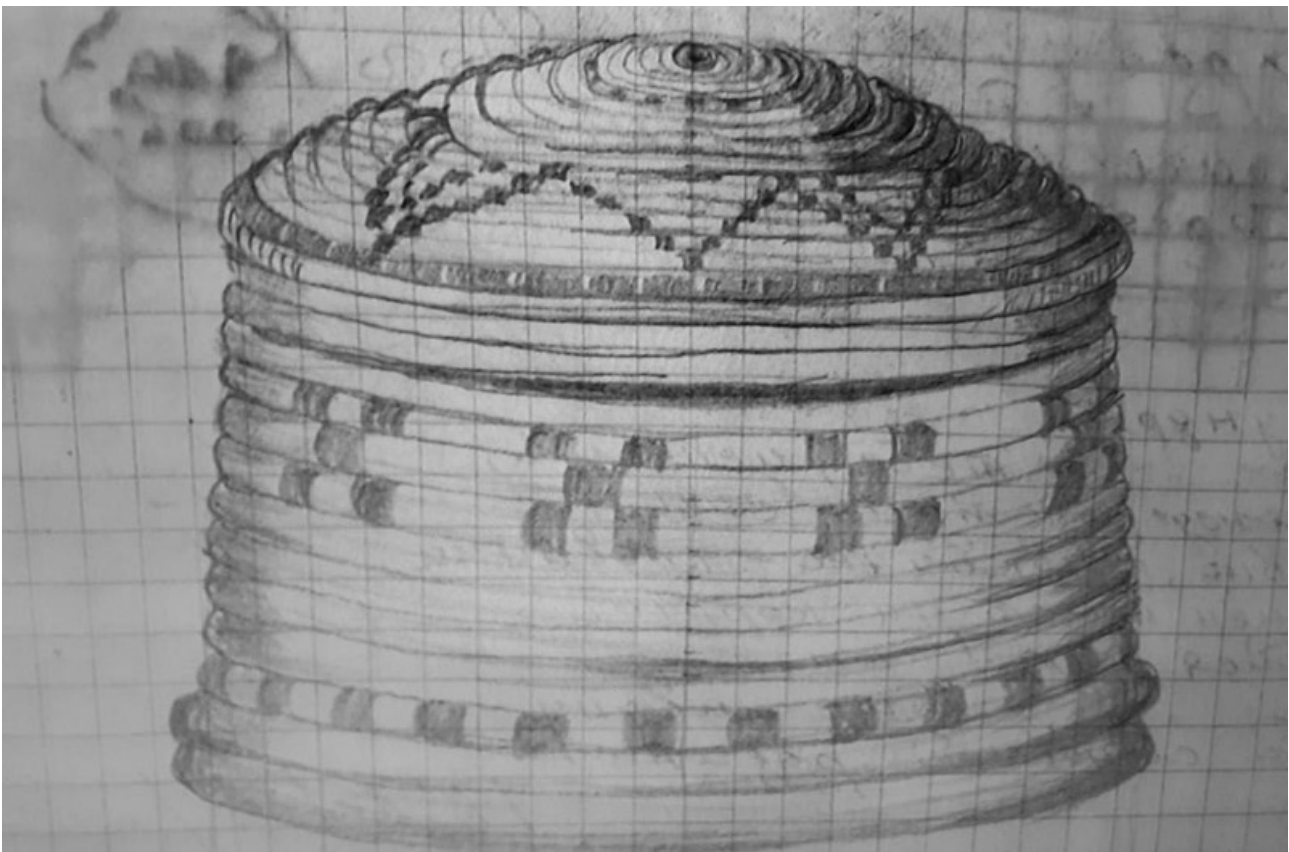
Потом мы подружились. В начале июня вместе проводили праздник Вскрытия реки. Сначала провели наш традиционный ительменский обряд. На лёд клали гольчиков и отталкивали льдину от берега. Если она пойдёт по течению, то всё в

нашем ительменском роду будет в этом году хорошо. А если прибьётся к берегу или перевернётся, (кувырнётся), то — совсем плохо будет. Я наговаривал наши старинные заговоры, обращался к речке: «На тебе, речка, возьми этот подарок от нас и неси его к морю, чтобы море нам на лето прислало много подарков» (рыбы). Потом Толя Левковский пел наши старинные родовые песни.

После отец Василий начал свой обряд. Он освятил нашу речку Ковран крестом и крестным знамением. Разулся и в ледяную речку вошёл босиком. Рясу свою намочил до пояса. И льдина наша поплыла по реке к Охотскому морю. Нашли её потом в тальниках.

После всех обрядов батюшка всех крестом освятил и сказал, что вода до вечера будет освящённой. Колодец в моём дворе тоже освятил.

А ведь до проведения обряда спорили мы с ним. Он спросил: «Ты к какому богу будешь обращаться?». Я ответил: «К

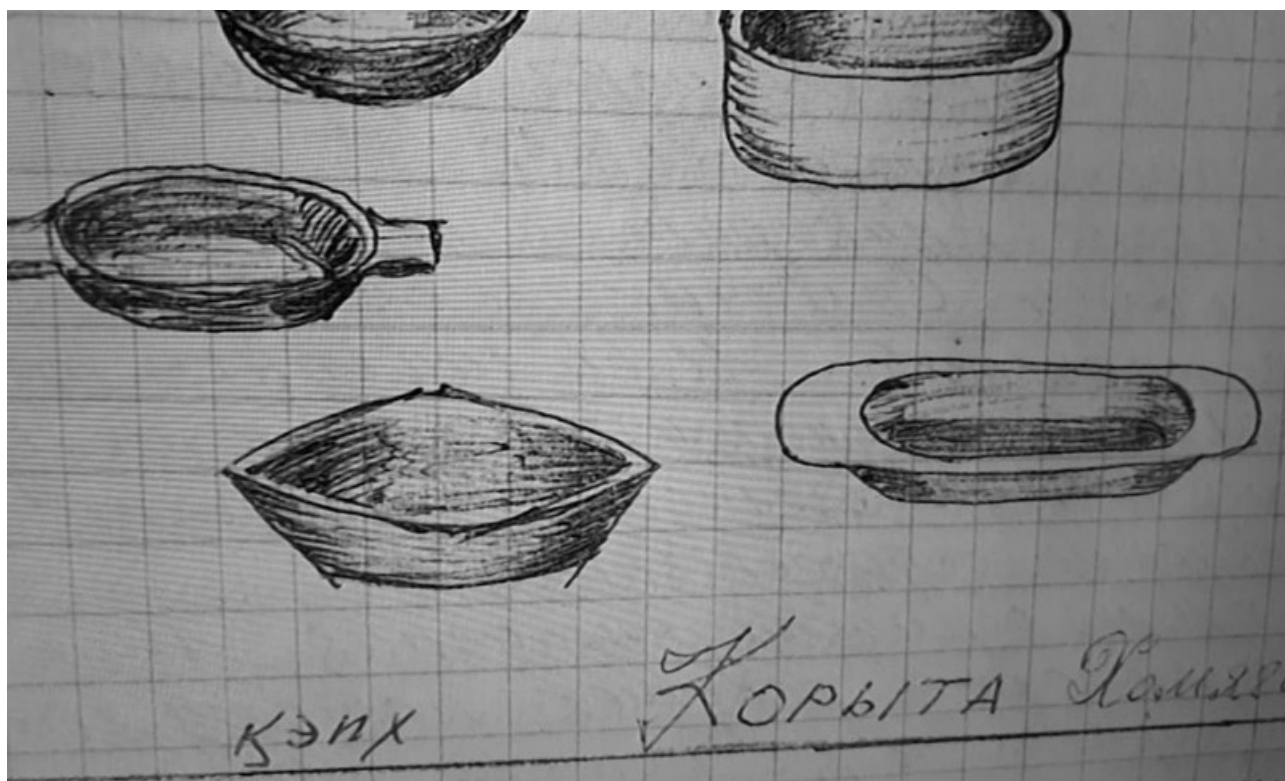

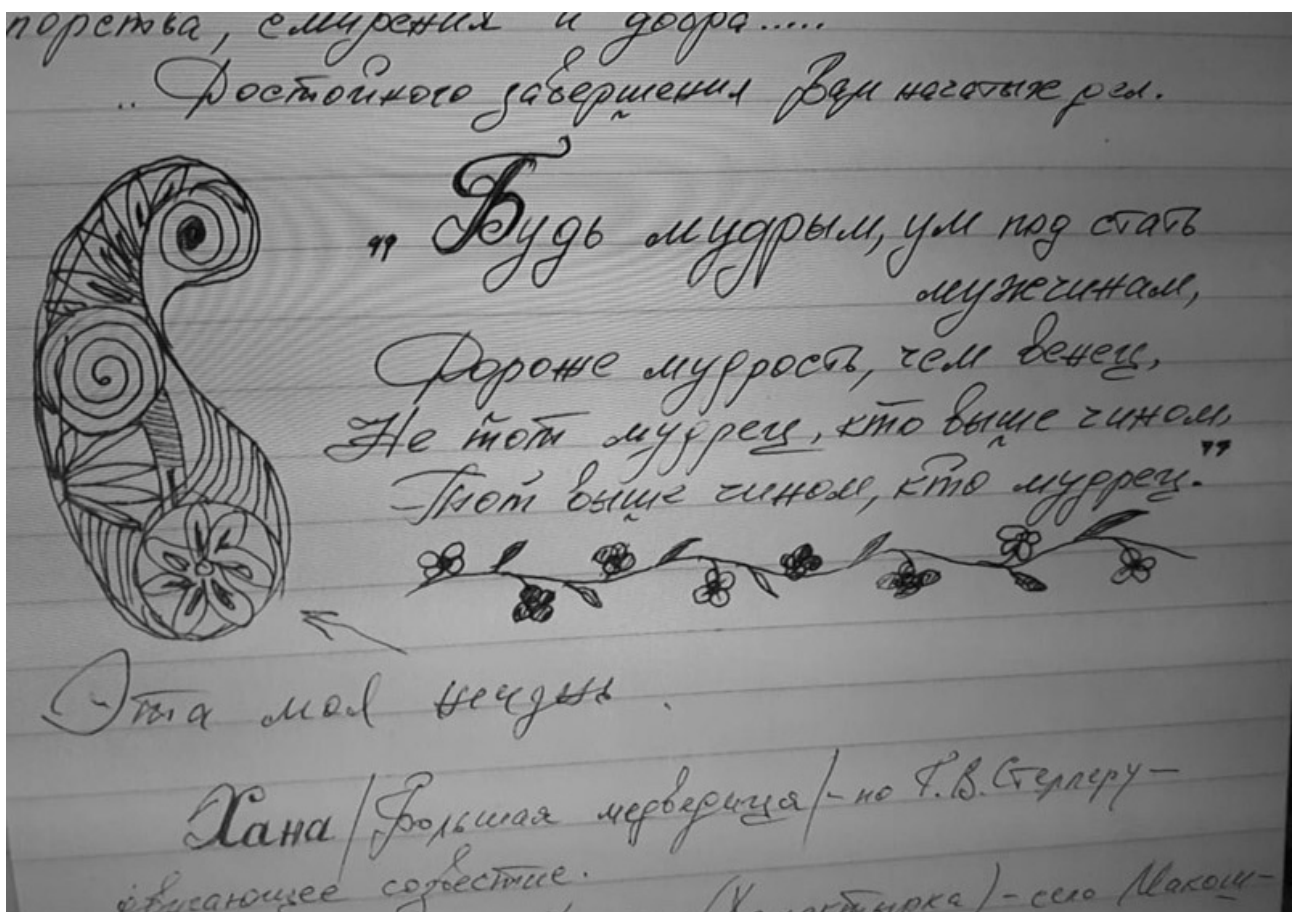
Кутху». Он: «А к другому Богу можешь обратиться?». «Почему?». «Я боюсь, – сказал священник». «Тогда я обращусь к Неведомому Богу Дустехтичу, – ответил я. «Это пойдёт», – ответил священник. На том и сошлись. И ведь хорошо провели обряд. Две религии. Отец Василий подарил мне Евангелие на ительменском языке, рассказал о Христе, о житии святых. Маму мою он окрестил и полечил: причастил».

Дитя Природы и целитель

Борис не умел хитрить. Он, при всей его шаманской силе, в обычной жизни был похож на ребёнка. Открытый, иногда наивный и смешной.

Однажды он гостил у меня в Подмосковье проездом от родной сестры из Казани. Гостил почти месяц. В подарок привёз огромную трёхлитровую банку с засоленным жиром. Необычное, но очень характерное для ительменов угощение. Они же – рыболовы и морзверобой. Са-

мое большое лакомство для них – лахтачий и нерпичий жир.

Мы гуляли по рынку: Борис хотел приодеться к своему юбилею. Он был большим модником, как и его любимая мамочка. Возможно, она привила ему эту страсть к красивым, необычным и модным вещам. На развале он увидел джинсы: наполовину вельветовые, наполовину джинсовые. Фасон явно не стандартный. Борис не задумываясь купил их. Вечером как ребёнок крутился у зеркала и всё спрашивал: «Ну правда идут? Правда, хорошо сидят на мне».

Он был небольшого роста, стройный, худощавый. Всегда красиво и модно одетый, всегда в яркой рубашке, на шее – кулон с драгоценным камнем на кожаном ремешке, на голове – бисерная повязка-лилит, в неё вставлено перо хищной птицы. Оно делало его профиль похожим на орлиный. Руки его украшали перстни с драгоценны-

ми камнями. В тот раз я подарила ему серебряное кольцо с ониксом. Потом много лет видела на его безымянном пальце это кольцо. Когда мы шли с ним по Москве, люди оглядывались: «Смотри, смотри: шаман идёт». В том, что Борис Жирков шаман, никто не сомневался.

Не сомневались в этом и ковранские. Те, кто меньше его знал или ревновал, посмеиваясь, говорили: «Да Боря? Какой он шаман... Артист...»

Да, и артист тоже. Кстати, это одна из ипостасей шамана, так считал главный шамановед мира Михай Копол.

В другой раз Борис приехал ко мне в гости после гастролей в Норвегии. Вот что он тогда рассказал: «Норвегия понравилась дивно белыми ночами. Вставал я в 7 часов утра. Шёл на площадку для проведения обрядового праздника «Алхалалалай». Оформлял её по традиции, вырезал

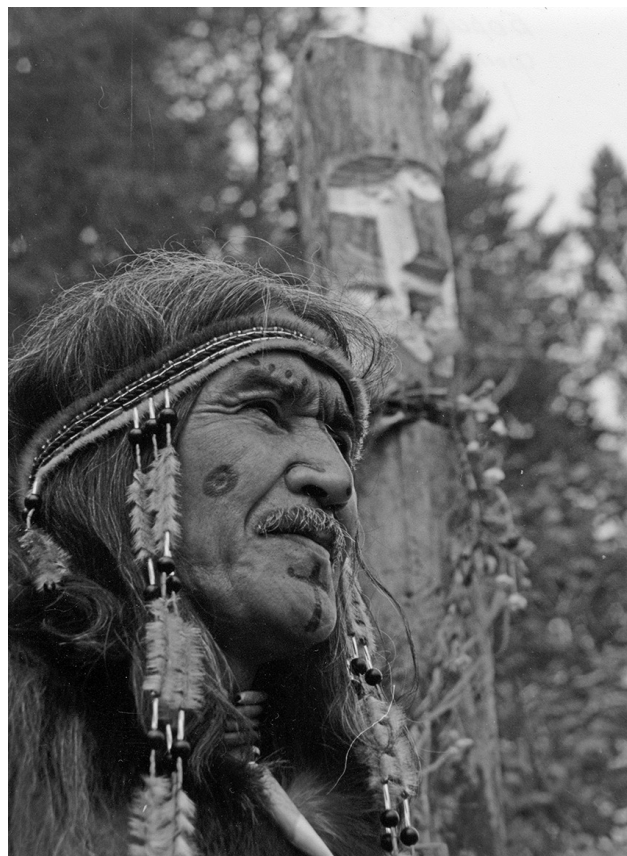
из берёзы идола, резал с ребятами жерди для балагана. Строили маленькую юрточку, украшали её травой. В это время к нам подходили и шведы, и французы, и итальянцы, интересовались шаманством на Камчатке. В Норвегии природа очень похожа на камчатскую — цветы такие же, реки шумные, водопады похожи. Речка Манндалена течёт очень быстро, на поворотах аж брызжет. Она даёт колоссальную энергию. Я на берег речки Олега Запороцкого водил, энергии набраться. Сам я все хотел посмотреть место, где викинги по легенде высадились: но это было от нас довольно далеко».

Во время семинара «Сны», проходившего в местечке Манндален, Борис первым начал свой рассказ о значении снов для ительменов: «Когда ительмен просыпается, он первым делом спрашивает, что его сородичи видели во сне и рассказывает сам о своих сновидениях. Они издавна занимались хиромантией и очень многому удивлялись в трактовке снов. В Ковране всегда были люди, которые могли трактовать сны. Среди них были Татьяна Левковская и Катя Жиркова.

Во сне душа отлетает и может далеко улететь. Поэтому, когда человек просыпается, он не сразу в себя приходит: постепенно».

Борис часто видел вещие сны: «Когда я бываю в странах, которые видел во сне, вижу эти же улицы, мосты, орнаменты на домах. Так я видел Турцию, хотя там ещё не бывал. Видел Италию: лев за мной гонялся по скалам, я по винтовой лестнице от него убегал. Те же скалы потом видел в Италии».

Тогда на гастролях в Норвегии Борис провёл священный обряд очищения. Все присутствующие прошли через берёзовое кольцо, очистившись от грехов, накопленных за год. «Во время обрядового танца «Охота на медведя» зрители по-настоя-

щему испугались медведя. А это был наш Юрка Мещеряков, одетый в шкуру медведя. Он сбегал с горы прямо в толпу. Все с криком разбежались в стороны». В тот раз, как и в Ковране во время «Алхалалалая» провели конкурс на умение быстро и качественно обработать свежельвленную рыбу. Тогда их единственный и самый одарённый композитор Анатолий Левковский занял второе место. «У саамов ножи очень отличаются от ительменских, — вспоминал Борис. — Саамский нож с коротким лезвием, и пластают им рыбу совсем иным способом, чем у ительменов. Что нас тронуло. Народ в Норвегии очень на наш похож. Спокойный. Когда мы уезжали, все жители деревни нас провожали, старики-оленоводы обнимали».

Все в Ковране знали, что Борис Жриков умеет лечить людей. Это тоже одна из ипостасей шамана. Борис делал это ненавязчиво, очень скромно, не выпячивая свои знания. Откуда он их получил? Может

быть, кто передал, а может быть сам изучал акупунктуру? Он считал, что самые сильные точки у человека на ступнях и ладонях. Меня он тоже однажды лечил. Просто нажимал на определённые точки на ногах и руках и держал. Несколько сеансов хватило, чтобы привести в поря-

док мои бронхи. Он лечил своих артистов, когда что-то случалось, лечил маму, сам себя лечил.

Борис был образованнейшим человеком. Об этом говорят дневники, которые он оставил ительменам как завещание. Из дневников можно понять, какой обширный был его кругозор, сколько интересных книг он прочитал, непременно выписывая нужные ему факты и мысли. Он прекрасно рисовал. Перерисовывал из этнографических книг старинные предметы быта ительменов, делал свои зарисовки, иллюстрировал ительменские сказки.

Жирков имел много почётных званий: заслуженный работник искусств России, Душа России и прочие. Чтобы стать заслуженным или народным артистом, как его друзья и коллеги – Иосиф Жуков, Татьяна Романова, Екатерина Гиль, надо пройти тысячу бюрократических кордонов или иметь покровительствующую руку. Борис ничего этого не имел, не умел и не хотел. При этом он давно заслужил звание народного артиста России, пусть и посмертно. Мы все, знавшие его, хотели бы этого.

